

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ—АПРЕЛЬ

2

1983

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зеленин В. В., Карасев В. Г.</i> Задачи историко-славистических исследований в свете решений XXVI съезда КПСС	3
<i>Костюшко И.</i> Деятельность КПСС и ПОРП по укреплению советско-польской дружбы	10
<i>Михутина И. В.</i> Рабочее движение стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами	17
<i>Быстрицкий В., Деак Л.</i> (ЧССР). Государства Центральной и Юго-Восточной Европы и проблема безопасности в 30-х годах	31
<i>Саливон А. Н.</i> Вильцы-лютичи	49
<i>Варварина Е. Е.</i> Эволюция образа героя-современника в болгарской прозе 60—70-х годов	59
<i>Соболева Е. Б.</i> Формы определения имени существительного в Добромировом евангелии	69
<i>Левочкин И. В.</i> Древнейший список пространного Жития Константина Философа	75
<i>Зеленина Э. И.</i> Новые исследования болгарских ученых по народной духовной культуре	80
<i>Гранчак И. М.</i> IX Всесоюзная научная конференция историков-славистов	96

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Улуриян А. А. Н. Т. Сапронова.</i> Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии (1917—1923)	104
<i>Наумов Е. П.</i> Вопросы социально-экономического развития балканских стран в межвузовских сборниках советских медиевистов	105
<i>Богомолова Н. А. Г. Д. Вервес.</i> Максим Рыльский в кругу славянских поэтов	107
<i>Липатов А. В.</i> Эпоха Просвещения и литература	110

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ЗЕЛЕНИН В. В., КАРАСЕВ В. Г.

ЗАДАЧИ ИСТОРИКО-СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXVI СЪЕЗДА КПСС¹

Советский народ под руководством Коммунистической партии вдохновенно трудится над выполнением исторических решений XXVI съезда КПСС, представляющих собой развернутую программу деятельности советских трудящихся во всех сферах экономики и политики, науки и культуры. Крупным событием в истории нашего многонационального государства стало всенародное празднование 60-й годовщины образования СССР.

Съезд подвел итоги развития советской страны в 70-е годы и в десятой пятилетке, определил задачи партии и народа на новом этапе коммунистического строительства — в одиннадцатой пятилетке и до конца 80-х годов, дал оценку современного международного положения, выдвинул новые важные инициативы, направленные на ослабление международной напряженности, упрочение мира и безопасности народов, вошедшие в сознание всех миролюбивых людей как советская Программа мира для 80-х годов.

Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду КПСС, в котором воплотились мудрость ленинской партии, величие и неодолимая сила ее идей и обобщен опыт строительства социализма и коммунизма, является выдающимся образцом творческого марксизма-ленинизма.

«Марксистско-ленинская партия, — говорилось в Отчетном докладе ЦК КПСС, — не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, **творческому развитию марксистско-ленинской теории**» [1]. После XXV съезда теоретический арсенал нашей партии пополнился рядом важных обобщений и выводов и прежде всего была разработана концепция развитого социализма, опираясь на которую, партия уточнила и конкретизировала пути и сроки реализации наших программных целей, определила стратегию и тактику на длительный период. Созданы были также труды об опыте мирового социализма, о закономерностях мирового революционного процесса, по истории международного рабочего движения, современного этапа общего кризиса капитализма, современных международных отношений.

За послевоенные годы советское историческое славяноведение добилось впечатляющих успехов. История южных и западных славян прочно вошла в систему исторического образования в нашей стране. Историками-славистами подготовлены фундаментальные коллективные и индивидуальные монографии по самым различным вопросам истории зарубежных славянских народов, русско- и советско-славянских связей и отношений. Все большее место занимают исследования сравнительно-

¹ Доклад, прочитанный на IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов 21 сентября 1982 г. (Ужгород).

исторического и комплексного (междисциплинарного) характера. С реорганизацией Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики АН СССР магистральной линией его работы стало создание такого рода трудов по важнейшим аспектам истории народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и в частности по проблемам социалистических революций и строительства социализма.

Сравнительно-исторические исследования проблематики всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы и истории зарубежных славянских народов отвечают современным задачам, поставленным партией перед общественными науками. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить общее и особенное в развитии отдельных народов и явлений. При изучении революционного процесса с позиций марксизма-ленинизма с особой силой и убедительностью прослеживаются как общие закономерности пролетарской революции, воплотившиеся в жизнь в Великой Октябрьской социалистической революции в России и в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, построения социалистического общества, так и конкретные, специфические черты и особенности каждого периода, страны и народа.

Сравнительно-исторические и комплексные исследования по истории народов всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы, включающего южных и западных славян, ведутся в Институте славяноведения и балканистики также по важнейшим узловым проблемам истории — таким, как национально-освободительные движения и формирование наций в эпоху перехода от феодализма к капитализму, создание национальных государств, этногенез славян, формирование средневековых славянских народностей и зарождение у них этнического самосознания; изучаются политические, революционные и культурные связи зарубежных славянских народов с народами СССР. Важное место занимают исследования о влиянии ленинизма на развитие революционного и коммунистического движения в странах региона, помощи СССР в борьбе народов этих стран за свободу и независимость в годы второй мировой войны. Интенсивно изучается проблематика борьбы революционных сил против фашистских и антидемократических режимов в межвоенный период. Одновременно продолжается изучение двусторонних связей нашей страны с зарубежными славянскими странами. В эту работу ценный вклад вносят историки-слависты высших учебных заведений.

Созданные в Институте славяноведения и балканистики за последнее десятилетие крупные сравнительно-исторические и комплексные исследования в целом отвечают современным требованиям и отражают возросший методологический, теоретический и профессиональный уровень наших историков-славистов и балканистов. Они заслужили высокую оценку советской и зарубежной научной общественности. Назовем важнейшие из них:

«Великий Октябрь и революции 40-х годов». Недавно вышло из печати второе переработанное и дополненное издание этого труда;

«В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»;

«VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»;

«Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость в 1941—1945 годах»;

«Рабочий класс и строительство социализма».

Посвященные узловым проблемам революционного процесса в изучаемом регионе такие труды, как «Великий Октябрь...» и «VII конгресс Коминтерна...» на конкретном материале раскрывают всемирно-историческое значение Великого Октября, действие закономерностей Великой Октябрьской социалистической революции в странах региона, огромную организующую роль Коминтерна накануне всемирной схватки с фашизмом и одновременно показывают специфику революционного процесса в каждой отдельной стране, вклад революционных сил этих стран в мировой революционный процесс.

Вышедшие в свет труды серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры» представляют собой междисциплинарные исследования, в которых принимают участие историки, филологи, историки культуры. Среди них назовем такие работы, как «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты», «Освободительные движения народов Австрийской империи» (в двух книгах), «Социальная структура общества в XIX веке». В ряде трудов рассматриваются культурные, литературные и языковые аспекты процесса национального возрождения.

Сделаны первые важные шаги в изучении международных отношений: вышел в свет труд «Империалистическая политика „Дранг нах Остен“ и народы Центральной и Юго-Восточной Европы», идет подготовка «Очерков международных отношений на Балканах». Готовятся сравнительно-исторические труды по формированию и развитию социалистического содружества, возрождению государственности у балканских народов и другим темам.

В последние годы работниками других академических институтов и вузов страны были написаны ценные работы по истории южных и западных славян, о межславянских связях, о международном положении на Балканах во второй половине 30-х годов и др.

Появились исследования о национально-освободительной борьбе болгарского народа против фанариотского ига, политических организациях болгарского национально-освободительного движения 50—60-х годов XIX в., роли болгар Юга России в национальном возрождении, вкладе России в подготовку болгарской интеллигенции в 50—70-х годах XIX в., о деятельности Г. С. Раковского, Апрельском восстании 1876 г., месте России в конституционном строительстве непосредственно после освобождения Болгарии от османского ига, о формировании и развитии болгарского пролетариата, революционном учительском движении, революционной борьбе крестьянства в 30-х годах, отношении советской общественности к болгарскому революционному движению, исторических связях народов Белоруссии и Болгарии, о Г. Димитрове, в связи со 100-летием со дня его рождения.

Историческая полонистика обогатилась в последнее время трудами об армянских колониях в средневековой Польше, молдаво-польских связях XVII—XVIII вв., польском вопросе во внешней политике Франции в начале XIX в., экономическом и социальном развитии Королевства Польского в 1815—1830 гг., становлении польского социалистического движения, интернациональной солидарности трудящихся Польши и Западной Украины в борьбе против фашизма и угрозы войны, советско-польских отношениях в период Великой Отечественной войны.

Вышла в свет монография об антинародной деятельности униатской церкви в межвоенной и послевоенной Чехословакии.

Опубликованы новые исследования по истории Югославии — о национально-освободительном движении в Словении и Черногории, русско-югославянских отношениях второй половины XVIII в., восточном кризисе 1875—1878 гг., революционном молодежном движении 1918—1924 гг., борьбе демократических сил Югославии против реакции и угрозы войны в 1929—1939 гг.

В Институте славяноведения и балканистики в течение многих лет ведется напряженная работа по публикации документов и материалов, осуществляемая совместно с коллегами из зарубежных славянских стран. Это — документы и материалы по советско-болгарским, советско-польским и советско-чехословацким отношениям; вышел в свет сборник об участии югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР; готовится однотомная публикация о советско-югославских отношениях между двумя мировыми войнами. Успешно продолжается публикация документов по различным аспектам русско-славянских отношений в XIX в. Вышла первая книга (1804—1807 гг.) двухтомной советско-югославской публикации «Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия».

Эта трудоемкая работа способствовала вводу в оборот огромной массы ценных источников по истории политических, экономических и культурных отношений между народами нашей страны и зарубежными славянскими народами. Таким образом, создана солидная источниковая база для написания монографических исследований и обобщающих трудов.

XXVI съезд КПСС поставил перед общественными науками чрезвычайно важные и ответственные задачи, которые были четко и ясно сформулированы в директивном документе съезда «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года». В нем были перечислены главные направления сосредоточения усилий ученых-обществоведов. Приведем те из них, которые самым прямым образом касаются исторической науки, а, следовательно, и историков-славистов: обобщение опыта революционно-преобразующей деятельности КПСС, международного коммунистического и рабочего движения; исследование проблем социальной структуры и политической системы зрелого социализма; изучение закономерностей развития мировой социалистической системы; критика антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачение фальсификаторов марксизма-ленинизма.

Наряду с этими направлениями, охватывающими проблематику перехода от капитализма к социализму и в первую очередь революций 40-х годов в зарубежных славянских странах, всесторонним анализом опыта социалистического развития, научную и политическую актуальность сохраняют такие магистральные направления исторического славяноведения, как: комплекс проблем, связанных с переходом от феодализма к капитализму; национально-освободительное и революционное движение зарубежных славянских народов в конце XVIII—XIX в.; формирование наций, зарождение и развитие революционного рабочего движения, идей пролетарского интернационализма, становление и развитие национальной государственности у южных и западных славян; всестороннее исследование исторически прогрессивной роли России в борьбе славянских народов Балканского полуострова за национальное освобождение; проблема этногенеза славянских народов и др.

Особенно актуальной в научном и политическом плане является обширная проблематика всесторонних отношений и связей народов СССР с зарубежными славянскими народами с древнейших времен до наших дней, приоритетная разработка которой определяется наличием собственных источников, в первую очередь архивных документов, прессы и др.

Приведенный нами далеко не полный перечень направлений исследования мирового революционного процесса и, в частности, социалистических революций и строительства социализма, других периодов в истории зарубежных славянских народов, связей последних с народами нашей Родины показывает, сколь велики и ответственны задачи, поставленные XXVI съездом КПСС перед советскими историками-славистами, составляющими ныне большой отряд обществоведов марксистов-ленинцев.

Так, продолжают начатые в предыдущем десятилетии сравнительно-исторические и комплексные исследования по проблематике социалистических революций и построения социализма и развитого социалистического общества. Интенсивно разрабатываются и все другие периоды и аспекты исторического процесса.

Вместе с тем было бы неправильно, если бы мы сегодня не отметили имеющихся в нашей работе недостатков. Назовем, на наш взгляд, важнейшие из них.

Большим успехом исторического славяноведения 1950—1960-х годов было создание трудов по истории народов зарубежных славянских стран — Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, вузовских учебников и учебных пособий по истории южных и западных славян. Между тем уже прошло четверть века с момента выхода в свет упомянутых трудов. Перед историками-славистами стоит важная задача глубокого аналитического обобщения опыта строительства социализма в

зарубежных славянских странах, доведение изложения истории братских народов до наших дней. Совершенно естественно, что целый ряд вопросов истории этих народов должен быть освещен с учетом всех достижений как советской исторической науки, так и историографии братских стран, с учетом введенных за это время в научный оборот многочисленных источников и т. д.

Принимая все это во внимание, Институт славяноведения и балканистики начал подготовку книг, рассчитанных на широкого читателя, по истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе — Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, с древнейших времен до наших дней объемом в 30—35 печатных листов.

В последнее время наметилось заметное ослабление работы по проблематике истории славянских народов в период феодализма, а между тем в братских странах накоплен большой источниковый и историографический материал. Советским славистам-медиевистам следует приложить усилия к созданию фундаментальных исследований, раскрывающих общее и особенное в развитии феодальной формации у зарубежных славянских народов.

На фоне несомненных успехов в разработке истории славянских народов в эпоху национального возрождения как заметное отставание выглядит недостаточная разработка проблематики истории этих стран в эпоху империализма. Также явно недостаточно исследуются важнейшие вопросы зарождения и развития идей пролетарского интернационализма, революционные связи славянских народов с народами нашей страны.

Необходимо более глубоко и интенсивно изучать развитие прогрессивной общественной мысли у славянских народов в различные эпохи их истории, вскрывать тесные связи передовых славянских мыслителей с представителями прогрессивной общественной мысли нашей страны.

Сделаны первые важные шаги в области освещения этногенеза славян. В этом направлении следует продолжить комплексные исследования, соединяя воедино достижения истории, археологии, этнографии, лингвистики и других наук.

XXVI съезд нашей партии обязал всех ученых-обществоведов вернуться к критике антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, неустанно разоблачать фальсификаторов марксизма-ленинизма.

Все эти требования в полной мере относятся и к нам. Можно без преувеличения сказать, что наши идейные противники много лет ведут сосредоточенный огонь по всем периодам истории СССР и зарубежных славянских народов, других народов социалистических стран. Выполняя империалистический заказ — оторвать народы социалистического содружества от СССР, антикоммунисты прилагают немалые усилия к тому, чтобы извратить и опорочить связи наших народов с зарубежными славянскими народами, разрушить идейное и духовное единство народов социалистического содружества. При этом идеологическая борьба в сфере исторической науки ведется по всему фронту истории с древнейших времен до наших дней, начиная, например, с проблем этногенеза отдельных славянских и балканских народов до вопросов строительства социализма.

Задача историков-славистов состоит в том, чтобы аргументированно опровергать все буржуазные фальсификации, касающиеся как истории славянских народов, так и их взаимоотношений с народами нашей Родины.

XXVI съезд КПСС призвал совершенствовать систему планирования и координации научных исследований, неуклонно повышать качество подготовки специалистов, точнее учитывать при их распределении реальные потребности, полнее использовать их творческий потенциал в интересах коммунистического строительства. Применительно к историко-славистическим исследованиям это означает, что историки-слависты вузов и академических учреждений должны объединить свои усилия в

решении актуальных задач советского исторического славяноведения. Следует подчеркнуть в этой связи особую роль Института славяноведения и балканистики и Славянской комиссии секции истории Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования (МВССО) СССР. Президиум секции истории НТС МВССО СССР (председатель — проф. В. И. Кузицин) уделяет большое внимание возрастающей роли координации научно-исследовательской деятельности академических учреждений и высших учебных заведений. В числе последних — университеты, педагогические институты, институты культуры. Президиум секции истории НТС разработал тематический план научно-исследовательской работы по истории в университетах нашей страны на 1981—1985 гг., согласованный с ведущими институтами АН СССР. В этом плане нашла отражение и историко-славянистическая проблематика. Славянская комиссия исторической секции НТС (председатель — проф. В. Г. Карасев) ведет работу по определению головных факультетов и кафедр по различным отраслям историко-славянистических знаний с целью издания стабильных межфакультетских сборников научных работ. Задача состоит в том, чтобы шире развивать межкафедральную и межфакультетскую тематику, исходя из возможности вузов сконцентрировать силы и средства на решении крупных узловых проблем имеющих большое научное, идеологическое и практическое значение. Следует обратить особое внимание на улучшение качества научной продукции, на ликвидацию параллелизма и мелкотемья, дублирования в научных работах. В интересах координации исследовательской работы, в том числе при подготовке кадров историков-славистов высшей квалификации, по нашему мнению, целесообразно создать координационный совет из числа ведущих специалистов Академии наук и вузов СССР.

Заслуживает внимания в этой связи координационный план научно-исследовательских работ Научного совета по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР на 1981—1985 гг., в котором учтены научные труды и работников вузов нашей страны. В этом плане обозначены докторские и кандидатские диссертации по координируемой Научным советом проблеме.

Следует всемерно поддерживать усилия Исторической секции НТС МВССО СССР, направленные на восстановление издававшегося в 1958—1961 гг. журнала «Научные доклады высшей школы. Исторические науки». Восстановление этого журнала безусловно послужит улучшению дела координации научных исследований в области истории.

Актуальной задачей историков-славистов вузов в одиннадцатой пятилетке остается создание новых учебников и учебно-методических пособий по всем историко-славянистическим дисциплинам, написание нового учебника по истории южных и западных славян, в котором бы нашел отражение проблемный принцип чтения этого фундаментального профилирующего курса в университетах нашей страны. Историко-слависты университетов не имеют ни учебников, ни учебных пособий по курсам историографии и источниковедения истории зарубежных славянских народов. Коллектив кафедры истории южных и западных славян Московского университета впервые создал стабильные программы по этим курсам. В настоящее время кафедра приступила к написанию учебного пособия по курсу историографии истории южных и западных славян.

Как показывает опыт, создание учебников и учебных пособий по историографии — дело весьма трудоемкое и ответственное как в научном, так и в политическом отношении, поскольку курс историографии несет огромную идеологическую нагрузку. Решение этой важнейшей задачи потребует координации усилий ведущих преподавателей вузов и сотрудников академических институтов. Было бы желательно, чтобы вопросы историографии истории зарубежных славянских народов заняли одно из центральных мест на очередной X Всесоюзной научной конференции историков-славистов. Предлагается созвать специальной историографической конференции историков-славистов, посвященной этому вопросу.

Следует обратить внимание историков-славистов вузов и академических институтов на настоятельную необходимость издания источников по славяноведению вообще и исторической славистике, в частности. Назрела потребность в разработке комплексной программы по реализации этой важнейшей задачи с привлечением квалифицированных кадров ученых-славистов, изысканием необходимых средств и соответствующего полиграфического обеспечения. Университеты страны испытывают острую потребность в изданиях источников для чисто учебных целей, в частности хрестоматии по истории южных и западных славян. Публикация источников по всем периодам истории зарубежных славянских народов имеет не только учебно-прикладное, но также актуальное научное и политическое значение.

Перед историками-славистами Советского Союз XXVI съездом нашей партии поставлены большие и ответственные задачи. В недавно принятом постановлении Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений» [2] подчеркивается, что работа по систематическому повышению квалификации преподавателей вузов должна быть подчинена успешному решению ими главной задачи — на высоком теоретическом уровне, ярко и убедительно раскрывать идейное богатство и всепобеждающую силу революционного учения, огромный теоретический вклад, вносимый в его развитие КПСС и ее Центральным Комитетом. Историкам-славистам вузов и академических учреждений необходимо обсудить вопрос о повышении квалификации преподавателей истории южных и западных славян в вузах.

Задачи всех работников высшей школы, в том числе, конечно, и историков-славистов, состоят в том, чтобы формировать у студентов марксистско-ленинское мировоззрение, умение применять социально-политические знания на практике, воспитывать их активными борцами за коммунистические идеалы, за дальнейшее укрепление политического, экономического и оборонного могущества СССР, братской дружбы между народами нашей страны, интернационалистами, патриотами, непримиримыми к враждебной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77.
2. Правда, 1982, 11 IX.

КОСТЮШКО И.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПСС И ПОРП ПО УКРЕПЛЕНИЮ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЙ ДРУЖБЫ

Дружба между народами Советского Союза и Польши, сложившаяся в ходе их борьбы за независимость и социальный прогресс, скрепленная совместно пролитой кровью в войне с фашистскими захватчиками, с установлением народной власти в Польше обогатилась новым содержанием, стала важным фактором успешного развития братских народов. Советско-польские дружественные отношения получили международно-правовое оформление и закрепление в Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой, подписанном 21 апреля 1945 г. Обе стороны, убежденные в том, что укрепление отношений доброго соседства и дружбы между СССР и Польшей отвечает жизненным интересам советского и польского народов, обязались «и после окончания настоящей войны сотрудничать в духе дружбы в целях дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран» [1]. В соответствии с этим договором в процессе строительства социализма развивались дружба и сотрудничество между СССР и Польшей.

Выдающаяся роль в упрочении советско-польской дружбы принадлежала и принадлежит братским партиям — КПСС и ПОРП. Выражая коренные интересы всего народа, являясь ведущей и направляющей силой своего общества, руководствуясь принципами социалистического интернационализма, КПСС и ПОРП были и остаются наиболее последовательными поборниками советско-польской дружбы. Единство взглядов и действий КПСС и ПОРП в области советско-польских отношений определяется идейной общностью обеих партий, их общими целями в построении социализма, в обеспечении безопасности народов, интересами развития и упрочения социалистического содружества. На этой основе осуществлялась многогранная и плодотворная деятельность КПСС и ПОРП по расширению и углублению дружественных связей между народами СССР и Польши. КПСС и ПОРП рассматривали и рассматривают советско-польскую дружбу как важнейшее условие, залог нерушимого союза СССР и ПНР, их тесного и взаимовыгодного сотрудничества в социалистическом строительстве и в деле обеспечения безопасности братских народов. Высоко оценивая значение дружественных отношений между Советским Союзом и Польшей, они считали и считают своим долгом всемерное содействие упрочению советско-польской дружбы.

В документах КПСС и ПОРП и выступлениях руководящих деятелей братских партий раскрываются истоки советско-польской дружбы, ее характерные черты, подчеркивается ее значимость, определяются задачи в деле дальнейшего развития и укрепления дружбы между советским и польским народами.

КПСС, руководствуясь ленинским учением, считала одной из своих важных задач развитие дружбы и сотрудничества с Польшей и другими социалистическими странами. В резолюциях съездов КПСС указывалось на необходимость всемерного укрепления единства стран социализма на основе братского сотрудничества и взаимопомощи [2, 1956, 25 II; 1961, 1 XI].

Обогащая традиции своих предшественниц, ПОРП подчеркивала значение польско-советской дружбы для судеб польского народа и содействовала развитию дружественных связей между Польшей и СССР. В «Идейной декларации ПОРП», принятой на I Объединительном съезде партии в декабре 1948 г., указывалось: «Союз и дружба с Советским Союзом и странами народной демократии дают нам возможность быстрого экономического развития и обеспечивают возможность построения социализма в Польше» [3, 1949, № 1, с. 11, 18—19]. «Решающую роль в этих исторических преобразованиях, которые пробуждают сегодня к жизни мощные силы и творческие таланты польских народных масс, — отмечал Председатель ЦК ПОРП Б. Берут, — играют братская помощь, дружба и пример советских народов, которыми руководит и которые победоносно ведет вперед к коммунизму ВКП(б)» [2, 1952, 8 X]. ПОРП дала решительный отпор ревизионистам, выступившим против руководящей роли партии и польско-советского союза. В решении IV съезда ПОРП (июнь 1964 г.) отмечалось, что в последние годы «сотрудничество между СССР и ПНР, польско-советский союз стали еще более плодотворными» [4, с. 325]. На съезде было объявлено о решении ПОРП и КПСС и правительств обеих стран продлить союзнический договор на последующие 20 лет [4, с. 161].

Большое значение советско-польской дружбы и глубокая обоюдная заинтересованность в ее укреплении на принципах социалистического интернационализма были подчеркнуты на переговорах между партийно-правительственными делегациями СССР и ПНР в 1956, 1958, 1959 и 1964 гг. В советско-польских заявлениях отмечалось, что союз и дружба между СССР и ПНР основываются на идейной общности, на принципах равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимной помощи. Советско-польская дружба углублялась и крепла благодаря всестороннему политическому, экономическому и культурному сотрудничеству, а также многообразным контактам и связям, объединяющим братские народы. Обе стороны выражали решимость и впредь крепить дружбу между советским и польским народами, всемерно расширять сотрудничество и взаимопомощь, добиваться упрочения социалистического содружества [2, 1956, 19 XI; 1959, 23 VII; 1964, 19 IV; 5, 1958, 12 XI].

За годы, прошедшие со времени подписания договора между СССР и Польшей 1945 г., был накоплен большой опыт советско-польских отношений и существенно изменилась обстановка в мире. В связи с этим возникла необходимость обновления этого договора. 8 апреля 1965 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР. Обе стороны, говорится в договоре, «в соответствии с принципами социалистического интернационализма, будут укреплять вечную и нерушимую дружбу, развивать всестороннее сотрудничество и оказывать друг другу взаимную помощь на основе равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела другой стороны». СССР и ПНР согласились развивать и укреплять экономическое и научно-техническое сотрудничество, основывающееся на принципе взаимной выгоды и дружеской помощи, расширять культурные связи, продолжать совместные усилия в целях обеспечения мира и безопасности народов [6, с. 161—164]. Договор от 8 апреля, закрепляя замечательные достижения в области развития советско-польских отношений, как указывается в телеграмме руководителей КПСС и Советского правительства от 20 апреля 1965 г., является «монологической основой дальнейшего упрочения дружбы между советским и польским народами и их плодотворного сотрудничества на благо общего дела социализма и коммунизма» [6, с. 189]. Касаясь значения этого

договора, Первый секретарь ЦК ПОРП В. Гомулка отметил, что он «гарантирует нерушимость польской границы по Одере и Нейсе, закрепляет неразрывную братскую дружбу и союз между нашими странами и народами, а также является решающим фактором в обеспечении мира и безопасности в Европе» [7, I, с. 209].

Большое внимание отношениям Советского Союза с Польшей и другими социалистическими странами уделили XXIII, XXIV и XXV съезды КПСС. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС (март — апрель 1971 г.) подчеркивалось: «В период между XXIII и XXIV съездами наша партия проявляла большую заботу об укреплении *двусторонних отношений Советского Союза с социалистическими государствами...* Непоколебима наша дружба с Польской Народной Республикой. Мы с глубоким удовлетворением отмечаем, что в братской Польше были преодолены возникшие там трудности... Коммунисты Советского Союза от души желают польским друзьям самых больших успехов». Съезд поручил ЦК КПСС и дальше укреплять и развивать сотрудничество с коммунистическими и рабочими партиями социалистических государств, всемерно расширять сотрудничество в области международной политики, экономических отношений, научных и культурных связей [8, I, с. 32—33; II, с. 222]. КПСС, указываясь на XXV съезде партии, строила свои отношения с Польшей и другими социалистическими государствами в духе подлинного равноправия и заинтересованности в успехах друг друга, в своих действиях исходила не только из национальных, но и из интернациональных интересов, считала необходимым решение возникающих проблем в духе укрепления дружбы, единства и сотрудничества. Братские партии отвечали тем же [9].

Высоко оценивая польско-советскую дружбу, ПОРП видела свой долг в дальнейшем ее расширении и углублении. Партия дала отпор антисоветским проискам ревизионистов. В решениях V, VI, VII и VIII съездов ПОРП подчеркивалось, что верная дружба, нерушимый союз и тесное сотрудничество с СССР имеют фундаментальное значение для польского народа, для его независимости, безопасности и успешного развития и выражалось стремление ПОРП всемерно укреплять братские польско-советские отношения и совместно бороться за торжество идей социализма и коммунизма.

В соответствии с постановлениями съездов братских партий обсуждались и решались проблемы советско-польских отношений на переговорах между делегациями КПСС и ПОРП и правительств обеих стран [10, 11].

Дружественные советско-польские отношения ярко проявились прежде всего в совместной интернационалистской деятельности КПСС и ПОРП, в их тесном братском сотрудничестве. Определяя характер и направление развития связей между обеими странами, КПСС и ПОРП при решении проблем советско-польских отношений исходили из коренных интересов своих народов и всего социалистического содружества. Неоценим их вклад в дело советско-польской дружбы.

Дружба и союз между СССР и ПНР обусловили и обеспечивают расширяющееся и углубляющееся взаимовыгодное сотрудничество обеих стран в области экономики, культуры и науки, взаимное обогащение братских народов материальными и духовными ценностями в процессе строительства социализма и коммунизма, гарантируют их безопасность, объединяют их в неустойчивой борьбе за мир во всем мире. Тесное же сотрудничество между обеими странами во всех областях жизни укрепляет нерушимую советско-польскую дружбу.

Во второй половине 1980 г. резко осложнилась политическая и экономическая ситуация в Польше. Антисоциалистические силы, используя возникшие трудности, связанные с нарушением закономерностей строительства социализма, поддерживаемые империалистической реакцией извне, развернули наступление против ПОРП, народной власти, стремясь повернуть развитие страны вспять, уничтожить социалистический строй, опорочить польско-советскую дружбу, противопоставить Польшу Советскому Союзу. ПОРП, выражая коренные интересы поль-

ского народа, противодействовала проискам контрреволюции, принимала меры для нормализации обстановки в стране. Но ее деятельность затруднялась дезориентацией части членов партии, активизацией ревизионистских сил, натиском контрреволюции.

КПСС, проявляя дружескую заинтересованность в делах ПОРП и всего польского народа, делилась с польскими коммунистами своими соображениями о ситуации в Польше. Во время встреч представителей КПСС и ПОРП с советской стороны выражалась растущая озабоченность действиями антисоциалистических сил в Польше [2, 1981, 24 IV, 12 V]. В Отчетном докладе ЦК КПСС на XXVI съезде КПСС указывалось: «Там же, где к подрывной деятельности империализма добавляются ошибки и просчеты во внутренней политике, возникает почва для активизации враждебных социализму элементов. Так произошло в братской Польше, где противники социализма при поддержке внешних сил, создавая анархию, стремятся повернуть развитие событий в контрреволюционное русло. Как было отмечено на последнем пленуме ЦК ПОРП, в Польше возникла угроза основам социалистического государства» [2, 1981, 24 II]. Выражая солидарность КПСС и советского народа с борьбой ПОРП и польского народа против антисоциалистических сил, Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС заявил: встреча руководящих деятелей государств — участников Варшавского Договора в декабре 1980 г., ставшая важной политической поддержкой для социалистической Польши, «показала ясно: польские коммунисты, польский рабочий класс, трудящиеся этой страны могут твердо положиться на своих друзей и союзников; социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!» [2, 1981, 24 II].

Выражением товарищеской заботы КПСС о судьбе социализма в Польше и советско-польской дружбы явилось и письмо ЦК КПСС от 5 июня 1981 г. ЦК ПОРП о политической ситуации в ПНР. В нем говорилось о глубоком кризисе, охватившем всю политическую и экономическую жизнь страны, об опасности, нависшей над революционными завоеваниями польского народа, об угрозе существованию независимого польского государства. ЦК КПСС отмечал, «что в последние месяцы силы контрреволюции активно распространяют всякого рода антисоветчину, призванную перечеркнуть плоды работы наших партий, вновь возродить националистические антисоветские настроения в различных слоях польского общества. Эти клеветники и лгуны не останавливаются ни перед чем. Они даже уверяют, будто Советский Союз „грабит“ Польшу. И это говорится, несмотря на то, что Советский Союз оказал и оказывает огромную дополнительную материальную помощь Польше в это трудное для нее время. Это говорится о стране, которая своими поставками нефти, газа, руды, хлопка, причем по ценам в 1,5—2 раза ниже мировых фактически питает основные отрасли польской индустрии». В письме указывалось, что наступление антисоциалистических сил в Польше угрожает интересам всего социалистического содружества, его сплоченности, целостности, безопасности границ. По мнению ЦК КПСС, имелись возможности предотвратить национальную катастрофу Польши. ЦК КПСС, выражая уверенность, что ПОРП сумеет оказаться на высоте своей исторической ответственности, заявлял о всемерной поддержке советским народом усилий польского народа, направленных на защиту социалистических завоеваний [2, 1981, 12 VI].

Письмо ЦК КПСС было воспринято ПОРП с особым вниманием. В постановлении XI пленума ЦК ПОРП, состоявшегося 9—10 июня 1982 г., указывалось: «С доверием относимся к мнению и выводам братских партий по вопросам, касающимся жизненных интересов международного рабочего движения и в особенности защиты социализма. В том же духе Центральный Комитет ПОРП принял письмо ЦК КПСС, открытое и пронизанное заботой о развитии ситуации в Польше, о сохранении основных ценностей социализма в нашей стране.

Центральный Комитет ПОРП констатирует согласие обеих партий

стоящем постановлении. Вместе с тем подтверждаем со всей решительностью волю последовательной деятельности нашей партии на благо социализма» [12, 12 VI 1981].

Значение письма ЦК КПСС и важность польско-советской дружбы были подчеркнуты на IX Чрезвычайном съезде ПОРП, проходившем в июле 1981 г. «Мы, — отмечается в докладе ЦК ПОРП съезду партии, — придаем большое внимание позиции братской ленинской Коммунистической партии Советского Союза, изложенной в известном письме ее Центрального Комитета нашей партии. Мы полностью понимаем озабоченность советских товарищей за социалистическую будущность нашей страны, за роль Польши как члена социалистического содружества, за наш вклад в его развитие и безопасность» [12, 15 VII 1981; 2, 1981, 15 VII]. Генеральную линию внешней политики Польши, подчеркивалось в докладе, неизменно определяют дружба и союз с СССР, принадлежность к социалистическому содружеству, участие в Организации Варшавского Договора, сотрудничество в рамках СЭВ и солидарность со всеми прогрессивными силами мира, в союзе с СССР — самая важная гарантия независимости и безопасности Польши [12, 15 VII 1981; 2, 1981, 15 VII]. Выступая на съезде, глава делегации КПСС В. В. Гришин, выразил уверенность, «что здание советско-польской дружбы будет стоять прочно и нерушимо, несмотря на все вражеские наскоки, что Москва и Варшава будут, как и прежде, рука об руку выступать в борьбе за дело мира и социализма» [2, 1981, 15 VII].

Во время встречи руководства КПСС и Советского государства с руководством ПОРП и правительством ПНР 14 августа 1981 г. в Крыму было отмечено, что советско-польская дружба «представляет собой великое достояние» народов СССР и ПНР. Она находит новое подтверждение в трудное время для польского народа. Советский Союз принял решение перенести выплату долгов Польши СССР на следующее пятилетие, поставить дополнительное сырье для легкой промышленности, а также некоторые товары народного потребления, способствовать более полному использованию промышленного потенциала Польши. Польская сторона выразила искреннюю признательность за эту братскую помощь [2, 1981, 16 VIII].

Осенью 1981 г. политическая обстановка в Польше еще более обострилась. Антисоциалистические элементы усилили атаки против ПОРП, народной власти и польско-советской дружбы, начали подготовку к захвату власти в стране. Создалась серьезная угроза социалистическим завоеваниям народа. В этих условиях ПОРП и правительство ПНР приняли решительные меры против контрреволюции. Был создан Военный совет национального спасения, в стране введено военное положение. Это воспрепятствовало осуществлению замыслов контрреволюции, создало условия для постепенной нормализации политического и экономического положения в стране.

Советский Союз, имея в виду трудное экономическое положение Польши, принял решение о дополнительных поставках ей сырья и материалов. Эти поставки, отмечал В. Ярузельский на VII пленуме ЦК ПОРП, обещают работу сотен предприятий, десятков тысяч людей. Предусматривается использование производственного потенциала Польши с помощью и в сотрудничестве с экономикой СССР [2, 1982, 26 II].

Большим событием в советско-польских отношениях явились официальный дружественный визит в СССР партийно-государственной делегации ПНР во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским и переговоры с советской делегацией, возглавляемой Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, проходившие в Москве 1—2 марта 1982 г. Польская сторона подчеркнула «решимость польского народа крестить нерушимую дружбу с Советским Союзом, другими государствами Варшавского Договора в интересах мира и социализма, сохранения стабильности на европейском континенте, укрепления

международной безопасности». Обсудив состояние и перспективы советско-польских отношений, стороны «условились принять дальнейшие конкретные меры по расширению экономических, торговых и культурных связей между обеими странами» [2, 1982, 2 III].

Советско-польские переговоры на высшем уровне, проходившие в деловой, товарищеской атмосфере, ярко показали единство взглядов братских партий и государств по вопросам двусторонних отношений и современной обстановки в мире. «Участники переговоров, — указывается в совместном советско-польском коммюнике, — выразили обоюдную решимость делать все для упрочения и дальнейшего развития братской дружбы и всестороннего сотрудничества между КПСС и ПОРП, Советским Союзом и Польской Народной Республикой, между советским и польским народами на основе принципов социалистического интернационализма, равноправия и уважения суверенитета, товарищеской взаимопомощи. Стороны подтвердили значение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой как незыблемой основы советско-польских отношений.

В коммюнике далее подчеркивается, что советско-польская дружба «имеет глубокие корни в революционных традициях российского и польского пролетариата. Она скреплена совместно пролитой кровью в борьбе с фашизмом в годы второй мировой войны и обогатилась новым содержанием в ходе тесного сотрудничества двух братских социалистических государств во всех сферах жизни. Союзнические отношения между СССР и ПНР — важный фактор мира и стабильности, нерушимости границ и послевоенного устройства мира».

Советская делегация, выражая дружественные чувства советского народа к польскому народу, заявила, что «решительные действия Военного совета национального спасения с полным пониманием встречены советскими людьми, которые принимают близко к сердцу дела и заботы братского польского народа, желают ему успеха в деле преодоления кризиса, выхода из создавшихся трудностей». СССР, говорится в коммюнике, оказывал и будет оказывать поддержку социалистической Польше, своему другу и союзнику. Польская сторона выразила глубокую признательность за политическую и экономическую помощь, оказываемую Советским Союзом ПНР в трудное для нее время. Особо отмечено важное значение советских поставок топлива, сырья и других изделий для народного хозяйства Польши. Обе стороны, указывается в коммюнике, располагают большими производственными возможностями и ресурсами, ими созданы хорошие предпосылки для развития взаимовыгодной кооперации в ряде отраслей промышленности, и стабилизация политической обстановки в Польше будет благоприятствовать решению их важных народнохозяйственных проблем. Советская и польская стороны выразили уверенность, что визит партийно-государственной делегации ПНР и переговоры между ними «явятся новым крупным вкладом в дело упрочения дружбы и сотрудничества двух братских стран и народов» [2, 1982, 3 III].

Важное значение для упрочения советско-польской дружбы имела встреча Л. И. Брежнева с В. Ярузельским, состоявшаяся 16 августа 1982 г. в Крыму. Участники встречи «с удовлетворением констатировали, что во всех основных сферах общественной деятельности советско-польские связи продолжают укрепляться на принципах социалистического интернационализма, равноправия, уважения суверенитета, дружеской взаимопомощи. Вся эта работа ведется в соответствии с договоренностью, достигнутой в ходе визита в СССР партийно-государственной делегации ПНР в марте с. г. Расширение экономического сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами помогает оздоровлению польской экономики, создает перспективы ее успешного развития». Польская сторона выразила глубокую признательность Советскому Союзу за стабильные поставки сырья, материалов и комплектующих изделий, кредиты и заказы, которые обеспечивают загрузку значительной части польских производственных мощностей. СССР, говорится в коммюнике, и впредь

будет оказывать в рамках своих возможностей содействие решению народнохозяйственных задач, стоящих перед ПНР. Встреча руководителей КПСС и ПОРП прошла в сердечной атмосфере и подтвердила полное единство взглядов по вопросам двусторонних отношений и международным делам [2, 1982, 17 VIII].

Советско-польская дружба отвечает коренным интересам братских партий и народов. «В эти опасные времена, — подчеркнул В. Ярузельский на заседании Сейма 10 октября 1982 г., — особое значение для Польши приобретает чувство содружества с Советским Союзом и другими социалистическими странами, принадлежность к великой оборонительной коалиции — Варшавскому Договору.

Польша заинтересована в благополучии, мощи и безопасности Советского Союза. Советский союзник заинтересован в сильной, стабильной, безопасной Польше. Мы относимся друг к другу с уважением и доверием. Суверенно решая собственные внутренние проблемы, Польша повышает доверие к себе как к партнеру и союзнику» [12, 11 X 1982; 2, 1982, 11 X].

Советско-польская дружба — великое достояние братских народов. Ее узы нерасторжимы. Забота об укреплении дружбы и сотрудничества между СССР и ПНР является благородным делом каждого советского и польского патриота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. М., 1974, с. 414—415.
2. Правда.
3. Nowe Drogi.
4. IV съезд Польской объединенной рабочей партии. Варшава, 15—20 июня 1964 г. Основные материалы и документы. М., 1966.
5. Известия.
6. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сб. документов. 1954—1965 гг. М., 1966.
7. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта — 8 апреля 1966 гг. Стенографический отчет, I—II. М., 1966.
8. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет, I—II. М., 1971.
9. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля — 5 марта 1976 г. Стенографический отчет, I. М., 1976, с. 30.
10. Советский Союз — Народная Польша. 1944—1974. Документы и материалы. М., 1974, с. 407, 425, 435, 438, 459, 479, 508, 539, 600, 608.
11. Визит в Советский Союз партийно-государственной делегации Польской Народной Республики. 9—15 ноября 1976 г. Документы и материалы. М., 1976.
12. Trybuna Ludu.

МИХУТИНА И. В.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Тема революционной борьбы трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы занимает ведущее место в отечественных исследованиях и в историографии социалистических стран. Накопленные данные позволяют вплотную подойти к выяснению таких вопросов, как наиболее характерные черты и особенности рабочего движения в данном регионе, его место в социально-политической структуре и роль в политическом развитии расположенных здесь стран.

К началу рассматриваемого периода на территории региона по мере утверждения капитализма и под влиянием марксистского учения о классовой борьбе развивалось рабочее движение и оформлялись первые политические и профессиональные организации пролетариата.

Однако специфика становления капитализма в этой части Европы, его сравнительно позднее и неравномерное развитие, без революционной ломки докапиталистических порядков, путем медленного вращивания в старые социально-экономические структуры, существенным образом влияли на состояние и пути развития рабочего движения. Аграрный характер экономики, отставание индустриализации и следовательно немногочисленность рабочего класса в общем составе населения с самого начала обусловили более низкий, чем в Западной Европе удельный вес рабочих организаций в политической структуре региона.

Немалым тормозом организованной классовой борьбы была социальная неоднородность пролетариата. Основную обществу базу рабочего движения здесь, как и везде, составлял пролетариат крупных технически передовых промышленных предприятий. Но это были индустриальные островки (отдельные крупные города, такие, как Будапешт, Варшава, Лодзь, редко — целые области: например, Чехия и Моравия) в море аграрной экономики региона. Огромную массу составляли работники мелких ремесленных мастерских, сельскохозяйственные рабочие и другие лица наемного труда, занятые в низших капиталистических или вовсе в докапиталистических формах производства. Территориальная распыленность и изолированность, а также специфика социально-психологического настроения таких работников затрудняли их объединение в классовые организации, что тормозило консолидацию пролетариата.

Отрицательно влияли на степень организованности трудящихся и политические условия региона. Известные здесь до первой мировой войны монархические системы — будь то молодые национальные государства или империи, зачастую делившие между собой живые организмы подвластных им наций — отличались неразвитостью либеральных и демократических традиций, ограниченностью и верхушечным характером легальной политической деятельности, стремлением правящих сил сохра-

нить политическую пассивность и неорганизованность основных масс населения, применением прямого насилия против классовых противников.

Положение стало несколько меняться с началом общего кризиса капитализма. Победа эксплуатируемых масс во главе с пролетариатом и его революционной партией в России была зримым доказательством масштабов роста политической роли рабочего класса. События мировой войны и последовавшего за ней революционного подъема дали мощный импульс рабочему движению также на территории Центральной Европы и на Балканах. Выдвижение здесь в этот период на первый план важнейших политических задач (утверждение национальной независимости, определение характера вновь обретенной или реорганизуемой государственности) и вместе с тем остро ощущавшаяся потребность социальных перемен и казавшаяся тогда близкой перспектива разрешения этих задач революционным путем способствовали политической активизации широких трудовых слоев. Тогда же весомо заявило о себе в качестве организатора масс революционное крыло рабочих партий, стали стремительно расти и радикализироваться профессиональные союзы.

Важным итогом революционной борьбы этих лет было почти повсеместное введение или расширение гражданских прав и политических свобод, а также оформление социального законодательства для рабочих.

Революционные события способствовали идейной и политической поляризации внутри классового движения. Размежевание революционного и социал-реформистского течений привело к образованию революционных партий.

Однако следует сразу сказать, что очевидный в период послевоенного революционного подъема прогресс рабочего движения имел следствием прежде всего решающие качественные изменения. Что касается количественных показателей, то, несмотря на ощутимый рост их в первые послевоенные годы, в дальнейшем кардинальных перемен здесь не произошло. В ближайшие десятилетия организованные рабочие по-прежнему оставались меньшей частью всего пролетариата и составляли незначительный процент в общем составе населения. Исключением можно считать лишь Чехословакию, где наиболее массовые из рабочих организаций — профсоюзы — к середине 20-х годов объединяли около половины рабочих, что составляло 11,1% населения. Нелишне отметить, что в немалой мере именно благодаря высокой организованности пролетариата, массовости рабочих партий и профсоюзов как социал-реформистского, так и революционного направления (Коммунистическая партия Чехословакии в период своего I съезда в 1923 г. объединяла 132 тыс. членов [1], а красные профсоюзы насчитывали тогда 326515 человек)¹, в этой стране на протяжении межвоенного двадцатилетия сохранилась буржуазно-демократическая система, обеспечивающая наиболее благоприятные при капитализме условия для развития классовой борьбы. В других странах масштабы организованности пролетариата ривались значительно скромнее. Так, по данным Социалистического рабочего интернационала за 1925 г. профессиональные союзы различных политических направлений объединяли в Польше 0,77 млн человек, что составляло 2,8% населения, в Венгрии — 0,19 млн — 2,4% населения, в Болгарии — 0,06 млн или 1% населения, в Югославии — 0,06 млн или 0,5% от всех жителей страны, в Румынии — 0,08 млн — 0,4% населения [3]. В Албании же вообще об организованном рабочем движении можно говорить лишь с конца 30-х годов. Тогда там возникли первые коммунистические группы и созданные ими профессиональные организации. Общая же численность рабочих не превышала в тот период 15 тыс. человек [4; 5].

Из-за неразрешенности насущных социально-экономических проблем, застоя в незавершенном ранее процессе индустриализации [6] рабочий класс оставался по-прежнему социально неоднородным и сравнительно малочисленным, составляя, например, в начале 30-х годов от 25% насе-

¹ Подсчитано по [2].

ления в Чехии, 14,1 — в Венгрии, 13,1 — в Польше до 7,8—7,7% соответственно — в Болгарии и Румынии [7].

К тому же после короткого перерыва в этой части Европы были вновь включены политические тормоза, наделенные на ограничение размаха рабочего движения. Если в первые послевоенные годы имущие классы допустили парламентарно-демократический вариант государственно-политического устройства как приемлемый для себя выход из революционного кризиса, то вскоре им стало ясно, что система представительного правления по мере приобщения к политике все новых трудовых слоев превращает выступающие от их имени рабочие, а также крестьянские партии в опасного конкурента основных политических сил буржуазии, как правило, не опирающихся в данном регионе на солидную массовую базу. Частичная стабилизация капитализма проходила в Центральной и Юго-Восточной Европе под знаком поворота имущих классов к антидемократическим, авторитарным государственным формам.

С точки зрения влияния этого факта на рабочее движение важно отметить одно существенное различие между авторитарными режимами в рассматриваемом регионе и собственно фашистскими диктатурами на Западе. Известно, что последние с самого начала стремились к созданию своих государственно-политических систем при политической мобилизации широких масс населения, в том числе и трудовых слоев, искореняя классовую основу рабочих организаций и подчиняя их идейно и организационно своим реакционным целям. Опутав все общество густой сетью фашистских организаций различного типа, они создали из этих организаций как бы внутри общества качественно новый по сравнению со всеми другими буржуазными системами аппарат принуждения. При разнородности же авторитаризма, характерной для Центральной и Юго-Восточной Европы, государство опиралось на традиционный, обособленный от общества, аппарат насилия (полиция, карательные органы и пр.) и пользовалось в основном типичными для данного региона в прошлом, при полуфеодальных монархиях, методами бюрократического администрирования, рассчитанными на индифферентность и пассивное повиновение традиционно неразвитых в политическом отношении «низов». При этом оно могло с помощью административного террора помешать открытому приобщению к классовым организациям все новых слоев рабочих, то есть распространению рабочего движения вширь, но оказалось неспособным изменить идейно-политическую ориентацию рабочих масс в нужном господствующим классам направлении и добиться перестройки уже сложившихся организационных структур рабочего движения.

На первых порах такие режимы и не выдвигали сколько-нибудь серьезной альтернативы классовому движению, например, в виде создания контролируемых государством профессиональных союзов. Практически свою политику в этой области, формально допуская деятельность рабочих организаций, они сводили к преследованиям объединений революционного характера. В одних случаях это выливалось в разнузданный физический террор, в других — находило выражение в антикоммунистическом законодательстве, в третьих — воплощалось в административной и судебной практике, которая делала невозможной открытую работу коммунистов. Все эти репрессивные меры нанесли ощутимый урон коммунистическому движению, предопределив на ближайшие десятилетия особенности его развития в подполье. Из-за карательных акций венгерской контрреволюции против сторонников Советской республики и прежде всего коммунистов Коммунистическая партия Венгрии (КПВ) смогла наладить регулярную работу своих нелегальных организаций только к 1925 г. Число членов, зарегистрированных в ее подпольных ячейках, в разные годы рассматриваемого периода составляло не более нескольких сот человек [8, с. 491]. Огромные потери понесла в первые же годы Болгарская коммунистическая партия (БКП). До переворота 9 июня 1923 г. она насчитывала 38 тыс., а после поражения Сентябрьского восстания, в январе 1924 г. могла опереться только на 3 тыс. членов [9; 10]. На протяжении первых двух лет после образования Социалистической рабочей

партии Югославии (коммунистов)² число ее членов превысило 60 тыс. В течение же нескольких месяцев после оглашения так называемой Обзаны — закона, запрещавшего внепарламентскую деятельность партии, ее ряды сократились до нескольких тысяч. Переворот 6 января 1929 г. нанес новый удар по КПЮ, сведя ее численность до 200—300 человек [11].

Условия конспирации нарушали прямые связи с массами и препятствовали нормальному притоку новых членов в коммунистические партии и связанные с ними революционные профсоюзы, что определило кадровый характер партий, а в профессиональном движении обеспечило численный перевес социал-реформизму и другим течениям.

И все же (это важно отметить) авторитарные режимы своими методами прямого насилия и бюрократического администрирования оказались не в состоянии вытеснить революционное направление из политической структуры своих стран. Коммунистические партии, опираясь на богатые здесь в прошлом традиции подпольной деятельности прогрессивных организаций, смогли остаться реально действующей в политике силой, хотя их численный состав нельзя считать показателем, адекватным их подлинному идейному влиянию и тем более грядущей политической роли.

Не может также отразить точного соотношения сил законспирированных коммунистических и легально действовавших партий других направлений сравнение количественных данных об их представительстве в выборных государственных институтах, ибо результаты голосования применительно к тем легальным революционным организациям, через которые компартии участвовали в выборах, были, как правило, наиболее фальсифицированы администрацией. Но уже то обстоятельство, что терроризируемые властями коммунисты, отражая конкуренцию антикоммунистически настроенных легальных социал-реформистских и буржуазных партий, все-таки участвовали в этой сфере политической деятельности, куда официально доступ им был закрыт, показывало, что революционное направление марксизма и его партии пустили прочные корни в общественной жизни рассматриваемых стран.

Относительная узость массовой базы антидемократических диктатур в данной части Европы мешала им ликвидировать все компоненты политической системы буржуазно-демократического типа, благодаря чему в большинстве стран открыто действовали рабочие партии социал-реформистского и других направлений, обычно оппозиционные террористической власти, но не чуждавшиеся и неоправданных компромиссов с правящими группировками.

Роль отдельных социал-реформистских партий в рабочем движении и место на политической арене своих стран выглядели неодинаково. Некоторые из них были сравнительно массовыми и влиятельными: по данным Социалистического рабочего интернационала за 1931 г., когда состоялся IV, последний в межвоенный период его конгресс, социалистические партии в Чехословакии объединяли 224192 члена и в условиях сохранившегося здесь представительного правления располагали 61 парламентским мандатом (20% от общего состава парламента), Социал-демократическая партия Венгрии (СДПВ) насчитывала тогда 150156 членов, но располагала только 14 местами в парламенте (6% его состава). В Польше социалистическая партия (ППС) и родственные ей партии национальных меньшинств объединяли 95339 членов, имели 28 депутатских мест (7% состава сейма) [12]. Заметим, что до расправы «санации» над блоком оппозиционных партий, в который входила и ППС, только эта партия получила по итогам выборов 1928 г. 52 места для своих представителей в сейме (41,6% состава палаты) [13].

Наряду с такими относительно крупными действовали и совсем малочисленные партии: 13-тысячная Социалистическая партия Румынии, Югославская социалистическая партия, насчитывавшая в 1928 г., до запрета 4 тыс. членов, социал-реформистские партии в Греции, объединявшие в 1931 г. 3100 членов [12].

² С 1920 г. — Коммунистическая партия Югославии (КПЮ).

В католических странах часть рабочих принадлежала к партиям и профсоюзам христианско-социального толка, хотя последние нигде не смогли вытеснить классовые организации и не обладали доминирующими позициями. В их идейно-политической доктрине формулировались противоречивые цели (с одной стороны, смягчить нужду трудящихся, с другой — не допустить распространения марксизма), а политическая ориентация была неоднородной. В Венгрии христианско-социальная партия вошла составной частью в контрреволюционный правительственный блок, а ее, правда, малочисленные профсоюзы стали агентурой хортизма среди рабочих [14]. В Польше партия христианской демократии и следовавшие за ней профсоюзы стали в оппозицию к неконституционной диктаторской власти.

В Польше и Югославии определенным влиянием обладали оппозиционные режимам, но в то же время противопоставлявшие себя классовому движению профсоюзы националистической ориентации. Так, в 20-е годы Польское профсоюзное объединение, связанное с Национальной рабочей партией вело за собой более половины профессионально организованных рабочих [15]. В следующем десятилетии его влияние заметно пошло на убыль. Многие его сторонники присоединились к классовым организациям. В Югославии Хорватский рабочий союз, созданный Хорватской крестьянской партией и ставивший своей целью объединение рабочих по национальному признаку, насчитывал в 1938 г. 80 тыс. членов [16].

Позиции революционного марксизма и социал-реформизма в вопросах борьбы против наступления реакции, утверждения авторитарных государственных форм и проникновения в них элементов фашизма резко различались.

Реформистское течение, руководимое Социалистическим рабочим интернационалом, на словах довольно рано стало разграничивать государства буржуазной демократии и диктаторские режимы, предупреждая об опасности фашистской волны в Центральной и Юго-Восточной Европе и призывая добиваться в союзе с либерально-демократическими силами восстановления парламентской демократии, но ограничивалось политическими методами, пригодными только при развитой парламентарно-демократической системе, принимая за чистую монету тот суррогат парламентского строя, который нередко служил камуфляжем диктатур. По существу, это была малоэффективная оборонительная политика защиты старых завоеваний рабочего класса [17].

Коммунистическое движение связывало антидемократическую эволюцию в Центральной и Юго-Восточной Европе, как и феномен фашизма на Западе, с развитием монополистического капитализма [18]. Но вместе с тем подчеркивалась узорь и архаичность социальных сил, осуществлявших здесь террористическую власть, в чем виделось существенное отличие этих реакционных группировок от фашистских отрядов буржуазной реакции в Западной Европе. На расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала в июне 1923 г. видная деятельница международного коммунистического движения К. Цеткин в своей речи о фашистской угрозе подчеркнула, обратившись к примеру хортистской Венгрии и фашистской Италии: «Террор Хорти был мстью за революцию. Носителем мщениия была незначительная каста феодального офицерства. Иначе обстоит дело с фашизмом. Это отнюдь не мсть буржуазии пролетариату за одержанные им в борьбе успехи... Фашизм послан скорее в наказание пролетариату за то, что он не развернул шире начатой в России революции. Да и носителем фашизма является не маленькая каста, но широкие социальные слои, широкие массы вплоть до самого пролетариата» [19].

Коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, исходя из положения революционного марксизма о том, что капитализм вступил в период общего кризиса, ведущего в перспективе к его полному распаду, на протяжении 20-х годов считали победу социалистической революции задачей текущего дня и нацеливали рабочий класс на быструю замену буржуазного государства, в какой бы форме оно ни вы-

ступало, диктатурой пролетариата. В Программе Коммунистического Интернационала, принятой на его VI конгрессе в 1928 г., уровень развития капитализма почти во всех рассматриваемых странах определялся как средний. Для большинства из них предполагался «тип пролетарских революций с большим объемом задач буржуазно-демократического характера», а для некоторых — перерастание буржуазно-демократических революций в социалистические [18, с. 57—58]. Считалось, что характер будущих революционных действий будет зависеть от наличия или отсутствия в социально-экономическом строе пережитков докапиталистических отношений [20]. Степень революционного кризиса преувеличивалась.

Но уже в 30-е годы на смену упрощенному представлению о революционном процессе пришло понимание, что дилемма — «диктатура пролетариата или буржуазная демократия», так остро поставленная во многих странах в период революционного подъема, переросла теперь в иную: «демократия или реакция».

Против наступления реакции и фашизма коммунистическое движение выдвинуло идею народного фронта — широкого союза антифашистских и демократических сил во главе с рабочим классом. Важным условием его осуществления стал отказ от прежних, оказавшихся ошибочными представлений и установок: о направлении главного революционного удара против промежуточных слоев, о якобы фашистском перерождении социал-демократии и политических организаций крестьянства и т. д.

При анализе перспектив революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы коммунистическое движение стало исходить из того, что внутреннее развитие протекает здесь на реакционной, чреватой фашизмом основе и что именно этот факт, а также стремление крупных империалистических держав разрешить свои противоречия за счет СССР и близлежащих малых и средних государств чрезвычайно расширяют объем общедемократических и общенациональных задач, многим из которых ранее не придавалось необходимого значения.

Новая стратегия предполагала дифференцированное отношение к буржуазным формам власти. Если раньше компартии региона, в сущности, не делали различия между представительным правлением и неконституционными диктатурами, считая в любом случае свержение эксплуататорского строя своей ближайшей целью, то теперь они выступали в случае угрозы справа в защиту всех элементов парламентарно-демократической системы. Борьба за углубление демократического содержания республиканских институтов и сохранение самого республиканского строя стала в центре внимания компартий Чехословакии и Греции.

В странах, где к тому времени антидемократическая эволюция привела к свертыванию представительного правления, коммунисты называли ближайшей задачей ликвидацию террористических диктатур и широкую демократизацию общественно-политической жизни, выдвигая, где это было необходимо, промежуточные цели, например, демократизацию монархии в Болгарии, федеративное устройство в Югославии.

Идея народного фронта, рожденная из опыта борьбы некоторых компартий Европы, получила широкое обоснование на VII конгрессе Коммунистического Интернационала (1935). Одновременно она стала находить признание в коммунистическом движении ряда из рассматриваемых стран. Компартия Чехословакии на своем X пленуме в ноябре 1934 г. выдвинула лозунг социалистической солидарности рабочих партий с опорой на массовое движение [21]. С этой целью руководство партии не раз направляло лидерам Чехословацкой социал-демократической и национально-социалистической партий конкретные предложения о сотрудничестве. Депутаты-коммунисты с трибуны парламента призывали к социалистической солидарности. Компартия Польши в ноябре 1934 г. сформулировала концепцию народного фронта, а к середине следующего года разработала и предложила социалистическим и крестьянским партиям его платформу [22]. Накануне VII конгресса Коминтерна она заявила, что готова поддержать лозунг учредительного собрания, способного осуществить демократизацию государственной системы [23].

Однако специфические условия региона — неразвитость в обществе демократических традиций, узаконенный антикоммунистический террор, малая практика легальной работы коммунистов, а иногда и элементы догматизма по отношению к собственному революционному опыту³ способствовали в некоторых случаях столь серьезному укоренению сектантства, что переход к политике народного фронта потребовал более продолжительного времени и принятия организационных мер. Длительным и драматичным оказался процесс преодоления сектантства и разработки антифашистской стратегии в компартиях Венгрии, Болгарии и некоторых других стран.

Успех политики единого рабочего и народного фронта в любой стране зависел прежде всего от массовости демократических, антифашистских действий. Но если в странах с высокой политической организованностью пролетариата и общества в целом решающим условием образования антифашистского фронта было соглашение между рабочими партиями и другими организованными антифашистскими силами (пример чему показал опыт образования единого рабочего и народного фронта во Франции), то в рассматриваемом регионе подобное соглашение могло стать главным элементом единого фронта, пожалуй, только в Чехословакии, где рабочие партии и профсоюзы действовали легально и объединяли в своих рядах значительную часть пролетариата. Однако здесь, несмотря на конструктивные предложения КПЧ социал-демократической и национально-социалистической партиям о политике социалистической солидарности, несмотря на популярность этой идеи в низовых звеньях социал-реформистских партий и на практические шаги по созданию органов единого фронта на местах, правые лидеры реформизма предпочли политике антифашистского единства пролетариата имевшееся соотношение сил, при котором им принадлежало место в правящей буржуазной коалиции. Определенную роль в негативной позиции руководства социал-демократии и национальных социалистов сыграли, с одной стороны, боязнь, что политика единого фронта приведет к росту коммунистического влияния и ослабит их собственную роль, а, с другой, — недооценка фашистской опасности, которая при относительной слабости внутренних фашистских сил в Чехословакии проявлялась главным образом в виде угрозы агрессии со стороны соседней фашистской Германии [25].

Острее признаки фашизации ощущались в странах с авторитарной властью. Если в 20-е годы эти режимы при всем своем антидемократизме были далеки еще от характерного для собственно фашистских систем построения общественно-политической жизни на началах всеобъемлющего государственного руководства, то в следующем десятилетии эффективность применяемого фашизмом на Западе метода классового господства стимулировала преобразование авторитарных диктатур в фашистском духе. Введение тоталитарной модели стало целью большинства из находившихся здесь у власти группировок. В связи с этим наряду с преследованием революционного крыла рабочего движения перспектива утраты легальности обозначилась и для партий реформистского направления. Правда, реализовалась она законодательно только в некоторых странах, где социал-демократические партии, как и партийно-парламентарные системы в целом имели особенно суженную общественную опору.

Следствием реакционных переворотов в Югославии (1929), Болгарии (1934), Греции (1936), Румынии (1938) был запрет деятельности оппозиции, что поставило социал-реформистские партии здесь в нелегальное или полунелегальное положение.

Ужесточился курс и в отношении более массовых реформистских партий, чье влияние правящие группировки первоначально хотели использовать в своих интересах: в Польше избирательный закон 1935 г. практически ли-

³ В компартии Венгрии, например, долгое время отвергался как реформистский лозунг борьбы за республику, а завоевание диктатуры пролетариата выдвигалось в качестве непосредственной стратегической цели на том основании (среди прочих аргументов), что там, где уже однажды была диктатура пролетариата, новая революция якобы может быть только социалистической [24].

шил социалистов, как и всю легальную оппозицию, парламентской трибуны; в Венгрии в результате произвольных манипуляций избирательным механизмом с каждым новыми выборами представительство социал-демократии в парламенте сокращалось безотносительно к количеству получаемых ею голосов.

Наряду с насаждением фашизма сверху, административно-бюрократическим путем, существенно пополнился и другой источник фашизации внутри рассматриваемых стран: крайне правые группировки, ранее не допущенные к власти, в течение 30-х годов оформились в партии и «движения» типично фашистского образца, претендуя на выполнение тех функций по организации политически неразвитых «низов» буржуазного общества и обработке их в духе антимарксизма, антилиберализма, шовинизма и экстремизма, которые были недоступны бюрократической государственной власти. Как истинные последователи нацизма и итальянского фашизма, правые экстремисты в рассматриваемых странах обрушивались не только на коммунистов, но терроризировали социал-демократические партии и профсоюзы, а также другие левые организации.

Эти факты внутренней жизни, как и трагические уроки рабочего движения в Германии и Австрии, не могли не оказать влияния на положение в социал-реформистских партиях региона. Реальный ход событий опроверг прогнозы Социалистического рабочего интернационала, провозгласившего на своем III конгрессе в 1928 г. вступление в эпоху бесконфликтного развития капитализма [26]. Глубина и размах экономических потрясений на рубеже 20-х и 30-х годов, прогрессирующая напряженность международной обстановки свидетельствовали о несостоятельности теоретических построений правых лидеров социал-демократии и проводимой ими политики классового сотрудничества. Первая половина 30-х годов для партий этого направления была отмечена оформлением или активизацией левых групп, которые требовали (отражая процесс радикализации партийных «низов») более решительной борьбы против реакции и фашизма. Левые в этот период оказали заметное влияние на идеологическую линию Польской социалистической партии (по их инициативе вопреки воле правого руководства съезд партии в 1934 г. включил в свои резолюции требование глубоких структурных реформ и лозунг диктатуры трудящихся [27]), а также на ее практическую деятельность. Именно благодаря их настояниям в 1935—1936 гг. действовало неформальное соглашение о сотрудничестве между Польской коммунистической партией и ППС. В Болгарии левые социал-демократы критиковали оппортунистическую пассивность руководства и, приветствуя решения VII конгресса Коминтерна, высказывались за единый фронт с революционным крылом рабочего движения. Под их воздействием руководство БРСДП подписало с коммунистами соглашение о сдлочении «всех общественно-политических сил, которые хотят вести борьбу с фашизмом» [28].

Одной из получивших распространение во многих странах форм сотрудничества стало совместное издание коммунистами и левыми социалистами легальных печатных органов, пропагандировавших политику единого рабочего и народного фронтов.

Особенно восприимчивым к идеям антифашистского единства и активной классовой политики было молодое поколение социал-демократов. Благодаря этому, как правило, наиболее тесно сотрудничали молодежные организации революционного и реформистского направлений, в ряде случаев это сотрудничество было оформлено соглашениями о единстве действий на уровне центральных руководств.

Однако в целом в рассматриваемый период правые сохранили за собой ключевые позиции в реформистских партиях, из-за чего социал-демократия не смогла подняться до уровня наиболее существенных в условиях прогрессирующей фашистской опасности задач. Логика присущего этому течению оппортунизма вела к тому, что, невзирая на реакционность государственных систем, социал-демократы в рассматриваемых странах по-прежнему добивались участия в управлении путем компромисса с буржуазией, не исключая соглашений с правящими группировками. Этому способ-

ствовала раздробленность здесь сил реакции и фашизма, дававшая оппортунистическим лидерам повод произвольно ограничивать круг политических противников.

Так, руководство Польской социалистической партии на первое место выдвигало борьбу с враждебной режиму «санации» правой группировкой Национальной партии и отколовшимися от нее экстремистскими формированиями. Что касается правящей группировки, то на словах призывая к восстановлению парламентской демократии, лидеры социалистов, однако, не ставили вопроса о ликвидации «санационной» системы, а связывали свои политические расчеты с расколом внутри правящего лагеря, начавшимся после смерти Ю. Пилсудского. В этом плане примечательно, что переговоры о сотрудничестве с представителями КПП состоялись как раз в тот момент, когда ППС больше всего опасалась сосредоточения власти в руках одной из фракций «санации», так называемой группировки «полковников». Когда же «полковники» были отнесены на задний план, правые лидеры социалистов пошли на отмену уже действовавшей договоренности с КПП, надеясь, что это поможет соглашению с правящей группировкой, в том числе с теми отнюдь не либеральными кругами, которые одержали верх в междоусобной борьбе за власть [29].

Поражение немецкого и австрийского пролетариата усилило капитулянтские настроения в руководстве венгерской социал-демократии. Ее лидеры своими делами старались убедить возглавлявших правительство сторонников фашизма, что ради сохранения легальности, по существу превращавшейся в формально понимаемую цель, они готовы согласиться на любые меры, ограничивающие рабочее движение. Одновременно они искали себе союзников среди консервативных в традиционном стиле кругов господствующих классов, возражавших против политики правого экстремизма. При такой ориентации руководство СДПВ считало народный фронт неприемлемым для Венгрии [8, с. 504].

Подобным же образом бюрократизированная верхушка румынской социал-демократии не только не осудила начатую монархией в 1938 г. ликвидацию конституционного правления, но согласилась на сотрудничество с королевской диктатурой, позволив руководящим деятелям партии занять предложенные им правительственные посты [30].

В Греции реформистские лидеры после монархистского путча 1935 г. в ответ на призыв Компартии к единству против монархической и фашистской угрозы заявили, «что в вопросе о форме управления страной они нейтральны» [31].

Правые в руководстве БРСДП произвольно толковали народный фронт как широкую коалицию политических сил вплоть до оппозиционной режиму фашистской партии Национально-социальное движение, притупляя тем самым антифашистское острое народное фронта. Заключив соглашение с коммунистами, они надеялись таким путем получить поддержку масс и обеспечить себе лидирующее положение в блоке с буржуазными оппозиционными партиями [32].

На пути к единому фронту стоял антикоммунизм социал-демократии, имевший в этой части Европы специфические черты. Дело в том, что приобщение основных масс населения к политике, только начавшееся в данном регионе, происходило в условиях, неблагоприятных для реформистского течения, не пустившего раньше во многих из рассматриваемых стран глубоких корней. Оба направления, и революционное и реформистское, черпали свои массовые резервы в классовом движении пролетариата. Его раскол ограничил возможности общественного влияния социал-демократии, а следовательно и перспективу роста ее политического потенциала. К тому же урезанные парламентские прерогативы не позволяли реформистским партиям развернуться в этой главной с их точки зрения сфере политической активности и тем самым лишали их стратегию динамизма и исторической перспективы. Методы же прямого насилия со стороны эксплуататоров, напряженность классовых и социальных отношений, резкая политическая поляризация, характерные для государств этой части европейского континента, делали в глазах политически активной части трудящихся бо-

лее перспективным не реформистский путь, а предлагаемую коммунистами революционную альтернативу. Это в свою очередь обеспечивало компартиям, невзирая на трудности политической и организационной работы в подполье, бóльшую эффективность идейного воздействия на массы.

В 20-е годы, чтобы ограничить коммунистическое влияние, социал-демократические партии под руководством правых вели систематическую борьбу против революционных партий, не стесняясь в выборе средств: от пропаганды антикоммунизма, а также применения физической силы и оружия против коммунистов, принимавших участие в рабочих собраниях и манифестациях, до прямого или косвенного пособничества в полицейских преследованиях.

В дальнейшем, несмотря на то, что программа единого фронта, сформулированная коммунистическим движением в 30-е годы, ставила во главу угла защиту и восстановление демократии, то есть одну из самых существенных целей в системе политических ценностей социал-демократии, особенно актуальную при авторитарных системах, единство на такой платформе было отклонено оппортунистическим руководством реформистских партий. Отказ сопровождался возобновлением пропагандистских нападков на революционные партии. Массовое же движение в большинстве стран этого региона не достигло тогда такого уровня, при котором соглашатели, чтобы не быть устраненными, приняли бы в общенациональных масштабах последовательную программу борьбы за демократию.

Но в данных странах политика антифашистского фронта не исчерпывалась формальными соглашениями с социал-реформистскими партиями. При их малочисленности и слабости в ряде стран, повсеместно невысоком уровне организованности пролетариата и кадровом характере компартий первостепенное значение имели политическая активизация масс, приобщение к классовым организациям все новых слоев рабочих и расширение легальных форм деятельности. В этом плане компартии в рассматриваемый период приобрели ценный новый опыт и достигли немалых практических результатов.

Среди стран, эволюционировавших к авторитарной государственности, только в Греции Компартия до 1936 г. действовала легально, в силу чего динамика роста ее рядов может учитываться как показатель эффективности антифашистской стратегии. Если в течение первого десятилетия численный состав этой партии колебался в пределах 1,5—3 тыс. членов, то в 1936 г. она насчитывала 12 тыс. [33], что по масштабам организованности общества в целом в Греции того периода представляло немалую политическую силу.

Там же, где компартии были официально запрещены, коммунисты видели один из путей утверждения на политической арене в создании под своим руководством параллельно с подпольными открыто работавших партий революционного направления. В Югославии, например, первая попытка такого рода была предпринята в 1923 г. Но образованная тогда и легализованная решением суда Независимая рабочая партия в следующем году все-таки была запрещена [34]. В связи с активизацией антифашистских и демократических партий руководство КПЮ в середине 1935 г. выдвинуло идею создания Единой рабочей партии, (ЕРП), которая объединила бы рабочих разных политических убеждений, готовых вместе с другими оппозиционными силами бороться против реакции и фашизма, за национальное равноправие и демократические свободы [35]. И хотя реформистские лидеры прервали переговоры с представителями КПЮ, это начинание коммунистов, приведшее к образованию инициативных комитетов ЕРП, было шагом к расширению контактов Компартии, а также легальных форм ее деятельности [36].

В Болгарии с 1927 г. вела легальную работу под руководством коммунистов Рабочая партия (РП). Накануне переворота 1934 г. она объединяла в партийных рядах около 35 тыс. человек и вела за собой до 30 тыс. членов революционных профсоюзов [37]. О популярности РП свидетельствовали ее победы на парламентских выборах в 1931 г. (12,7% голосов и 31 депутатский мандат) и на муниципальных выборах в следующем году,

когда в Софии и других крупных городах она получила наибольшее по сравнению с другими партиями количество голосов [38]. В период политики единого рабочего и народного фронта именно через РП коммунисты достигли соглашения о сотрудничестве с социал-демократами, а затем установили контакт с оппозиционным блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Хотя антифашистское единство рабочего класса в рассматриваемых странах до второй мировой войны не было организационно достигнуто в национальных масштабах, осуществление его в практике классовой борьбы продвинулось далеко вперед: единый фронт реально складывался в стачечных боях и в движении солидарности, в антифашистских политических кампаниях и в совместных мерах защиты рабочих и демократических организаций от фашистских налетчиков из правой оппозиции.

Обогатились и приобрели необходимую гибкость организационные формы работы коммунистов: чтобы не ставить под угрозу легальность потенциальных союзников, они стали применять тактику сотрудничества с легальными партиями без оглашения факта договоренности.

Политика единого фронта открывала новые перспективы для развития профессионального движения, что в рассматриваемых странах было особенно актуально как в общем плане расширения массовой базы рабочего движения, так и в связи с усилением тенденцией создать особый, типично фашистский механизм воздействия на рабочий класс путем подчинения профессионального движения реакционному государству.

Так, хортистский режим в Венгрии не мог удовлетвориться поддержкой малочисленных христианских профсоюзов. Пришедшее к власти в 1932 г. правительство Д. Гёмбёша в течение нескольких лет вынашивало проект реформы «представительства интересов», который предусматривал запрет забастовок, замену независимых в правовом отношении союзов палатами по профессиям, управляемыми лицами, назначенными государственными органами, с обязательным членством в таких палатах всех занятых в данной профессии [39].

Первые просанационные профессиональные организации в Польше стали создаваться деятелями режима в конце 20-х годов. Это были декларирующие аполитичность псевдосиндикалистские и так называемые экономические федерации, малочисленные и первоначально враждовавшие между собой. Выросло и окрепло просанационное направление только после объединения в 1931 г. этих федераций с организациями, отколовшимися от классовых и националистических союзов. Однако и объединенный проправительственный профцентр, несмотря на негласную поддержку администратии, не смог обеспечить себе доминирующей роли в рабочей среде [40]. В 1934 г. в правительственных кругах возникла идея «унификации» профсоюзного движения, что должно было способствовать более широкому влиянию «санации» на рабочих.

Следует сразу сказать, что в странах со сравнительно массовым профессиональным движением такие планы не были реализованы. Более того, именно там в профсоюзах политика единого фронта принесла самые ощутимые и долговременные результаты.

В Польше прекращение организационно обособленной деятельности Профсоюзной левой позволило коммунистам сосредоточить внимание на работе в связанном с ППС профсоюзном объединении. Начатые в 1935 г. переговоры между КПП и ППС о единстве профсоюзного движения завершились договоренностью о создании совместной комиссии по приему новых членов, о введении левых профсоюзных активистов в руководящие органы реформистских союзов. Вопросы объединения отдельных профсоюзных организаций революционного и реформистского направлений должны были решаться в каждом конкретном случае. Кампания агитации за вступление в классовые профсоюзы, проведенная совместными силами коммунистов и социалистов, позволила в короткий срок увеличить их ряды на 50% [41].

В Венгрии из-за отказа партийных инстанций социал-реформистов от контактов с КПВ основной сферой осуществления политики рабочего единства стали массовые профсоюзные организации. Правда, лидеры рефор-

мистского Совета профсоюзов отказались от слияния с Объединенной профсоюзной оппозицией. Но прекращение в 1936 г. ее деятельности как отдельной организации обеспечило приток в индивидуальном порядке революционно настроенных рабочих в профсоюзные организации, ранее находившиеся под безраздельным контролем реформистов. Именно благодаря мобилизирующим действиям КПВ венгерский пролетариат не позволил профсоюзной верхушке пойти на подготовленное уже соглашение с правительством относительно реформы «представительства интересов» и тем самым отстоял независимый от государства профцентр. Через организации Совета профсоюзов, члены которого автоматически входили в СДПВ, коммунисты нередко стали избираться в руководящие органы местных социал-демократических ячеек [42].

Дальше продвинулись правительственные планы унификации профсоюзного движения под эгидой государства в странах, где рабочий класс до тех пор был наименее организован. В частности, монархическим диктатурам в Болгарии и Румынии после запрещения классовых профсоюзов удалось создать государственные организации, куда в обязательном порядке входили все занятые на производстве. Но они не стали тем всеобъемлющим инструментом регулирования социальных отношений и грозным антиподом классовым организациям, какими были фашистские профсоюзы в Германии и Италии. Существенно при этом, что последние отбывали себе массы, разрушая классовые рабочие организации. В рассматриваемых же странах государственные профсоюзы создавались не столько за счет массовой базы запрещенных, но отнюдь не ликвидированных классовых организаций, сколько путем привлечения новых членов из ранее неорганизованных рабочих. Отсутствие сложившейся политической ориентации у этой основной категории членов государственных профобъединений при умелой тактике революционных организаций в отношении такого контингента делало в немалой степени реальной перспективу восстановления там классового характера профдвижения.

И действительно, в Болгарии, например, массовое вступление членов запрещенных, работавших в подполье, революционных союзов в государственное профобъединение — Болгарский рабочий союз (БРС) — способствовало распространению их идейно-политического влияния на тех членов государственного союза, которые через него впервые приобщались к организации. О масштабах этого влияния свидетельствовал тот факт, что вскоре после образования БРС в руководство его низовыми организациями почти повсеместно были избраны коммунисты и сторонники единого фронта, вследствие чего государство утратило неограниченный контроль над созданным им объединением [43, 44].

Все это показывает, что социально-политические условия стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и в частности, состояние и политическая ориентация рабочего движения не позволяли господствовавшим там авторитарным режимам даже при точном копировании фашистских организационных методов настолько расширить социальную опору своей власти, чтобы реализовать тоталитарную государственную модель.

Поворот к широкому союзу с непролетарскими массами, провозглашенный VII конгрессом Коминтерна, как общая линия коммунистического движения, в рассматриваемых странах, где крестьянство составляло большинство населения и было организовано на базе своих специфических интересов и требований, выдвигал на первое место сотрудничество с крестьянским движением и выступавшими от имени крестьян партиями. Вместе с преодолением сектантских представлений предшествующего периода о крестьянских партиях как носителях особой формы фашизма и якобы главных противниках коммунистов в деревне, коммунистическое движение стало выделять в их далеко не свободном от противоречий идейно-политическом облике и те положительные черты, в которых отражались прогрессивные и демократические чаяния крестьянства. «Такие массовые крестьянские организации, как Польская народная партия, Чешская аграрная партия, партия румынских царанистов, Хорватская крестьянская партия Радича, Болгарский земледельческий союз и др., — говорил в своей речи на

VII конгрессе видный деятель международного коммунистического движения, директор Международного аграрного института В. Коларов, — не могут именоваться фашистскими. Исторически в большинстве случаев они формировались в результате продолжительной борьбы крестьянства против помещиков и национального гнета; многие из них имеют революционные традиции и все они тесно связаны с широкими слоями в деревне. . . . Без правильного отношения к этим союзам немислима ни серьезная борьба против фашизма, ни работа по завоеванию крестьян на сторону пролетариата» [45]. В русле подобных оценок стала формироваться политика революционных рабочих партий по отношению к крестьянскому движению.

Коммунисты стран Центральной и Юго-Восточной Европы сумели также выработать правильное отношение к объединениям демократических и нефашистских буржуазных, мелкобуржуазных и социал-реформистских партий, считая, что в условиях насаждения правительствами тоталитарных государственно-политических форм блокировка оппозиционных сил на платформе требований восстановления буржуазной демократии может стать ступенью к созданию народного фронта. Поэтому компартии поддерживали такие группировки, устанавливали, где это было возможно, с ними контакты, стремясь путем мобилизации масс не допустить отступления нефашистских партий на позиции компромисса с режимами или с силами правой оппозиции.

Обзор основных явлений и тенденций рабочего движения в Центральной и Юго-Восточной Европе в межвоенное двадцатилетие позволяет сделать вывод о развитии его по восходящей линии. Отличительной особенностью этого развития было то, что из-за почти повсеместно ограниченной легальности проявлением поступательного движения на данной стадии служили не только и не столько количественные показатели роста рабочих организаций, сколько факты, свидетельствующие о качественном прогрессе: кристаллизация революционного авангарда, формирование идейно-политических основ революционных партий — в начале рассматриваемого периода; в 30-е годы — точное определение непосредственных стратегических целей и разработка эффективной стратегии борьбы против угрозы фашизма.

Что касается степени ее реализации, то представляется, что цели антифашистской борьбы в Центральной и Юго-Восточной Европе не могли быть исчерпаны в рассматриваемый период. По мере обострения международной обстановки становилось очевидным, что гораздо более разрушительную силу, чем внутренняя реакция, представляет для народов этой части Европы угроза фашизма извне. Для одних стран она обернулась агрессией гитлеровской Германии и фашистской Италии с последующей ликвидацией независимой государственности, для других — вассальной зависимостью от фашистских держав. Именно на этой стадии компартии, возглавив антифашистскую борьбу за национальное освобождение, из авангарда пролетариата стали превращаться в ведущую силу своих народов. Предложенная коммунистическим движением стратегия антифашистского единства, расширенная тогда до масштабов национальных фронтов, вместе с борьбой советского народа, принесла народам этих стран победу над фашизмом, национальное освобождение и создала условия для социальной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Přehled dějin KSČ. Praha, 1976, s. 112.
2. Statistická příručka Republiky Československe. T. II. Praha, 1925, s. 463.
3. Zweiter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale in Marseille. Berlin, 1925, S. 231.
4. Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д. Краткая история Албании. М., 1965, с. 237—244.
5. Фрашеру К. История Албании. Тирана, 1964, с. 235—249.
6. Berend I. T., Ranki G. Economic Development in East-Central Europe in the 19-th and 20-th. Centuries. New York and London, 1974, p. 285—286.
7. Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej 1918—1939. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1973, s. 65, 67—68.

8. Боршани Д. Социалистическите движения в Венгрия в период между двете световни войни. — In: Etudes Historiques. Budapest, 1970, с. 491.
9. БКП в резолюции и решения. Т. II. София, 1951, с. 92.
10. История на Българската комунистическа партия. София, 1981, с. 269.
11. *Damjanovic P.* Borba za revolucionarnu marksisticku partiju uslov pobeде u revoluciji. — In: Politicki zivot Jugoslavije 1914—1945. Beograd, 1973, s. 449.
12. Viertes Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale. Zürich, 1932, S. 393.
13. *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1957, s. 290.
14. *Немеш Д.* Венгрия в годы контрреволюции 1919—1921. М., 1964, с. 47, 405—407.
15. Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964. Т. 1. Warszawa, 1967, s. 333.
16. *Hadžirović A.* Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini 1935—1941 godine. Sarajevo, 1972, s. 420.
17. *Tomicki J.* Ruch robotniczy wobec reżimów dyktatorskich w Europie Środkowo-Wschodniej (1918—1939). — Z pola walki, 1979, № 3, s. 75.
18. Программа и устав Комунистического Интернационала. М.—Л., 1928.
19. Расширенный пленум Исполнительного Комитета Комунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года). Отчет. М., 1923, с. 207—208.
20. Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 3. М.—Л., 1929, с. 47, 106—108, 150.
21. Na obranu republiky proti fašismu a válce. Praha, 1955, s. 17.
22. Dokumenty Komunistycznej Partii Polski 1935—1938. Warszawa, 1968, s. 43—47.
23. *Leński J.* O front ludowy w Polsce. 1934—1937. Warszawa, 1956, s. 112—113, 141—142.
24. *Erényi T., Szábo B.* Historyczna droga węgierskiego ruchu robotniczego (1918—1944). — Z pola walki, 1980, № 2, s. 38.
25. *Cihák M.* Proszazeni leninského pojětí masovosti CSC v letech 1921—1938. Praha, 1978, s. 109—126.
26. Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale. Brüssel 5 bis 11 August 1928. Zürich, 1928.
27. *Stowacki B.* Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej 1929—1935. Warszawa, 1979, s. 152.
28. Григоров Б. От съглашателство към залез. Социалдемократическата партия в България 9 юни 1923 — 19 май 1934. София, 1980, с. 326, 328—329, 331.
29. *Zarnowski J.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1935—1939. Warszawa, 1965, s. 394.
30. *Ерещенко М. Д.* Королевская диктатура в Румынии 1938—1940 гг. М., 1979, с. 65.
31. *Громов В.* Борьба народных масс Греции против монархо-фашистской диктатуры. — Комунистический Интернационал, 1938, № 11, с. 54.
32. *Радев Г.* БРСДП и народният фронт (1936—1939). — В кн.: Известия на Института по история на БКП, т. 39. София, 1978, с. 186.
33. *Ревъзо П.* Η μετάλη πενταετία 'Αθήνα, 1976, с. 290.
34. *Glignoriević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919—1929. Beograd, 1979, s. 132. 170.
35. *Živković D.* Narodni front Jugoslavije 1935—1945. Beograd, 1978, s. 79—80.
36. *Bosić M.* Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinstvene radničke partije 1935 godine. — In: Zbornik radova. Istorija radničkog pokreta, br. 3. Beograd, 1966, s. 144—166.
37. *Наумов Г.* Работническата партия в България (1927—1939). София, 1980, с. 195.
38. *Василев В.* За политическата обстановка непосредствено след парламентарните избори от 21 юни 1931 г. — В кн.: Известия на Института за история при БАН. т. 19. София, 1967, с. 45.
39. История венгерского революционного рабочего движения. Т. 2. М., 1973, с. 183.
40. *Михутина И. В.* Режим «санации» в Польше и рабочий класс. — В кн.: Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982, с. 201—219.
41. *Kowalski J.* Komunistyczna Partia Polski 1935—1938. Warszawa, 1975, s. 128, 154.
42. Studies on the History of the Hungarian Trade-Union Movement. Budapest, 1977, p. 47—53.
43. *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М., Георгиев А., Василев В.* Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 433—533.
44. *Радев Г.* Единният пролетарски фронт 1934—1939. София, 1967, с. 60—71, 92—96, 147—148.
45. *Коларов В.* Настъпленieto на фашизма и задачите на борбата за единен антифашистски народен фронт. — Избрани произведения. Т. II. София, 1955, с. 373—374.

БЫСТРИЦКИЙ В., ДЕАК Л.

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В 30-Х ГОДАХ

Государства Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период стремились к созданию гарантий своей безопасности, исходя из нескольких принципов. Правящие классы стран указанного региона считали первоочередной задачей внутренней и внешней политики сохранение существующего общественного строя, т. е. сохранение и укрепление классовых позиций буржуазии. В число определяющих атрибутов безопасности включались сохранение территориальной целостности, суверенитета и независимости государства.

Поиски гарантий безопасности были основным содержанием внешнеполитических концепций каждой отдельной страны. На выработку этих концепций и непосредственное обеспечение безопасности большое влияние оказывало внутривнутриполитическое развитие государств региона и общее состояние международных отношений, которое характеризовалось борьбой двух противоположных общественных систем. Решающая роль в формировании основных политико-стратегических планов и их реализации в системе отношений с соседними странами, великими державами и в ходе развития событий принадлежала всегда правящему классу. Таким образом, в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы буржуазия несла ответственность как за выработку внешнеполитических концепций, так и за их осуществление. Внутривнутриполитическое развитие в отдельных странах региона оказывало, следовательно, определяющее влияние на позицию того или иного государства в отношении выработки и реализации отдельных форм безопасности независимо от того, когда, где и по каким причинам возникли эти концепции регионального или общего характера.

Отражение классовой сущности государственного устройства в сфере внешней политики определяло не только основные принципы, но и возможности создания гарантий безопасности. Решающее значение для безопасности государств Центральной и Юго-Восточной Европы имели их отношения с великими державами, блоками и их место в общем послевоенном развитии, ибо именно в сотрудничестве с великими державами создавались гарантии безопасности. С другой стороны — угроза самостоятельности и суверенитету этих государств также исходила из империалистических амбиций великих держав. В 30-х годах источником такой угрозы были нацистский «третий рейх» и фашистская Италия. Поэтому конкретные формы налаживания всего комплекса отношений с великими державами являлись основной проблемой в деле создания гарантий безопасности государств исследуемого региона и их внешней политики вообще.

Раскол мира на две противоположные общественно-политические системы после Великой Октябрьской социалистической революции и клас-

совые противоречия в области международных отношений оказали принципиальное влияние на перспективы организации безопасности. Целью малых государств в области международных отношений стало создание гарантий безопасности не только в рамках буржуазного лагеря, но и против распространения большевизма. Практическая реализация второго принципа означала, что правящие круги в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в политической, дипломатической, военной и экономической сферах поддерживали все тенденции, которые имели антисоветскую направленность. Антисоветизм и антикоммунизм был постоянным компонентом внешней политики государств этого региона. В 20-е годы составила исключение только Турция, которая опиралась на помощь и поддержку великой социалистической державы [1, док. № 205, с. 302—303; док. № 239, с. 346; 2]. Таким образом, безопасность малых буржуазных государств строилась в соответствии с их общественно-политическим устройством, а в основе общей стратегической концепции всегда лежали классовые установки. После Великой Октябрьской социалистической революции они проявлялись во враждебном отношении к Советской России. Некоторые малые государства приняли участие в интервенции против государства, представляющего новую общественную систему, поддерживали контрреволюцию и аннексировали отдельные территории Советской России, стали составной частью «санитарного кордона». Определенные изменения в их отношении к социалистическому государству произошли только в начале 30-х годов.

Другим решающим фактором, который оказывал влияние на формирование концепций и целей безопасности малых государств, были политические и территориальные изменения в регионе после Великой Октябрьской социалистической революции. Польша, Чехословакия, Югославия, Румыния, а также Греция и Турция считали одной из главных задач своей внешней политики сохранение и закрепление нового территориального устройства в рамках регионов.

Тем самым вопрос обеспечения безопасности, суверенитета и независимости на практике полностью отождествлялся с сохранением территориального status quo каждого государства. В соответствии с существовавшими тогда представлениями и основными тенденциями эпохи выбирались и формы гарантий безопасности. Наибольшее значение придавалось политико-дипломатическим средствам, а основное внимание уделялось отношениям малых государств с теми великими державами, с которыми у них были более или менее идентичные взгляды на развитие ситуации после первой мировой войны. При этом государства рассматриваемого региона придерживались принципа, что они не могут заключать между собой договоры о взаимопомощи против агрессии какой-либо великой державы, так как это могло бы привести к их участию в крупных европейских конфликтах [3]. Теоретически в таком случае должна была бы организовываться совместная защита на базе пакта Лиги Наций. Исключение составляло только польско-румынское соглашение 1921 г., недвусмысленно направленное против СССР [4]. Приобретение гарантий безопасности против агрессии великой державы всегда было стержнем отношений с другими великими державами, причем каждое государство региона решало эту проблему по-своему. Важное значение имели соглашения о взаимной помощи против германской агрессии, подписанные в 1935 г. Чехословацкой Республикой и СССР, Чехословацкой Республикой и Францией [5, док. 205, с. 309—312; док. № 223, с. 333—336; 6, с. 255—256; 7, с. 210]. Соглашения, которые заключили в 20-х годах Чехословакия, Румыния, Югославия и Польша с Францией, хотя и укрепляли безопасность, но не обеспечивали автоматически военную помощь в случае агрессии. Другие соглашения между малыми государствами и великими державами строились на иных принципах, в частности на базе договоров о дружбе и нейтралитете, причем их ценность на различных этапах развития международных отношений часто была различной. Из числа таких договоров наибольшее политическое значение имел турецко-советских договор 1925 г., а наиболее отрицательное воздействие оказала польско-германская декларация 1934 г.

Отношения малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы с великими державами имели качественно различный характер и неодинаковое значение. Наибольшее политическое влияние в регионе имела французская система союзов, в рамках которой Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия стремились обеспечить сохранение послевоенного территориального устройства и своего политического влияния, что практически означало оформление блока государств, который свою безопасность связывал исключительно с политической государств-победителей. Остальные малые государства избегали заключать такие соглашения с великими державами, которые детерминировали бы их политику, и больше подчеркивали свое неучастие в блоках. Общие черты в политике этой группы государств не имели глубоких корней и скорее были формальными, так как цели отдельных стран были различными, что особенно четко проявилось в 30-х годах.

Важной гарантией своей безопасности малые европейские государства считали Лигу Наций. Все они были членами этой организации, причем Турция вступила в нее в 1932 г. От Женевы они ожидали прежде всего гарантии коллективной помощи, которую в случае агрессии должна была предоставить ее жертве Лига Наций на основании 16-й статьи ее пакта. Хотя эта международная организация не имела точно выработанного статуса, она рассматривалась важным фактором безопасности малых государств, поскольку в ее миссию входило предотвращение и пресечение развязывания военного конфликта, и этим она способствовала возникновению новых форм организации безопасности. Теоретически пакт Лиги Наций играл большую роль в решении двусторонних споров и политических конфликтов, которые должны были быть предметом коллективного обсуждения и решения. На Лигу Наций возлагалась важная функция в ликвидации политико-дипломатических споров и в демократизации международных отношений. И хотя многие из декларированных принципов пакта Лиги Наций не применялись на практике, а саму организацию использовали в своих целях великие державы, малые государства придавали ей очень большое значение в деле обеспечения гарантий своей безопасности [8, s. 165, 316—317; 9, s. 11—12].

Большое влияние на создание гарантий безопасности оказывало различное географическое положение государств Центральной и Юго-Восточной Европы, которое часто определяло их место в рамках стратегических и политических концепций великих держав. Имели значение такие факторы, как непосредственное соседство отдельных стран с великими державами, стратегическое положение Турции и Греции на Средиземном море, ключевая позиция Австрии и Чехословакии в Центральной Европе, положение Югославии в Адриатике, прямое соседство Польши, Румынии, Турции с социалистическим государством и т. д. Общим фактором, влиявшим на создание гарантий безопасности, было относительно одинаковое экономическое развитие этого региона. Преимущественно сельскохозяйственный характер экономики (за исключением ЧСР) и недостаточно развитое промышленное производство привели к тому, что страны Центральной и Юго-Восточной Европы не были в состоянии производить оружие, необходимое для их обороны, и вынуждены были его импортировать. Все эти исходные компоненты, а также такие факторы, как территория государства, численность населения и т. д., определили то что взгляды отдельных государств на обеспечение гарантий их безопасности были различными. В 20-х годах не чувствовалась необходимость совместных действий против великих держав, существовали различные точки зрения на источник основной опасности, а общей чертой внешней политики большинства государств этого региона был только антисоветизм. Поэтому малые государства сотрудничали между собой в создании гарантий безопасности очень редко, практически только в рамках Лиги Наций и в региональных блоках.

С помощью региональных пактов страны Центральной и Юго-Восточной Европы стремились воспрепятствовать территориальным притязаниям со стороны отдельных государств и одновременно создать предпосылки для

гегемонии того или иного блока в регионе. И хотя Малая и Балканская Антанты возникли в разное время, они, в сущности, имели одинаковые цели.

С точки зрения создания гарантий безопасности региональные блоки малых государств имели ограниченное значение. Оба блока приняли политические и военные обязательства только против агрессии малого государства, причем они сознавали, что такая альтернатива, особенно в 30-е годы, маловероятна [10; 11; 12, S. I. v. 1, doc. 329, p. 626—627]. Поэтому принятые обязательства имели скорее политико-дипломатическое значение, т. е. преследовали цель изолировать некоторые государства (Венгрия, Болгария) и воспрепятствовать тому, чтобы великие державы стали на их сторону. Кроме того, целью обоих блоков было недопустить использования великими державами существующих противоречий в регионе для осуществления своих планов. Таким путем они стремились создать условия для самостоятельной и независимой от великих держав политики. В принципе региональные блоки, несмотря на широко декларированные цели и принципы, не представляли существенного вклада в создание гарантий безопасности малых государств, что ярко проявилось в критические годы развития международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, когда эти блоки и распались.

Вторую группу государств представляли Венгрия, Болгария и Австрия, которые в результате мирных договоров потеряли часть своей территории. Эти государства, за исключением Австрии, основной целью своей внешней политики считали ревизию послевоенного территориального status quo [14, с. 38—39; 15, s. 69—71]. Но формально они включились в общую систему европейской безопасности в рамках Лиги Наций, руководствуясь при этом экономическими соображениями. В политическом же отношении они стремились, с одной стороны, использовать всемирную организацию для обоснования своих территориальных притязаний на основании статьи 19-й ее пакта, а с другой стороны, ослабить Лигу Наций и ограничить ее деятельность как важного фактора версальской системы. Вместе с тем они объявляли Лигу Наций гарантом своей безопасности против гегемонистских амбиций соседей. Взгляды этих малых государств на гарантии безопасности различались не только по части общего понимания проблемы, но и конкретно в подходе к таким вопросам, как разоружение и т. д. Такое положение сохранилось и в дальнейшем, хотя концепции государств этого региона под влиянием различных факторов претерпевали значительную модификацию. В частности, после мирового экономического кризиса малые государства под воздействием негативных тенденций в европейской политике начали уделять большое внимание проблемам безопасности [16; 17, s. 2—3].

В начале 30-х годов в системе международных отношений произошли важные изменения, вызванные мировым экономическим кризисом и связанным с ним разложением версальской системы. Победа нацистов в Германии, провал конференции по разоружению, попытки создать директорииум великих держав, волна ревизионизма и т. д. привели к тому, что в международных отношениях возникли тенденции, угрожавшие основам безопасности и самостоятельности всех малых государств. В новых условиях послевоенная система безопасности уже не имела первоначальной действенности, силы и эффективности. В первую очередь Лига Наций из-за неспособности пресечь агрессию Японии против Китая потеряла свой авторитет в вопросе обеспечения безопасности малых государств [1, док. № 205, с. 302—303; док. № 239, с. 346; 18, v. III, doc. № 240, p. 517; 19; 20; 9, s. 14]. Более того, попытки учредить директорииум западных империалистических держав (пакт четырех) и выдвинуть проблему территориальной ревизии доказывали, что в европейской политике проявляются тенденции превращения малых государств в разменную монету [21; 8, s. 222—224, 315—318].

На это негативное развитие ситуации в Европе малые государства реагировали иногда одинаково, но чаще дифференцированно, при этом не только в лагере сторонников или противников status quo, но и внутри

отдельных группировок. Характерной чертой международных отношений этого периода было то, что малые государства, констатируя ослабление Лиги Наций, хотели посредством активной внешней политики укрепить престиж этой всемирной организации. Позиция Женевы в обеспечении безопасности малых государств заставляла их быть более активными в вопросах общеевропейского порядка, так как от способа их решения зависели и общая действенность и значение Устава Лиги, в частности толкование его 16-й статьи. Усилия малых государств были направлены на то, чтобы оказать влияние на политику великих держав, воспрепятствовать реализации идеи директориума империалистических государств. Они не хотели быть только лишь объектом политики великих держав и предпринимали меры, чтобы ослабить зависимость от них. Эти тенденции были характерны для Малой Антанты, которая считала необходимым укреплять внутреннее единство и союзническую солидарность. Подобные же мотивы привели балканские государства к идее создания регионального блока. После подписания Организационного пакта Малой Антанты (февраль 1933 г.) и конституирования Балканской Антанты (февраль 1934 г.) указанные тенденции проявились в пропагандистских утверждениях, будто речь идет о создании группировок, которые будут играть на международной арене роль великих держав. Однако не следует забывать, что эти группировки не сумели установить между собой тесного сотрудничества, отказались от координации своей политики, а их солидарные действия не шли дальше деклараций [22; 23, оп. 6, а. е. 2435, л. 92, Афины 9.3. 1934, а. е. 2432, л. 59—60, Афины 16.3. 1934; 24, doc. № 459, p. 909].

Наряду с попыткой укрепления международных позиций региональных группировок малых государств проявилась и другая тенденция. В марте 1934 г. образовался новый политический блок («римский треугольник»), в котором Италия взяла на себя политические и экономические обязательства в отношении Венгрии и Австрии. Для Италии «римский треугольник» означал создание своего плацдарма в Центральной Европе, который должен был укрепить ее позиции по отношению к Германии и Малой Антанте. Венгрия ожидала от союза с Италией и Австрией создание общего фронта против Малой Антанты и помощь в осуществлении ее ревизионистских претензий к Югославии и Румынии. Для Австрии «римские протоколы» создавали лишь иллюзию безопасности, так как не давали никакой гарантии против агрессии нацистской Германии [25, с. 244; 26; 27, s. 117—118]. Подписание «римских протоколов» поэтому не было вкладом в укрепление безопасности охваченных ими государств.

Различные попытки, которые предпринимали малые государства в начале 30-х годов для укрепления своей безопасности с помощью Лиги Наций, путем активной борьбы против директориума великих держав (пакт четырех), укрепления существующих и создания новых региональных блоков (Балканская Антанта), не привели к принципиальным изменениям в их концепциях безопасности. Речь шла практически об усилении существовавших гарантий безопасности, а не о качественно новой их форме.

Одновременно начали появляться и нейтралистские концепции, согласно которым целью единства малых государств должно было быть стремление избежать конфликта с великими державами. При этом все понимали, что существовавшие гарантии безопасности, несмотря на их модификацию, уже не отвечали современной ситуации. Против экспансионистских устремлений фашистских государств, угрожавших миру в Европе, не существовало адекватной формы безопасности. Более того, среди малых государств нарастало недоверие в отношении Франции в связи с ослаблением позиций Парижа в европейской политике, общих концепций внешней политики третьей республики и способа их реализации [7, с. 149; 28; 29, s. 12; 30]. Так в среде малых государств с начала 30-х годов проходил процесс поиска новых гарантий безопасности, проявившийся в дальнейшей дифференциации взглядов на решение важнейших вопросов внешней политики того или иного государства.

Кардинальной проблемой развития международных отношений в Европе после победы нацизма в Германии было создание гарантий безопасности против его экспансионистских планов. Позиции малых государств в этом вопросе были различными. Большинство балканских государств — Югославия, Турция, Греция и Албания — основную угрозу для себя видели в политике Италии. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы имели различные точки зрения на основную проблему развития отношений на континенте [31, с. 162, Ankara 6.4. 1935; 32; 33, док. № 218, с. 410—411; 5, док. № 230, с. 341—342; 24, doc. № 316, p. 586—589, doc. № 381, p. 710—713, doc. № 228, p. 485—486; 34, с. 31, 35], т. е. на вопрос о том, которая из фашистских держав представляет наибольшую опасность для мира и их суверенитета — Германия или Италия. В результате в этот период между самими балканскими и центрально-европейскими государствами, а также между ними и великими державами существовали большие расхождения в оценке политики нацистской Германии и фашистской Италии. Различная оценка основных тенденций международного развития оказывала непосредственное влияние на способ организации безопасности и выбор партнеров среди великих держав, которые могли стать возможными гарантами их независимости.

Специфической была позиция Польши. Из всех государств этого региона она в 1933—1934 г. подвергла самой радикальной переоценке свои взгляды на вопросы безопасности. В Варшаве считали, что Франция уже не способна дать гарантии безопасности и что она пожертвует интересами Польши в стремлении достичь соглашения с Германией. Стремясь нейтрализовать эти предполагаемые тенденции и одновременно обратиться экспансию «третьего рейха» в другом направлении, польские правящие круги хотели путем прямых переговоров с Германией добиться обеспечения своей безопасности. Германо-польская декларация о ненападении (январь 1934 г.) означала принципиальный поворот во внешнеполитических концепциях Польши, а тем самым и в отношении к Парижу и Берлину. Политика Варшавы рождала новые способы решения вопросов безопасности, а именно попытку путем одностороннего соглашения с потенциальным агрессором исключить возможность его нападения. Декларация 1934 г. одновременно представляла собой зародыш нового типа отношения малых и средних государств к фашистским государствам: приспосабливание и примиренческое отношение к агрессивным целям Германии сочеталось с попыткой направить их против других государств. Тем самым проявился отказ от общей и совместной политики безопасности или создания антинацистской коалиции [35; 36, док. № 394, с. 689—690; 37, с. 152].

Дипломатический шаг Варшавы означал также качественный сдвиг в длительном процессе постепенного ослабления и упадка французской системы безопасности. Этот процесс продолжался и дальше, особенно когда во второй половине 30-х годов Франция отошла от принципов коллективной безопасности и пошла в фарватере английской политики умиротворения агрессора. Причина разложения всей системы и нарастания недоверия и скептического отношения к Парижу заключалась прежде всего в том, что французские правящие круги отказывались от защиты собственных национальных интересов и отступали перед фашистскими государствами [38; 39; 40, с. 322—323; 41, 417—418 old.]. Прогрессирующее разложение французской системы безопасности внесло значительное изменение и в общую концепцию безопасности малых государств, причем последний процесс происходил под все возрастающим давлением их внутриаполитического развития, когда в большинстве государств региона к власти приходят реакционные силы. Эти изменения находились в прямой зависимости от таких событий на международной арене, как итальянская агрессия против Эфиопии, оккупация Рейнской демилитаризованной зоны Германией, аншлюс Австрии, Мюнхен и т. д.

Многие государства Центральной и Юго-Восточной Европы положительно отнеслись к предложению СССР о создании системы коллективной безопасности [42; 33, с. 792, примечание № 127; док. № 138, с. 279—280;

43; 44]. Проект Советского Союза не только предоставлял новые по форме и содержанию гарантии безопасности, но и занимал важное место в решении политических проблем на континенте. Малые государства неизбежно должны были выразить свое отношение к идее коллективной безопасности, поскольку они понимали, что создание действенной защиты против негативных тенденций развития на международной арене возможно только в тесном сотрудничестве с державами, которые были жизненно заинтересованы в сохранении мира и территориального status quo. Однако в конкретном подходе малых государств к осуществлению идей коллективной безопасности проявилась значительная дифференциация [45; 46; 37, с. 202—204; 47].

Одной из новых черт, которые выступили на первый план политики малых государств в начале 30-х годов и были тесно связаны с вопросом создания системы коллективной безопасности, было их отношение к СССР. Характерно, что большинство малых государств стало постепенно изменять свое отношение к СССР и считать его одним из возможных опорных пунктов в создании всеобщей или собственной безопасности. Доказательством указанных тенденций было заключение в 1933 г. конвенции об определении агрессора между Малой Антантой, Польшей, Турцией и СССР, и признание социалистического государства de jure со стороны малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы [36, док. № 218, с. 402—406; 29, s. 11—35; 41, 227, 233 old.]. Одновременно стала получать распространение точка зрения, что сотрудничество с СССР может осуществляться при условии, если гарантом новых отношений с социалистическим государством будет капиталистическая держава. В процессе создания системы коллективной безопасности в Центральной Европе эта точка зрения наиболее ярко проявилась в Чехословакии. Правящие круги ЧСР, учитывая неблагоприятное международное положение республики, пошли на сотрудничество с СССР, но масштабы такого сотрудничества всегда обуславливались позицией Франции в отношении СССР [48; 49].

Первоочередной целью коллективной безопасности было создание гарантий против агрессивной политики нацистской Германии. Основным принципом должно было стать обязательство взаимной помощи, а фундаментом всего комплекса тесно связанных оборонительных соглашений — франко-советский союз [50; 6, с. 217—218]. Центр тяжести эффективных гарантий безопасности перемещался в Центральную и Восточную Европу, которая в отличие от Западной Европы не имела никаких гарантий защиты, когда именно ей угрожала экспансия германского империализма. В результате идея защиты Центральной Европы получала более широкое обоснование и тесно связывалась с безопасностью всего континента. Восточный пакт был той формой, в которой должен был реализоваться этот план. Из числа малых государств в нем должны были принять участие непосредственные соседи Германии — Чехословакия и Польша. Дальнейшее развитие системы безопасности в других регионах, например, заключение Средиземноморского пакта, который охватил бы также Балканы, должно было произойти на последующих этапах [51; 18, v. VI, doc. № 458, p. 759; 17, S. 165—171].

Отношение государств Центральной и Юго-Восточной Европы к идее коллективной безопасности определялось классовыми принципами их внешней политики, поскольку основой Восточного пакта становился союз социалистической и капиталистической держав, исходивших из общих оценок главной опасности на континенте и способа организации защиты против нее. При этом указанные компоненты на разных этапах развития оказывали различное влияние на политику государств этого региона.

Хотя центральноевропейские государства (за исключением Венгрии) считали, что основная угроза их суверенитету и независимости исходит от гитлеровской Германии, их взгляды на способ организации защиты были диаметрально противоположными. При подготовке и реализации Восточного пакта наибольшую инициативу проявила Чехословакия, которой больше всего угрожала нацистская агрессия [52; 53; 33, док. № 192, с. 376—379]. Несмотря на неудачу первоначальных планов создания Вос-

точного пакта, ЧСР среди малых государств получила в середине 30-х годов наиболее действенные гарантии на континенте на основании соглашения о взаимной помощи с Францией и СССР. Но высокая теоретическая ценность гарантий безопасности не была адекватна их практическому значению, ибо вскоре выяснилось, что гарантии безопасности, данные Францией, были несостоятельными, тогда как реализация принципов чехословацко-советского договора была обусловлена выполнением обязательств Парижем. В итоге вследствие политики западных империалистических государств и классовой позиции чехословацкой буржуазии ни одно другое государство этого региона не стало предметом таких манипуляций, как ЧСР в Мюнхене [54; 55].

Польша в соответствии с общей концепцией своей внешнеполитической линии в отношении Германии не только отвергла принципы Восточного пакта, но и всячески противодействовала его осуществлению и не хотела участвовать в антигерманской группировке [56; 12, S.I, v.6, doc. № 334, s. 700—703; 17, s. 171; 18, v. VI, doc. № 484, p. 799—800; 57]. Австрия не принималась в расчет, хотя после 1933 г. было ясно, что ее независимость может быть обеспечена только в рамках коллективной безопасности и предоставления ей широких международных гарантий. Несмотря на нацистские угрозы и грубое вмешательство во внутренние дела, австрийские правящие круги отвергали участие в каких-либо политико-дипломатических комбинациях, направленных против агрессии «третьего рейха». В Вене придерживались мнения, что независимость государства можно обеспечить старыми методами поисков *modus vivendi* с Германией, а также существующими гарантиями, которые содержались в пакте Лиги Наций и обеспечивались Францией, Великобританией и главным образом Италией [27, 79—80 old.]. В 1935 г. имела место попытка усилить гарантии независимости Австрии с помощью франко-итальянского соглашения и ее непосредственных соседей (Дунайский пакт). Эта концепция в конечном итоге была отступлением от принципов коллективной безопасности и потерпела провал ввиду отсутствия единства взглядов у заинтересованных государств, но главным образом из-за противодействия Германии.

Венгрия с самого начала выступала против всех форм безопасности, которые были направлены на укрепление территориального *status quo* в Центральной Европе. В Восточном пакте Венгрия также усматривала серьезное препятствие на пути реализации своих ревизионистских планов. Противовес франко-советскому союзу и Малой Антанте она видела в формировании общего фронта с Германией, Италией, Австрией, а позже и с Польшей [58; 59; 15, 165 old.]. Такую же позицию на Балканах занимала Болгария, хотя София официально не высказывала своего отношения к новым формам создания гарантий безопасности и заявляла, что она придерживается политики нейтралитета.

Специфическим было отношение к коллективной безопасности государств Балканской Антанты. В целом они декларировали свою заинтересованность в создании системы коллективной безопасности, а Восточный пакт объявляли самой важной его формой. Но одновременно большинство их в 1934—1935 гг. категорически требовало, чтобы на континенте создавались параллельно гарантии как против немецкого, так и против итальянского империализма. Таким образом, конкретное применение принципов коллективной безопасности ставилось в зависимость от того, какие гарантии даст Франция своим союзникам не только против германской, но также и против итальянской экспансии [60; 61, с. 52]. В этом вопросе они получали поддержку и со стороны четвертого члена Балканской Антанты — Румынии, хотя в Бухаресте отдавали предпочтение Восточному пакту, в котором видели инструмент укрепления французской системы безопасности, а также возможность использовать его для решения бесарабского вопроса в пользу Румынии [62, с. 153; 63; 64].

Члены Балканской Антанты в соответствии со своей оценкой европейской ситуации считали первоочередной задачей создание гарантий безопасности против Италии. Поэтому они с опасением относились к попыт-

кам франко-итальянского сближения в 1934 — 1935 гг. [61, с. 59—61; 25, с. 268—269]. Стремление комплексно решить все проблемы объясняет интерес государств полуострова к системе коллективной безопасности, однако, с другой стороны, это же стремление приводило к тому, что они выдвигали нереальные, а с политической и военной точки зрения необоснованные требования, как, например, заключение франко-турецкого и турецко-советского договоров о взаимной помощи, направленных против Италии [5, док. № 213, с. 321—322; док. № 278, с. 402]. Исходя из недостаточной и ошибочной информации большинство государств Балканской Антанты полагало, что Франция способна была пожертвовать их интересами за возможность соглашения с Италией. Стремясь воспрепятствовать осуществлению этих предполагаемых планов, члены Балканской Антанты выдвинули в 1935 г. требование параллельной организации системы безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе и даже поставили условие, чтобы все члены блока участвовали как в Дунайском, так и в Средиземноморском пактах [65; 66; 5, док. № 22, с. 34]. Таким образом, формально декларировалась солидарность и единство Балканской Антанты, но в то же время в огромной мере усложнялась реализация идей коллективной безопасности вообще, так как в один узел связывались весьма сложные проблемы. В то же время опасность агрессии со стороны «третьего рейха» не только недооценивалась но и провозглашалась возможность поисков гарантий безопасности против Италии у гитлеровской Германии, что у одних государств было выражено сильнее (Югославия), а у других — слабее (Турция) [24, S. C, v. II, doc. № 381, p. 710—713; doc. № 316, p. 586—589; 5, док. № 22, с. 35; док. № 278, с. 402; 67]. Переоценка итальянской угрозы выливалась, таким образом, в нереальные требования гарантий безопасности малых государств и в конечном счете вела к установлению тесных контактов с «третьим рейхом», а тем самым практически к поддержке его планов уже в тот период.

Практическое осуществление принципов коллективной безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе наталкивалось на многие препятствия, а на Балканах не вышло за рамки начального дипломатического зондажа. Только Чехословакия восприняла и в определенной степени на первом этапе реализовала ее принципы. Остальные же страны так и не вышли за рамки общих деклараций. К тому же Югославия все еще не признавала *de jure* СССР, Греция отвергала советский принцип неделимости мира и т. д. В течение 1936 г. Турция и Румыния прервали переговоры с СССР о заключении пактов о взаимной помощи против агрессии «третьего рейха» [68, док. № 203, с. 325, прим. 123 и 124, с. 752—753; док. № 321, с. 500—501, прим. 191, с. 769—770; 69, док. № 203, с. 314], что объективно ослабляло возможности осуществления коллективной безопасности в этом регионе. Важной, а в некоторых случаях первоочередной причиной неудачи организации коллективной безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе было противодействие великих держав, в особенности Великобритании, реализации этих принципов на континенте. Следующими ударами, которые привели к тому, что уже в 1936 г. малые государства постепенно стали терять веру в возможность реализации принципов коллективной обороны в рамках Лиги Наций, были события 1935—1936 гг. на международной арене, в первую очередь итальянская агрессия в Эфиопии и оккупация Рейнской демилитаризованной зоны Германией.

Все малые государства Центральной и Юго-Восточной Европы внимательно следили за реакцией великих держав на действия фашистских государств, которые в течение короткого периода времени односторонне нарушили важнейшие постановления пакта Лиги Наций и Локарнских соглашений. Малые государства региона сделали вывод, что Лига Наций и французская система безопасности не могут дать действительных гарантий и помощи против агрессора. Возникли сомнения в действительности § 16 пакта Лиги Наций о коллективной обороне. Соответственно была подвергнута сомнению вообще действительность коллективной безопасности как эффективной гарантии мира и защиты против агрессии. Важную роль сыграл и тот

факт, что западные государства как самые крупные гаранты самостоятельности малых государств скомпрометировали и обесценили принципы, на которых основывались положения о коллективной обороне в рамках Лиги Наций [31, с. 596, Belehrad 4.11.1935; 70; 71]. Так, заключение «джентльменского соглашения» между Великобританией и некоторыми балканскими государствами в период итало-английского обострения отношений в районе Средиземного моря в начале 1936 г. свидетельствовало о попытках Англии использовать малые страны для защиты империалистических интересов Великобритании [40, с. 321; 72]. Все это привело к тому, что Лига Наций потеряла свою первоначальную роль в политике малых государств, прежде всего в их концепциях защиты своей независимости. Малые государства по праву высказывали сомнения в том, что Франция способна защитить их независимость и территориальную целостность. Политические шаги западных государств прямо или косвенно были направлены главным образом против советского проекта коллективной безопасности. Они хотели заменить его политикой «умиротворения агрессора», в которой видели способ решения классовых и межимпериалистических противоречий на международной арене. Воздействие такого развития событий на политику малых государств способствовало тому, что Польша, Югославия и Румыния (после падения Титулеску), хотя и были заинтересованы в сохранении существующих французских гарантий, но в то же время решительно выступали против дальнейшего укрепления отношений с Францией. Показательным примером явилось то, что Югославия и Румыния отвергли предложение о расширении обязательств Малой Антанты до уровня взаимной помощи против любой агрессии и укрепления союза Малой Антанты с Францией [12, S. II, v. 3, doc. № 362, p. 552; 73, s. 423; 74; 75]. Более того, оба указанных государства находили больше точек соприкосновения с нейтралистскими концепциями Польши, а в их внешней политике все сильнее проявлялись черты политики нейтралитета и балансирования.

Для позиции государств Центральной и Юго-Восточной Европы становилось все более характерным, что степень их солидарности падала по мере роста агрессивности фашистских государств, что они отказывались от единства действий и все чаще провозглашали такое понимание безопасности, которое позволяло им временно избегать конфликтов. Главной и решающей причиной такого развития событий было отсутствие антигитлеровской коалиции великих держав. В европейской политике постепенно начинают преобладать принципы «умиротворения агрессора», которые существенно повлияли на формирование взглядов относительно организации безопасности большинства стран региона.

Наибольшим ударом для них было 7 марта 1936 г. [12, S. II, v. 1, doc. № 343, p. 453—454, doc. № 423, p. 547; 12, v. 2, doc. № 85, p. 141—142; 76; 77; 41; 411 old.; 78]. После оккупации демилитаризованной Рейнской зоны практически рухнула вся французская система безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе. Союзники Франции на могли больше рассчитывать на получение от нее действительной помощи. Гитлеровская Германия с этого момента выступает в политике государств рассматриваемого региона Европы как доминирующий фактор, а ее позиции резко усиливаются. Кроме того, эти государства все больше начинают сознавать, что империалистические державы идут по пути соглашения между собой за их счет и за счет будущей жертвы агрессии. Повсеместное распространение получило убеждение, что рухнули самые мощные опоры безопасности и что в новых условиях следует искать новые формы безопасности. Сохранения неприкосновенности границ, государственной независимости намеревались достичь путем неучастия в будущих конфликтах прямым или косвенным образом. Мерой безопасности стали считать свободу лавирования между империалистическими государствами, видеть ее в возможности избегать односторонней ориентации и новых обязательств, а также развивать хорошие отношения с обоими фашистскими государствами и ничего против них не предпринимать [79; 23, оп. 7, а. е. 464, л. 15—17; 12, S. II, v. 8, doc. № 70, p. 149—151, doc. № 530,

р. 972—976; 24, v. V, doc. 328, p. 949—953; 73, s. 423]. Составной частью этой политики была установка на выжидание развития отношений между великими державами, особенно между Германией и Великобританией, контакты между которыми считались ключом к решению всех проблем на континенте. Важной составной частью этой концепции стало стремление решить старые вопросы с соседними государствами вне широких рамок, в форме двусторонних соглашений, наподобие болгаро-югославского пакта о «вечной дружбе» 1937 г. Эта форма «устранения противоречий» реализовалась без учета интересов остальных союзников и региона в целом. Целью таких шагов было уменьшить или устранить существующие проблемы с соседними ревизионистскими государствами, чтобы они не стали поводом для вмешательства империалистических государств или прямой агрессии. Кроме того, государства этого региона считали вкладом в обеспечение собственной безопасности, если с помощью определенных политических шагов им удастся отвести в сторону от себя направление будущей агрессии. Они хотели остаться вне возможного конфликта любой ценой, т. е. были готовы проявлять незаинтересованность к объекту агрессии и ослабляли связи с теми странами, которые могли стать вероятными жертвами агрессии. Установление хороших отношений с Берлином и Римом часть государств хотела использовать для гарантии своих границ и ослабления ревизионистских устремлений Венгрии и Болгарии, которые сами по себе, без их поддержки были слишком слабыми. Другая же группа государств, имевших ревизионистские устремления, связывала их осуществление с планами фашистских государств и мало по малу приспособлялась к ним, попадала в подчиненное положение.

Конкретные проявления внешней политики отдельных стран региона зависели от многих факторов: от географического положения, соседства с фашистским государством, внутривнутриполитического развития, международных связей, отношений между великими державами и т. д. Польша пыталась строить свою безопасность на основе тезиса, будто хорошие отношения с Германией после соглашения 1934 г. создадут модус-вивенди между обоими государствами, а концепция независимой ни от кого политики способна предотвратить опасность и изменить направление нацистской агрессии на юго-восток, против Австрии и Чехословакии. Югославия же для обеспечения своей безопасности считала необходимым разрешить спорные вопросы с Италией, после чего предполагала получить большую свободу действий в отношении Франции, стран Центральной Европы и в выполнении обязательств по пакту Малой Антанты. По мере обострения отношений между самими центральноевропейскими государствами, с одной стороны, и усиления агрессивных устремлений Германии против ЧСР, с другой, Югославия переносит центр тяжести своей внешней политики на Балканы [40, s. 325; 73, s. 363]. Румыния пошла постепенно по тому же пути, с той, однако, разницей, что для нее примером была «независимая» политика как Польши, так и Югославии. Австрия заняла «нейтральную» позицию в период итало-эфиопского конфликта и искала путей к прямому соглашению с гитлеровской Германией, что на практике означало постепенное ослабление безопасности государства и в конце концов привело к аншлюсу.

В иной ситуации находилась Чехословакия. С усилением угрозы нацистской агрессии и стремлением Германии к полному подчинению республики концепция лавирования и ослабления существующих союзов не подходила для чехословацких правящих кругов. Наоборот, Чехословакия вынуждена была занять оборонительные позиции и пыталась вызвать заинтересованность у Франции и Англии в деле защиты своей независимости, но безуспешно.

Западные государства в Мюнхене предали своего союзника и под предлогом сохранения мира заставили его уступить давлению Германии. Но и сами правящие буржуазные круги ЧСР капитулировали в Мюнхене и поставили свои узко классовые интересы выше безопасности государства. ЧСР потеряла не только значительную часть своей территории, но также практически все гарантии безопасности и была брошена на

милость германского агрессора. В то же время Мюнхен подорвал веру в господствовавшие до того времени представления об организации безопасности малых государств и привел к усилению негативных тенденций в их внешней политике, что с особой силой проявилось в Юго-Восточной Европе.

Балканские государства, включая Болгарию, во второй половине 30-х годов начали опираться на принципы политики нейтралитета как на основной способ создания гарантий их безопасности. Эта политика во многих отношениях была отражением общего политического развития на континенте, в первую очередь конкретным приспособлением с их стороны к британской политике «умиротворения» агрессора. Теоретически они исходили из предпосылки, что странам Балканского полуострова не угрожает прямая военная агрессия, так как очаги международной напряженности вплоть до весны 1939 г. не затрагивали Балканы. Из этого следовало, что упрочение собственной безопасности они видели прежде всего в обеспечении своему государству как можно более широкой свободы действий, а главным образом в том, чтобы его внешняя политика не была обременена никакими обязательствами, которые детерминировали бы ее действия и фиксировали бы ее место в системе международных отношений на континенте [31; 80; Bd. V, Dok. № 145, S. 166, Dok. № 592, S. 604; 81; 73, S. 423, 435—436; 82; 83]. Причины такого положения крылись во внутриполитическом развитии стран региона, когда происходило установление и укрепление диктаторских и монархо-фашистских режимов, в решающем влиянии правящих кругов буржуазии на курс их внешней политики и в отрицательных тенденциях развития международной ситуации — в усилении противников коллективной безопасности, и преобладании в политике западных держав принципов «умиротворения». Сущностью нейтралистских концепций было неучастие в борьбе против агрессии, примирение с ней, что в конечном итоге объективно выливалось в пособничество в осуществлении агрессивных целей фашистских государств. Это эгоистическое и узко националистическое понимание собственной безопасности ослабляло возможности организации действенного сопротивления агрессии, порождало у малых государств иллюзорные надежды остаться в стороне от конфликтов между империалистическими державами и не превратиться в объект агрессии. Из такого подхода к вопросам безопасности следовало, что малые государства не хотели принимать участие в широких континентальных проблемах, а в отношениях с великими державами избегали вступать с ними в возможные коалиции, направленные против фашистских государств. Таким образом, создание системы безопасности должно было быть ограничено только отдельными государствами или группой их, в связи с чем вскоре появился тезис о делимости мира. Эти принципы конкретно проявились в деятельности региональных блоков и стали основной политической тенденцией во второй половине 30-х годов. В частности, в Балканской Антанте с 1935—1936 гг. стали преобладать нейтралистские тенденции, которые хотя и существовали уже во время ее возникновения, но в период борьбы за коллективную безопасность на известный срок отошли на задний план.

В соответствии с развитием международной ситуации и усилением тенденций нейтралитета во второй половине 30-х годов происходили изменения и в отношениях государств Центральной и Юго-Восточной Европы к СССР. Они не желали основывать защиту своей независимости на получении помощи от СССР, а если и шли на такой шаг, как ЧСР или Турция, то только в ограниченном объеме, причем речь шла в основном об использовании «русской карты». В отличие от предшествующего периода, ни одно малое государство уже не было склонно подписывать с социалистической державой договор о взаимопомощи [68, док. № 203, с. 326; док. № 309, с. 479; док. № 321, с. 500—501; док. № 336, с. 525—526; 69, док. № 131, с. 210; док. № 165, с. 257; 62, с. 229]. Наоборот, в полную силу проявилась тенденция не только не включать СССР в систему безопасности, а исключить его из нее и даже решить империалистические противоречия за его счет. Большинство малых государств рассматриваемо-

го региона поддерживало указанную тенденцию и изображало Советский Союз как «главную опасность в перспективе» для цивилизованной Европы и даже как «поджигателя войны» [84; 85; 86]. В качестве аргументов, якобы подкрепляющих эти провокационные тезисы, указывали на принципиальную позицию СССР, на его решимость выполнить свои обязательства в рамках чехословацко-советского договора и на предоставление советской помощи республиканскому правительству Испании. Большинство малых государств не считало возможным сотрудничать с СССР даже в борьбе против тех тенденций в европейской политике, негативную сущность которых они понимали и последствий которых боялись. В принципе в качестве альтернативы совместной обороне с СССР они всегда предпочитали капитуляцию, соглашение с фашистскими государствами, уступки, ставящие под угрозу их национальный суверенитет. При этом во второй половине 30-х годов отбрасывалась уже и возможность совместных действий малых государств с Советским Союзом даже при участии капиталистических держав. Правящие круги стран Центральной и Юго-Восточной Европы, за исключением в известной мере ЧСР и Турции, считали, что создавать политико-дипломатические или военные гарантии против возможной агрессии можно только с капиталистическими державами. Самым распространенным аргументом, которым обосновывались указанные принципы, был довод, будто союз или сотрудничество с великой социалистической державой могло бы втянуть то или иное государство в войну [69, док. № 122, с. 191]. Тем самым затушевывался классовый антагонизм и автоматически возникали не только трафаретные возражения против сотрудничества с СССР, но и повод к открытому антикоммунизму. В этом контексте внешняя политика должна была как бы создать международные гарантии против «большевизма». Правящие круги стран региона, за исключением Польши и Румынии, даже в пропагандистском походе против СССР не осмелились указывать на какую-либо прямую и непосредственную угрозу со стороны социалистического государства, ибо именно Советский Союз стремился создать гарантии европейской безопасности и вел активную политику мира. Поэтому империалистические круги пугали буржуазию малых стран опасностями большевизма в качестве альтернативной перспективы и стремились поддерживать такие тенденции в развитии международной ситуации, которые создавали бы гарантии против распространения коммунизма, вели бы к изоляции СССР, к вытеснению его из Европы, а в перспективе — к его возможной военной конфронтации с фашизмом в условиях искусственной изоляции на международной арене. Одной из основных и первоочередных международных гарантий против распространения большевизма считалось соглашение западных держав с Германией и Италией, т. е. в сущности объединение всех капиталистических государств на антисоветской основе и преодоление их разногласий в интересах совместных действий. Возможная прямая конфронтация западных держав с фашистскими государствами оценивалась отрицательно, так как правящие круги балканских стран боялись, как бы в случае поражения фашизма не произошел революционный взрыв в Европе. Нежелательной казалась им и альтернатива поражения фашизма вследствие неизбежного в этом случае усиления коммунизма (СССР), и они ее отвергали априорно. Таким образом политика нейтралитета была конкретным выражением антисоветских тенденций во внешней политике стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Развитие ситуации на континенте в 30-х годах возбуждало в правящих кругах Венгрии и Болгарии надежду на реализацию их территориальных притязаний. Эти государства не чувствовали угрозу со стороны великих держав, потенциальную же опасность для себя видели в региональных блоках — Малой Антанте и Балканской Антанте. Не всегда безоговорочно соглашаясь с политикой фашистских государств, в принципе они поддерживали тот процесс развития, который вел к ослаблению существующих форм и гарантий безопасности, так как первоочередной целью их внешней политики была ревизия территориального status quo. Следует подчеркнуть, что между венгерским и болгарским ревизионизмом было определен-

ное различие, которое проявилось в их отношении к крупным международным событиям и великим державам. Большая активность и связь Венгрии с фашистскими государствами обуславливались тем, что в Центральной Европе уже были поставлены в повестку дня территориальные проблемы, в то время как на Балканах для таких действий еще не было условий. Различие было и в том, что Венгрия сосредоточила свои ревизионистские требования против ЧСР, в то время как Болгария искала модус-вивенди с остальными государствами полуострова на базе политики нейтралитета [87; 88]. И только в 1939 г. появились попытки координировать их ревизионистские требования в отношении Румынии, но даже тогда они не осмелились совместно выступить официально с требованием изменения границ [89; 90]. Безопасность обоих государств и их суверенитет зависел прежде всего от того, до какой степени они были готовы рисковать своими национальными интересами ради реализации территориальных притязаний. Типичным для них было также то, что в конечном счете за территориальные приращения они принесли в жертву национальный суверенитет и в той или иной форме стали сателлитами Германии. Они не представляли сами по себе угрозы для своих соседей, но в союзе с фашистскими государствами превращались в инструмент их империалистической политики. Политические цели и амбиции Венгрии и Болгарии не были первопричиной отсутствия солидарности в действиях малых государств этого региона и существенно не влияли на основные формы и принципы организации безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе. Но они способствовали формированию региональных блоков с ограниченными обязательствами коллективной обороны и помощи.

Под влиянием обострения международной обстановки и специфики политики отдельных стран обеспечение их безопасности в 1937—1938 гг. было минимальным за весь межвоенный период. Произошла переоценка всех принципов безопасности, а мюнхенский договор вызвал неверие и в действительность договоров о взаимной помощи малого государства с капиталистической великой державой. Под влиянием Мюнхена и в соответствии с принципами политики нейтралитета малые страны полностью отказались от идеи организации всеобщей системы безопасности и стремились только к отстранению опасности от самих себя, причем пытались добиться этого путем уступок агрессору [91]. Политическое направление, для которого было характерно эгоистическое понимание безопасности и отказ от советских принципов неделимости мира, в период Мюнхена приблизилось к своей кульминационной точке. Отношение малых государств к аншлюсу Австрии и чехословацкому кризису иллюстрировало полное отсутствие солидарности с жертвой агрессии, т. е. отсутствие в их политике принципа, который в прошлом многие из этих стран так горячо защищали и проводили в европейской политике и в рамках Лиги Наций. Одновременно все государства Центральной и Юго-Восточной Европы интерпретировали развитие ситуации таким образом, что не защита Чехословакии и противодействие германской агрессии были основной предпосылкой сохранения мира, а наоборот, ее «частичное» принесение в жертву «третьему рейху» должно было стать средством предотвращения войны [23, оп. 7, а. е. 587, л. 84; 12, S. II, t. 11, doc. № 286, p. 440—441, doc. № 365, p. 335—356; 92].

К тому же Венгрия и Польша приняли активное участие в расчленении ЧСР. Мюнхенский договор открыл дорогу фашистской агрессии в Центральной и Юго-Восточной Европе, что прекрасно понимало большинство политических деятелей стран этого региона. Однако защита против экспансии Германии и Италии и в новых условиях должна была строиться с их точки зрения в тех же формах, а именно путем усиления и укрепления отношений с фашистскими государствами, при сохранении и укреплении политических и экономических контактов с Великобританией и Францией. При этом после Мюнхена сохранилась вера в то, что в случае вооруженного мирового конфликта повторился бы вариант первой мировой войны, т. е. победа западных держав и США. Не было также сомнений в том, что если бы в случае мировой войны малые государства и вступили бы в конфликт, то только на стороне западных государств. Но отношение Великобри-

тании и Франции к событиям 15 марта 1939 г. и их последствиям поколебало и этот тезис.

Оккупация Чехии и Моравии нацистской Германией и агрессия Италии против Албании вызвали среди малых стран Центральной и Юго-Восточной Европы дальнейшую дифференциацию взглядов по вопросам обеспечения безопасности. Германская и итальянская экспансия уже непосредственно угрожала их независимости и суверенитету, что на деле показали события 15 марта и 7 апреля 1939 г. Под их влиянием Польша и Турция подвергли переоценке свои прежние представления о создании гарантий безопасности. Тем не менее малые государства, за исключением Турции, и дальше отвергали активное участие СССР в создании гарантий безопасности. Наиболее характерной чертой новых взглядов и далее продолжало оставаться то, что малые государства отвергали возможность активного участия СССР в создании гарантий безопасности [93; 62, с. 340]. Между тем Польша и Румыния должны были сыграть важную роль в рамках советского проекта создания коллективного фронта защиты мира, но своим отрицательным отношением они практически перечеркнули указанные планы. В 1939 г. сколько-нибудь успешная и действенная защита против агрессии фашистских государств в Центральной и Юго-Восточной Европе была невозможна без участия СССР. Отрицательное отношение Польши и Румынии к участию социалистической великой державы в создании гарантий безопасности означало торпедирование этой идеи в международных отношениях вообще и с точки зрения их собственной защиты, в частности. В 1939 г. вновь четко проявился старый принцип, что малые государства могут строить свою безопасность только в союзе с капиталистическими великими державами. С другой стороны, конкретно проявились и трагические последствия этой политики.

Новой формой обеспечения безопасности малых государств после 15 марта 1939 г. стали британские и французские гарантии [94; 34, с. 136, 146, 150]. Англия впервые с момента окончания первой мировой войны взяла на себя военно-политические обязательства в этой части Европы, что должно было иллюстрировать принципиальную переоценку политики Лондона. Но обязательства западных великих держав в отношении государств Центральной и Юго-Восточной Европы все же не имели большой практической ценности. Более того, в принципе они были продолжением прежней политики в отношении Германии, т. е. политики «умиротворения» только другими путями.

Государства региона приветствовали активизацию политики западных великих держав, но в большинстве случаев не отказывались от принципов политики нейтралитета. Из этих соображений они воздерживались принимать на себя какие-либо обязательства против Германии [80, Bd. VI, Dok. № 342, S. 374, Bd. VII, Dok. № 112, S. 100, Dok. № 532, S. 432; 95; 96; 97], и памятуя об уроках мюнхенского сговора, не собирались односторонне и открыто ориентироваться только на западные державы. Исключение составляли Польша и Турция, которые подписали в 1939 г. договоры о взаимной помощи с Великобританией и Францией. Но в дальнейшем Турция постепенно отошла от взятых на себя обязательств, а для Польши реальная ценность этого шага оказалась минимальной.

Из балканских государств гарантии Великобритании и Франции приняли Румыния и Греция, но и они не проявили интереса к обязательствам о взаимной помощи [18, S. III, v. IV, doc. № 395, p. 367, doc. № 451, p. 520—521, S. III, v. V, doc. № 160—161, p. 197, doc. № 136, 140, 146, p. 179; 182, 186; 98; 99; 100]. В рамках контактов малых стран с капиталистическими великими державами и в 1939 г. существовала большая дифференциация в подходе к оценке действенности гарантий безопасности и различная степень участия в борьбе против возможной агрессии, что также было связано со степенью угрозы тому или иному государству. Преобладающей тенденцией на Балканах оставалась политика нейтралитета, и в интересах ее реализации страны полуострова стремились укреплять взаимное единство и солидарность. Смыслом и целью этих попыток должно было быть создание в мирный период предпосылок для проведения общей

нейтральной линии, а в случае войны для проявления солидарности, ограничивающейся доброжелательным нейтралитетом. Реальная ценность такого единства, сотрудничества и солидарности была практически равна нулю. В контексте указанных тенденций Балканская Антанта должна была быть главным фактором, с помощью которого предполагалось реализовать указанные цели политики нейтралитета. Значение этого регионального блока в смысле создания гарантий безопасности продолжало неуклонно падать, так как формы безопасности, которые избрали его члены, были совершенно неадекватны растущей угрозе агрессии. Государства Центральной и Юго-Восточной Европы практически ожидали, кто станет очередной жертвой агрессии, и при этом отвергали советский проект создания коллективного фронта защиты мира как самую действенную и самую эффективную гарантию безопасности.

Правящие буржуазные круги в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы не смогли найти в 30-е годы путь к совместным действиям по созданию гарантий безопасности, да и не были заинтересованы в этом. Такое положение сохранилось и проявилось с особой силой в период, когда агрессия германского империализма угрожала суверенитету и независимости всех стран без исключения. Отвергался советский принцип неделимости мира, шли поиски путей создания собственной безопасности за счет других государств, с фашистскими державами хотели «демократически» решить территориальные проблемы и в угоду сиюминутных выгод сквозь пальцы смотрели на акты агрессии. Вследствие внутриполитического развития, классовой оценки международной ситуации, общих и частных представлений о создании гарантии собственной безопасности правящие круги этих государств были не в состоянии прийти к общему для всех них выводу, что главным и потенциальным агрессором является гитлеровская Германия. Они не хотели признать даже тот факт, что агрессия «третьего рейха» угрожает их безопасности и не делали из этого никаких выводов, а наоборот, хотели получить в Берлине гарантии против «большевизма», помощь в сохранении собственной территориальной целостности и т. д., а следовательно, не могли найти общий язык между собой и внести свой вклад в создание общих гарантий безопасности. При этом все же мера ответственности за отсутствие антигитлеровского единого фронта не была одинаковой как для малых государств, так и для капиталистических великих держав. Главная ответственность лежит на последних. Однако правящая буржуазия в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не только не способствовала организации единства в борьбе против агрессии, но своей политикой помогала осуществлению реакционных тенденций в международной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР), т. XV. М., 1969.
2. Archiv Federálneho ministerstva zahraničných vecí (далее AFMZV), Praha, Politické spravy (PS). Ankara, periodická II, 11.7.1932.
3. AFMZV, Kroftov arhív, kr. 13, bez čísla, rozhovor R. MacDonald — Sir John Simon — E. Beneš v Ženeve 17.3.1933.
4. Studia Historyczne, 1973, № 3, s. 419—426.
5. ДВП СССР, т. XVIII, М., 1973.
6. Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964.
7. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность (1929—1939). М., 1976.
8. Bystrický V. Deak L. Európa na prelome. Diplomatické a politické vzťahy v rokoch 1932—1933. Bratislava, 1974.
9. Beneš E. Paměti. Praha, 1947.
10. AFMZV, PS, Belehrad, Záznam jednání E. Beneše, Jeftiče a Titulesca na konferenci Malé dohody v Belehrade 18.—19.12.1932.
11. AFMZV, PS, Kabinet 1934, № 872, Belehrad, 19.3.1934.
12. Documents diplomatiques français. 1932—1939 (далее DDF). Paris, 1964.
13. Kvaček R. Ke genezi návrhu na jednání o pakt Malé dohody. In: Československo a Juhoslávia. Bratislava, 1968, s. 307.
14. Манчев К., Бистрицки В. България и нейните съседни. 1934—1939. София, 1979.
15. Juhász Gy. Magyarország külpolitikája 1919—1945. Budapest, 1975.
16. Diplomatski arhiv Saveznog sekretarijata za inostrane poslove (далее DASIP), Beograd, Londonsko poslanstvo (далее LP), 1—14, december, 1932.
17. Diariusz i teki Jana Szembeka (1935—1945), t. I. Londyn, 1964.

18. Documents on British Foreign Policy. 1919—1939 (далее DBFP), Ser. II. London, 1948.
19. AFMZV, PS, Londýn, periodická III, 18.10.1932.
20. *Baumont M.* Les origines de la deuxième guerre mondiale. Paris, 1969, s. 53—55.
21. *Сипоас В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, с. 24.
22. AFMZV, fond Malá dohoda, proces-verbal zo zasadnutia Stálej rady Malej dohody v Záhrebe 22.—23.1.1934.
23. Централен държавен исторически архив (далее ЦДИА). София, ф. 176.
24. Documents on German Foreign Policy, 1918—1945 (далее DGFP), Ser. C (1933—1937), v. IV. London, 1966.
25. *Смирнова Н. Д.* Политика Италии на Балканах 1922—1935. М., 1979.
26. *Vinaver V.* Jugoslavija i Mađarska 1933—1941. Beograd, 1976, s. 46.
27. *Kerekes L.* Anschluss 1938. Ausztria és a nemzetközi diplomácia 1933—1938. Budapest, 1963.
28. *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie, 1933—1938. Poznań, 1965, s. 16—18.
29. *Král V.* Spojenství československo-sovětské v evropské politice, 1935—1939. Praha, 1970.
30. *Laroche J.* Polska lat 1926—1935. Warszawa, 1966, s. 150.
31. DASIP, Tursko poslanstvo (TP), 1935, f. 22.
32. Országos Levéltár (OL), Budapest, Küm. pol. 1934—23/36 — 6951, Zeneva 8.12.1934, rozhovor K. Kánya — Rüstü Aras.
33. ДВП СССР, т. XVII.
34. *Живкова Л.* Англо-турските отношения, 1933—1939. София, 1971, с. 31, 35.
35. AFMZV, Telegramy došlé, č. 54, Berlín 27.1.1934.
36. ДВП СССР, т. XVI.
37. *Мухомтова И. В.* Советско-польские отношения, 1931—1935. М., 1977.
38. *Baumont M.* La faillite de la paix, 1918—1939. Paris, 1961, v. II, p. 701—702.
39. *Furnia A. H.* The Diplomacy of Appeasement: Anglo-French Relations and the Prelude to World War II, 1931—1938. Washington, 1960, p. 193—198.
40. *Avramovski Z.* Balkanske zemlje i velike sile, 1935—1937. Beograd, 1968.
41. *Ormos M.* Franciaország és a keleti biztonság, 1931—1936. Budapest, 1969.
42. AFMZV, fond Malá dohoda, proces-verbal zo zasadnutia Stálej rady v Lubl'ane 11.1.1935.
43. Zahraniční politika, Praha, 1934, s. 600.
44. *Deák L.* Die Kleine Entente und die kollektive Sicherheit in den Jahren 1933—1936. In: Studia historica Slovaca, X. Bratislava, 1978, s. 130.
45. *Jurkiewicz J.* Pakt Wschodni. Warszawa, 1963, s. 67, 140—143.
46. Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VI, 1933—1938 гг. М., 1969, док. 143, с. 217—219.
47. *Ádám M.* Magyarország és a kizártság években. Budapest, 1968, 64 old.
48. AFMZV, Kroftove výklady na poradách, č 15, 25.4.1935.
49. AFMZV, Kabinet, č. 1107, Paris 2.4.1936.
50. *Сипоас В. Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 55—68, 78—84.
51. Státní ústřední archiv. Praha, Prezídium ministerské rady, kartón 4392. Expozé E. Beneša 23.5.1934.
52. AFMZV, Kabinet, č. 2999. Zeneva 6.6.1934.
53. AFMZV, Telegramy odoslané, č. 337—367. Praha 17.6.1934.
54. *Král V.* Plán Zet. Praha, 1973.
55. *Král V.* Dny které otfásly Československem. Praha, 1975.
56. Archiwum akt nowych, Ministerstwo spraw zagranicznych (AAN—MSZ), Warszawa, 4621, P II 49/104/34, rozhovor J. Beck-Moltke 4.10.1934.
57. *Ciałowicz J.* Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921—1939. Warszawa, 1970, s. 203.
58. OL, Küm. res. pol. 1934—41—542, Budapest 2.10.1934.
59. OL, Küm. pol. 1934—23—2305, Roma 7.6.1934.
60. *Vinaver V.* Neuspech tajnich jugoslovensko-sovjetskich pregovora 1934—1938. godine. In: Zbornik za istoriju, t. 3. Novi Sad, 1971, s. 36—37.
61. *Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты, 1933—1938. М., 1966.
62. *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977.
63. *Копанский Я. М., Левит И. Е.* Советско-румынские отношения (1924—1934). М. 1971, с. 160—161.
64. *Опря И.* Дипломатическая деятельность Николае Титулеску. Бухарест, 1970, с. 98—99.
65. AFMZV, fond Malá dohoda, zasadnutie Stálej rady Malej dohody v Zeneve 24.11—1934.
66. AFMZV, proces-verbal zo zasadnutia Stálej rady v Lubl'ane 11.1.1935.
67. *Biber D.* Die jugoslawische-deutschen Beziehungen von 1933 bis 1941. In: Das Internationale Jahrbuch für Geschichtsunterricht, Bd. 1963—1964. Brunschweig, 1964, s. 33—34.
68. ДВП СССР, т. XIX, 1974.
69. ДВП СССР, т. XX, 1976.
70. AFMZV, Kroftov archiv, kr. 20, bez čísla. Zeneva 25.10.1935.

71. *Hoptner J. B.* Yugoslavia in Crisis, 1934—1941. New York, 1962, s. 36—43.
72. *Machray R.* The Struggle for the Danube and Little Entente. 1929—1938. London, 1938, s. 203.
73. *Stojadinović M.* Ni rat, ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Buenos Aires, 1963.
74. *Campus E.* Mica Inteligere. Bukurești, 1968, p. 259.
75. *Deák L.* Pokusy o upevnenie malodohodového spojenectva s Francúzskom v rokoch 1936—1937. In: Slovanské štúdie, XIII, história. Bratislava, 1972, s. 96.
76. AFMZV, Kabinet, č. 1635, kr. 7, podklady pre rokovanie Malej dohody v Belehrade. Praha 2.5.1936.
77. *Kvaček R.* Nad Evropou zataženo. Praha, 1966, s. 211—213.
78. *Zacharias M.* Strategia polityczna Józefa Becka a preslenie marcowe 1936 roku. In: Dzieje Najnowsze, V. 1973, I. s. 80—82.
79. AFMZV, PS, Belehrad, č. 82, 20.10.1937.
80. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, Serie D (далее ADAP), Bd. V, Baden-baden, 1956.
81. AFMZV, fond Malá dohoda, proces-verbal zo zasadnutia Stálej rady na Blede 21.—22.8.1938.
82. *Kroll H.* Lebenserinnerungen eines Botschafters. Köln — Berlin, 1967, S. 91.
83. *Richter H.* Griechenland zwischen Revolution und Konterrevolution (1936—1945). Frankfurt a. M., 1973, S. 65, 71.
84. Archiv Ústavu marxizmu-leninizmu. Praha, f. 39. Francúzsko, 1937, kr. 2, rozhovor L. Blum—H. Ripka 25.—26.9.1937.
85. AFMZV, Kabinet vecný, kr. 76, č. 335, rozhovor kral' Carol — J. Masaryk. Londýn, 29.7.1937.
86. Horthy Miklos titkos iratai. Budapest, 1963, 157—167 old.
87. *Сирков Д.* Външната политика на България, 1938—1941. София, 1979, с. 41—58.
88. *Манчев К., Бистрицки В.* България и нейните съседи. София, 1979, с. 191—205.
89. Diplomaciai iratok Magyarorszáг külpolitikájához 1936—1945, IV. Magyarország külpolitikája a II. világháború kitörésének időszakában 1939—1940. Budapest, 1962, dok. 205.
90. *Димитров И.* Българо-италиянски политически отношения. 1922—1943. София, 1976, с. 323, 339.
91. *Волков В. К.* Мюнхенский стговор и балканские страны. М., 1978, с. 176—178.
92. DIMK, II. A müncheni eduezmény létrejötté és Magyarország külpolitikája 1936—1938. Budapest, 1965, dok. 416, 674 old.
93. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, док. № 169, с. 257.
94. *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма 1918—1939 гг. М., 1962 с. 345 и др.
95. Aprilski rat 1941. Beograd, 1968, dok. № 75. s. 297.
96. DASIP, LP, 1939, 1—6, č. 560. Bukurest 25.5.1939.
97. DASIP, LP, 1939, f. 31, č. 558. Atény 29.8.1939.
98. DASIP, LP, 1939, 1—1, č. 331, 334. London 9.4.1939, Atény 9. 4.1.1939.
99. *Campus E.* Inteligerea balcanica. București, 1972, p. 278—294.
100. Tejchman M. Balkánske státy v Předvečer druhé světové války (15. březen — 1. září 1939). In: Ceskoslovenský časopis historický, č. 3. Praha, 1971, s. 336, 339.

ВИЛЬЦЫ-ЛЮТИЧИ

Трагическая история полабских славян наполнена яркими героическими событиями. Одно из них — длительное восстание против иноземного феодально-католического засилья. Оно продолжалось с 983 по 1002/3 гг. и, несомненно, было одним из самых значительных народных восстаний раннего средневековья в Центральной Европе.

Инициаторами восстания и наиболее активной его силой выступили вильцы (лютичи). К сожалению, в советской историографии до сих пор нет крупных обобщающих работ ни о полабских славянах в целом, ни о лютичах в частности¹. Многие вопросы общественно-политического строя остаются слабо разработанными.

Цель статьи — отразить в сжатой форме некоторые факторы, влиявшие на развитие политических и этнических связей вильцев (лютичей) в период с конца VIII в. до второй половины XII в. (от первого упоминания в письменных источниках до насильственного включения в состав германского феодального государства). Характер этих связей, их изменения во многом определяли как успехи, так и поражения в борьбе вильцкой группы племен против внешней экспансии. Материал для написания статьи почерпнут из франкских и немецких хроник и специальных историко-этнографических трудов.

В средневековых источниках этот народ выступает под разными именами: вильцы (Wilzi, Wilti), велеты (Veleti, Welatabi), лютичи (Lutici, Leutici). Наиболее раннее упоминание о них в Полабье (789 г.) содержится в «Анналах королевства франков». Хронист среди многих славянских племен, с которыми пришлось воевать Карлу, называет вильцев². В это же время биограф Карла Эйнгард, сообщая о тех же событиях, вносит любопытное дополнение. Он пишет: «...началась война со славянами, которые по-нашему называются вильцы, а на своем языке велеты» [8, S. 180]. Два столетия спустя после Эйнгарда в конце X в. хронист Титмар Мерзебургский называет вильцев лютичами. Под этим же термином они упоминаются в хрониках XI—XII вв. Так, в хронике Адама Бременского читаем: «За землей лютичей, которые иначе называются именем вильцы, протекает река Одра...» [9, S. 252].

Из содержания хроник явствует, что все три названия были собирательными и распространялись в разное время на одну и ту же группу полабославянских племен. Эта группа занимала обширную территорию Полабья от побережья Балтийского моря на севере между лужицкими сербами на юге, ободритами на северо-западе и поморянами на востоке, однако определить строго южные и восточные границы очень трудно. Ранние письменные источники не приводят ни количества, ни названия вильцких племен, ни четкого места их расселения. Попытки уточнить границы вильцкой тер-

¹ Интересные обобщающие работы вышли в последние десятилетия в ГДР [1—6].

² «Inde iter per motum partibus Slavaniae, quorum vocabulum est Wilze, Dominio adiuvente» [7, S. 56].

ритории для VIII—IX вв. с помощью археологического материала, нуждаются в дополнительных обоснованиях. Границы археологических культур, как известно, не всегда совпадают с этническими областями, и тем не менее анализ письменных и археологических данных позволяет заключить, что территория, занимаемая вильцами в VIII—IX вв., была больше территории ободритской группы племен [4, S. 17; 10, S. 153; 11, s. 9]. Эйнгард не случайно называет вильцев самым значительным народом на южном берегу Балтийского моря [8, S. 180].

Вильцев нельзя рассматривать ни как автохтонов, ни как завоевателей междуречья Лабы и Одры. Этот район первоначально занимали германские племена. В III—IV вв. они в основной своей массе переместились на новые земли и, по свидетельствам археологии, Полабье фактически обезлюдело [3, S. 19]. В V—VII вв. сюда проникают и расселяются славянские племена, в том числе вильцы [2, S. 74]. Как показывают палеоисследования, поселенцы встречали в основном неосвоенный ландшафт. Лишь в некоторых областях сохранялись остатки германского населения, которое, вероятно, восторге ассимилировалось пришельцами [12, S. 7]. Нет единого мнения в решении вопроса, откуда появились вильцы на этой территории. Выдвигаются разные, подчас самые противоречивые гипотезы. Одна из них о первоначальном расселении вильцев в висло-одерском бассейне (Силезия, Малая Польша) представляется нам по своей аргументации близкой к истине [2, S. 73, 172].

Франкские анналы впервые упоминают вильцев в связи с походом Карла Великого в их земли. Согласно источникам, король франков в 789 г. перешел с войском реку Лабу и, подступив к крепости велетского князя Драговита, принудил его капитулировать [13, s. 34]. Вильцы для хрониста предстают частью славянского народа (*natio Sclavenorum*), занимавшего определенную территорию (*Wilzorum terra*), ограниченную от земель других полабских славян. Князь Драговит обозначается в хрониках термином *rex* (король) — очевидно, он занимал доминирующее положение среди других вильцких *primores, reguli*. Свидетельством служит тот факт, что покорение крепости Драговита означало подчинение и остальных вильцких вождей господству франков³.

Итак, уже первые сообщения о вильцах позволяют рассматривать их как политический организм во главе с верховным вождем. Вождь имел центральную крепость (*civitas Dragowiti*), которую Карл старался покорить в первую очередь⁴. Терминами *primores, reguli* скорее всего обозначались вожди племен, входивших в вильцкое объединение. Состав его франкскими летописцами не указывается, но уже приводимая выше характеристика вильцев Эйнгардом как «самого значительного народа» дает основание считать их многоплеменной силой. Недаром Карл вынужден был собрать против них большое войско, в котором кроме франков находились ободриты, сербы, фризы [7, S. 58]. Состав объединения вильцев несколько проясняется в сочинении анонимного Баварского Географа. Оно носит примечательное название «Описание городов и областей, лежащих к северу от Дуная» и, как предполагают, было написано в середине IX в. Его автор судя по всему неплохо знал славянский мир. В источнике перечисляются славянские племена и племенные объединения, их расположение, укрепленные пункты. О вильцах (*Vilci*), в частности, говорится, что их земля состоит из 4-х областей (*regiones*), где насчитывается 95 *civitates* [17, s. 2]. Эти данные вполне согласуются с более поздними указаниями хронистов Адама Бременского и Гельмольда о союзе лютичей. «Их — четыре племени, и они называются лютичами или вильцами, — читаем в хронике Гельмольда. — Из них хижане и черзепняне, как известно, оби-

³ В литературе встречается и другая интерпретация известий анналов. Некоторые историкки оспаривают верховное положение Драговита в союзе и считают его рядовым князем одного из вильцких племен [11, s. 12—13; 14, S. 94—95].

⁴ Анналы не сообщают о месте расположения крепости Драговита. По мнению И. Германна, она может идентифицироваться с крепостью Демин в бассейне реки Пены [15]. Предполагают и другое место у Бренна в районе Бранденбурга в среднем течении Хавеля [16, S. 145].

тают по ту сторону Пены, а ратары и доленчане — по эту» [18, с. 47]. В литературе справедливо отмечалось, что 4 regio Баварского Географа — это области расселения четырех главных вильцких племен: хижан, черезпелян, ратарей, доленчан, о которых мы узнаем из более поздних источников [10, S. 9; 11, s. 15]. Они, а также ряд других, более мелких племен и составляли политический организм — военно-племенной союз вильцев. Возник союз, очевидно, как сила, противостоящая соседним народам в процессе освоения земель в Полабье; его целостность и сплоченность определялись внешнеполитической обстановкой. В условиях конфронтации с соседями — ободритами, сербами, польскими племенами, франками на первый план выдвигалась военно-оборонительная функция. Закономерно в такой ситуации возвышение власти одного из наиболее авторитетных вождей, так называемого центрального князя. Неубедительными выглядят попытки некоторых авторов рассматривать появление и усиление центральной власти у вильцев как результат политики франкского короля. По их мнению, между франками и вильцами уже при Карле Мартелле существовали верноподданческие отношения и от этого франкского майордома юный князь Драговит в 738 г. и получил власть над остальными вильцкими племенами [10, S. 16; 19, S. 104]. В источниках эта мысль не находит подтверждения. Правильнее предположить возвышение Драговита объективными потребностями обстановки: вождь — организующая сила обороны. Он олицетворял единство военно-политического оборонительного союза вильцев. Определение «оборонительный», пожалуй, наиболее точно характеризует главную функцию вильцкой политической общности, так как вся известная по хроникам история вильцев — это история героической обороны своей территории от феодально-католического натиска. Походы, которые они совершали в чужие земли, носили, как правило, превентивный характер. Сейчас уже никто не принимает безоговорочно объяснение хронистом побудительных мотивов похода 789 г. против вильцев якобы искренним стремлением франков помочь своим союзникам ободритам, которых беспокоили вильцы⁵. Скорее всего, справедливо замечает Г. Булли, это был лишь повод к походу [11, s. 10]. Истинное политическое намерение Карла — укрепить границы Франкского государства на востоке, расширить сферу своего влияния на соседние территории, в частности, на Саксонию и в этой связи не допустить образования вильцко-саксонского союза [21, S. 708; 22, S. 209].

По источникам, вильцы вынуждены были перед лицом превосходящих сил противника подчиниться и присягнуть Карлу в верности, гарантировав ее передачей из своей среды заложников [14]. Сведений о вмешательстве франков в социальную, хозяйственную, религиозную структуры вильцев нет, но сложные комбинации так называемых союзнических отношений соседних народов отразились на положении вильцев. Карл Великий, участвуя в многочисленных войнах, не имел необходимых сил для полного подчинения славян, а возможно и не хотел этого делать. Ему важнее было сохранить существовавшие противоречия между полабскими славянами, не допустить сплочения их в единый полабско-славянский союз. Эта мысль хорошо подтверждается событиями первой четверти IX в. Из анналов известно, что в 808 г. вильцы совместно с датчанами совершили поход против ободритов. Карл не оказал действительной помощи своим союзникам ободритам [7, S. 86], так как не хотел их чрезмерного усиления. Лишь на следующий год франки совместно с ободритами выступили против вильцких земель, но и на сей раз дело ограничилось данью с вильцев, а не разгромом союза [7, S. 92]. Франкский король сохранил союз вильцев, чтобы использовать его в своих интересах.

По скудным сведениям источников можно только догадываться о внутреннем состоянии вильцкого союза. Хроники донесли имена преемников Драговита центральных вождей Люба, Милегаста, Челадрага. Их дея-

⁵ «Причина войны, — пишет Эйнгард, — заключалась в том, что вильцы беспрепятственно тревожили набегами ободритов, давних союзников франков» [8, S. 180]. Недоверие этому сообщению высказывали еще русские дореволюционные историки [20, с. 25].

родного собрания вильцев, с мнением которого считался франкский король [7, S. 132].

Структурными подразделениями являлись в VIII—IX вв. поселенческие объединения, которые обозначаются в сочинении Баварского Географа термином «*civitas*». По мнению В. Прохазки, *civitas* Баварского Географа идентично территориально-политической общности типа «жупа», «*Gau*» [23, S. 38]. Центром такой общности была крепость (бург), где население могло укрыться в случае опасности. Совокупность определенного числа бурговых округов (*civitas*) составляла территориальное племя (*regio* — по терминологии Баварского Географа). Каждое из них может рассматриваться как племенное княжество со своим вождем. Племенные вожди, зная, как видно из источников, задавали тон на народном собрании, особенно при выборах центрального князя.

Некоторые авторы склонны считать политическую общность вильцев VIII — середины IX вв. раннефеодальным государством. Племенная аристократия с центральным князем квалифицируется как феодальная верхушка, обладавшая земельными наделами с зависимыми работниками и эксплуатирующая население бурговых округов [11, S. 17, 25—26]. Однако для подобных выводов, явно преувеличивающих степень социальной дифференциации вильцкого общества, не дают оснований ни письменные источники, ни археологические материалы. Основная часть крепостей этого времени в вильцких областях по данным И. Германна выполняла защитную функцию для населения (*Fluchtburgen, Volksburgen*) [24, s. 60—62], и видеть в этих укрепленных пунктах центры феодальной эксплуатации неправомерно. Упоминаемые в анналах *primores, reguli* еще не превратились в правящую элиту, которая эксплуатировала бы остальную часть населения. На наш взгляд, необходимо учитывать весьма существенный фактор: процесс социальной дифференциации и складывание государственности осложнялись внешнеполитической обстановкой. В условиях непрерывающейся внешней агрессии роль свободных общинников-ополченцев не только не уменьшалась, но наоборот, укреплялась. Следовательно, консервировались военно-демократические формы правления [1, S. 150; 3, S. 84].

Таким образом, прочность внутренних связей в союзе вильцев во многом определялась внешнеполитической обстановкой. Одновременно большую роль играл этнический фактор — общность происхождения. Не останавливаясь на рассмотрении существующих в литературе различных точек зрения по проблеме общности происхождения [25, с. 102], мы коснемся применительно к вильцам двух аспектов — объективное существование общности происхождения членов этноса и субъективные представления о такой общности.

Немецкие археологи в последние десятилетия много и весьма плодотворно работают над выявлением локальных вариантов славянской археологической культуры и их соответствия определенным поселенческим областям племенных объединений. И. Герман вычленяет для каждой из полабо-славянских племенных ветвей особый тип керамики и не без основания истоки специфики керамического материала видит в различии происхождения племенных групп вильцев, ободритов, сербов. Для вильцкой области раннего времени характерна керамика так называемого фельдбергского типа [2; 3].

Особенности материальной культуры племен вильцкого объединения (хотя отдельные выводы о них и спорны), могут все же служить одним из доказательств объективной общности их происхождения. Вполне вероятно, что перемещение славянских племен и племенных групп в Полабье происходило не одновременно и из разных направлений. В частности, вильцкие племена, перемещаясь из районов Силезии, столкнулись во второй половине VI в. с уже осевшими в районе Мекленбурга ободритскими племенами. Этим и объясняется непрекращающаяся вражда между ними, неоднократно отмечаемая в анналах. Родственность происхождения соответствующих групп славянских племен (вильцев, ободритов, сербов)

доказывается и характером их поселений. Уместно обратиться к наблюдениям Ф. Энгельса, который писал о переселении германцев в ранний период: «Каждое племя оседало на новом месте не по прихоти и не в силу случайных обстоятельств, а в соответствии с родственной близостью соплеменников» [26, с. 330]. Это же положение в полной мере относится и к переселявшимся славянским племенам. Как показывают исследования, вильцев отделяла от сербов широкая лесная пограничная зона. Такая же зона отмечается в некоторых местах между вильдами и ободритской группой племен [2, S. 35; 27, S. 337].

Приводимые в работах немецких исследователей аргументы заставляют серьезно отнестись к гипотезе об объективном существовании общности происхождения вильцких племен.

В обыденном сознании общность происхождения интерпретировалась членами племен как кровное родство. Сами по себе кровно-родственные связи уже не были определяющими в полабских *regiones*. Они уступили место связям территориально-политическим, как между округами (*civitates*), так и внутри бурговых округов. Но чувство родства сохранялось и, определяющую роль здесь играло само переселение. Попадая в иное этническое окружение, вильцы остро ощущали общность своего исторического происхождения, противопоставляли себя соседним народам. Усиливались политические связи внутри больших территориальных племен (*regiones*), но в большей мере формирующая роль общности исторических судеб проявлялась в VIII — середине IX вв. в отношениях между племенами. Обстановка требовала объединения в военно-политический союз, чтобы отстоять свое право на жизнь, защитить вновь осваиваемые земли. Вильцкий союз, по-видимому, и создается вскоре после перемещения в Полабье на основе добровольного объединения родственных по происхождению племен [28, S. 36]. Чувства кровного родства, общности исторических судеб сплачивали вильцев перед лицом внешней опасности, выполняя одновременно этноформирующие и этнодифференцирующие функции. Среди членов вильцкого объединения усиливалось самосознание своего единства, противопоставление себя соседним враждебным этносам (антитеза «мы — они»). Выражением такого сплочения и был сильный военно-политический племенной союз вильцев с центральным князем во главе, противостоящий чужеземному натиску.

Вероятно, не случайно в анналах не встречаются названия племен, входящих в состав союза. Все они определялись собирательным именем вильцы. Авторы анналов, очевидно, не замечали особой главенствующей роли какого-то одного племени в союзе, хотя и указывали (Баварский Географ), что территория вильцкого союза есть совокупность территорий четырех наиболее крупных племен. Вильцы — вот реальная воинственная, непокорная сила, которую знали чужеземные авторы.

До последнего времени объяснение названия «вильцы» остается недостаточно четким. По мнению известного слависта П. Шафарика, первоначальное имя народа — велеты, а «вильцы» — «второстепенное», своего рода прозвище, данное соседями, или измененная немцами форма славянского слова «велеты» [29, с. 82, 109]. Название «велеты» связывается со словом «волот» (великан), т. е. люди-исполины, высокого роста, богатыри, а имя «вильцы» — от древнеславянского «влѣкъ» — волк (польское *wilk*, множественное число — *wilci*) — люди дикие, воинственные [29, с. 94, 98; 30, с. 31; 31, с. 114], в известной мере жестокие по отношению к врагам. Отсюда, видимо, и возник этот нарицательный эпитет. В латинские хроники он перешел из славянской среды. Вариантность его употребления в самых разных источниках дает основание предполагать, что этникон «вильцы» для самих славян выступал самоназванием. Адам Бременский во второй половине XI в. указывает на автохтонный характер названия «вильцы». Он пишет, что четыре славянских племени «называются у себя вильцами, а у нас лютичами» [9, S. 356]. Доверяя хронисту, мы можем констатировать наличие самосознания вильцкой общности, которое отразилось в форме конкретного самоназвания. Его закреплению способствовали особые условия существования вильцев, внешнеполитическая кон-

фронтация, общность происхождения. Имя «вильцы» служило признаком, объединявшим внутри и отличавшим от других племен.

После сообщения Баварского Географа в течение почти целого столетия в источниках не было никаких упоминаний о вильцах. Только в середине X в. саксонский монах Видукинд в «Деяниях саксов» нарушает это молчание. Рассказывая о походе Генриха I против славян в 928—929 гг., он называет среди данников Генриха и вильцев⁶. По мнению К. Ваховского, длительное отсутствие сведений в немецких источниках того времени о германо-вильцких отношениях следует объяснять неясными, но глубокими изменениями внутри вильцкого союза и вероятнее всего упадком в середине IX в. княжеской власти. Внутренние раздоры в союзе снизили его активность по отношению к Восточно-Франкскому государству, отсюда молчание хроник [33, с. 102]. Такого же мнения придерживаются В. Брюске, Г. Булин [10, S. 16; 11, с. 28]. При этом Г. Булин высказывает мысль, что отсутствие сведений о вельетах может быть связано и с общим упадком западной историографии во времена заката империи Карла. Убедительней представляется первое предположение. Очевидно, в самом деле, с 839 г.⁷ и до похода Генриха в конце 20-годов X в. вильцы не вели активных военных действий, так как внутри союза происходили сложные изменения политической структуры. Можно лишь догадываться об их характере, так как источники не доносят никаких конкретных сведений. М. Хеллманн, возможно, прав, полагая, что после успешного похода в Полабье в середине IX в. Людовик Немецкий ликвидировал власть центрального князя не только в ободритском союзе, но и у вильцев⁸ [19, S. 107, 112]. В результате усилилась власть племенной знати. Политические связи между племенами распались. Относительно мирная обстановка содействовала консервации племенной локальности. Неудивительно, что забывается общее имя союза. Оно в письменных источниках с середины IX в. долгое время не фигурирует.

Союз возродился в X в., и в хрониках он чаще всего выступает под новым названием «лютичи». Очевидно, этим термином подчеркивались особые качества членов племенного союза — лютые, жестокие [35, с. 94]. Имя «лютичи» постепенно вытеснило старое название «вильцы», но костяк союза остался прежним⁹. Это ратары, доленчане, хижане, черзепняне, о чем неоднократно указывают Адам и Гельмольд.

Возрождение союза связано с резко возросшей внешней опасностью со стороны германского государства. Короли Саксонской династии ставят целью подчинить своей власти полабских славян, втянуть их в сферу феодально-католической эксплуатации. Усиливается проникновение христианских миссий, образуются епископства в Бранденбурге, Гавельберге. Территория, занимаемая вильцами, сокращается. Ответной реакцией со стороны славян был подъем освободительной борьбы. Из источников известно, что в середине X в. вильцы, а также и ободриты, подняли восстание, однако действовали они несогласованно и германский король Оттон I в битве у реки Рекниц в 955 г. нанес полабам поражение [32, с. 253]. Ободритский князь Након отказался от дальнейшей борьбы и вильцам пришлось одним оказывать сопротивление войску Оттона. К 960 г. они вынуждены были покориться немецкому королю, потеряли свою независимость и обязались выплачивать дань.

На некоторое время обстановка в Полабье успокоилась. Оттон I с 961 по 965 гг. находился в Италии, ослабил внимание к вопросам восточ-

⁶ «Генрих наложил дань на соседние народы: на ободритов, вильцев, гаволян, доленчан, чехов и ратарей» [32, с. 147]. В этом сообщении бросается в глаза тот факт, что хронист рядом с вельетами называет обособленно не только чехов, ободритов, но и членов вильцкого союза, доленчан, ратарей. Очевидно, у Видукинда отсутствовали точные представления о внутренних отношениях среди вильцев [19, S. 107].

⁷ Сен-Бертинские анналы сообщают о выступлении в 839 г. полабских славян, в том числе вильцев, против восточных франков [34, с. 432].

⁸ Более осторожен в своих предположениях Я. Бранкачк. Он отмечает, что власть князей была устранена неизвестными сепаратистскими силами [28, S. 405].

⁹ Факты свидетельствуют, что в разное время названия одних и тех же племенных союзов могли видоизменяться [36, с. 63].

ной политики, занимаясь имперскими делами. Дальнейшие события, однако, показывают, что немецкие феодалы продолжали свой прежний курс на полное подчинение полабских славян. Созданное в 968 г. Магдебургское епископство проводит планомерную христианизацию Полабья. Резко возрастают число христианских опорных пунктов, объем церковных податей, собиравшихся со славян, гнет со стороны германского государства¹⁰. Немцы стремятся ввести бурговую систему со своими военными гарнизонами, администрацией, особенно на территории, занимаемой вильдами [37, S. 292]. Как результат — рост славянского сопротивления, вылившийся в открытое восстание¹¹.

О начале восстания мы узнаем из хроники Титмара Мерзебургского. Судя по его сообщению, оно вспыхнуло в лютических округах Бранденбург и Хавельберг летом 983 г. Славяне изгнали немцев с правого берега Лабы, 29 июня взяли Хавельберг, а через три дня Бранденбург и начали продвижение на территорию за Лабой. Саксонский маркграф Теодорих, отличившийся особой жестокостью по отношению к славянам, совместно с другими феодалами приостановил это продвижение, однако не решился, по словам Титмара, преследовать их [40, S. 118—120]. Иначе говоря, Теодорих оказался бессильным ликвидировать вспыхнувший очаг восстания. Вслед за лютичами поднялись другие племена. Центром сопротивления становится Ретра — главный укрепленный пункт вильцкого племени ратарей. Произошло это не случайно. В борьбе с немецко-католической феодальной экспансией идеологическим знаменем полабских славян являлась старая вера — язычество, а Ретра была языческим религиозным центром вильцких племён. По источникам известно, что каждое племя имело своих идолов, но общим почитанием пользовался культ божества Сварожича и все остальные божества находились в подчиненном к нему отношении. Храм Сварожича находился именно в Ретре¹², и неудивительно, что жречество этого храма обладало особой властью и авторитетом среди полабских племён [42, с. 64]. Оно явилось инициатором объединения вильцев, инициатором вспыхнувшего в 983 г. освободительного движения.

Восстание развивалось успешно, чему в немалой мере способствовали феодальные смуты 983—986 гг. в Германии после смерти Оттона II. Источники упоминают о походах саксов в 985, 986 гг. против лютичей, причём эти походы поддерживались польским войском. Ни в том, ни в другом случаях покорить лютичей не удалось.

В 990 г. обстановка в Полабье обострилась. Чешский князь пытается использовать движение лютичей и привлекает их на свою сторону для борьбы с Польшей. Это заставило немецких и польских феодалов активизировать действия против полабских славян¹³ [42, с. 110—117]. Можно считать справедливым мнение историков ГДР, которые связывают ухудшение политической ситуации для полабских славян как с имперской экспансией, так и с формированием на Востоке раннефеодальных Польского и Чешского государств [4, S. 280]. Эти государства, стремясь захватить земли в Полабье, втягивали полабов в различные политические комбинации и, с одной стороны, затрудняли их борьбу против империи, а с другой — активизировали общие патриотические освободительные настроения.

Опустошительные походы немецких и польских феодалов в 990 г. вызвали массовый взрыв сопротивления славян. На борьбу поднимаются

¹⁰ Известно, что в 973 г. Оттон даровал церкви св. Маврикия в Магдебурге десятую часть дани серебром, которую выплачивали ему племена — ратары, доленчане, через пеняне, украине, речане [20, с. 101].

¹¹ Славяне, вероятно, воспользовались неудачами Оттона II в Италии, его поражением в битве 982 г. при Готроне [40, S. 124]. Подробнее о восстании см. [38; 39].

¹² Титмар называет центральный пункт ратарей и место культа Сварожича — Ридегост (*Est urbs quaedam in pago Riederierum Riedegost nomine...*) [40, S. 302]. В других хрониках этот пункт чаще всего выступает под названием Ретра (*inter quos medi et potentissimi omnium sunt Retharii civitas eorum vulgatissima Rethre sedes ydolatria*) [9, S. 250]. Расположение Ретры до сих пор точно не установлено [2, S. 202; 10, S. 212]. См. о Ретре содержательную статью Р. Шмидта [41].

¹³ Любопытно, что имя «лютичи» в хронике Титмара появляется впервые в связи с распрями Чехии и Польши, когда Болеслав Чешский призвал лютичей на помощь в борьбе с Мешко [40, S. 144].

соседи лютичей — ободриты. Восстание охватывает все Полабье. По скудным сведениям хроник трудно восстановить его ход, взаимоотношения между славянскими племенными союзами. Ясно одно, что перевес сил был на стороне славян. Титмар Мерзебургский сообщает, что Генрих II вынужден был в 1003 г. заключить с полабскими славянами в Кведлинбурге мир. Король принял послов от ратарей и других лютических племен (*Nuncios quoque Rederariorum et horum, qui Liutici dicuntur*) одарил подарками и обещал им дружбу [40, S. 256]¹⁴. Полабские славяне вновь обрели независимость.

Успех восстания 983—1002/3 гг. объясняется не только сложной внутренней и внешнеполитической обстановкой в империи, но в первую очередь его общенародным характером. В движении тесно переплетались освободительные и антифеодальные задачи, которые были облечены в религиозную форму борьбы язычества с христианством¹⁵. Большую роль играла сплоченность лютического союза, который выступал самой боевой силой в течение всего периода восстания. Можно выделить ряд факторов, имевших, по нашему мнению, интегрирующее значение в судьбах лютических племен. Прежде всего, это усиление иноземного гнета и, как противодействие, рост освободительного движения полабов, их стремление объединить свои силы. Несомненно, консолидирующим фактором в борьбе с феодально-католическим натиском было для славян язычество, в частности, культ божества Сварожича в Ретре, его верховное место в иерархии племенных идолов. Наконец, общность исторических судеб или общность происхождения вильцких (лютических) племен содействовала перед лицом внешней угрозы их политическому сплочению.

События после успешного завершения восстания свидетельствуют, однако, что союз лютичей не был прочным политическим и этническим образованием. Его слабость во многом объясняется своеобразием структуры власти и управления. Она в X—XI вв. заметно отличалась от структуры вильцкого союза VIII—IX вв. (как и союза ободритов). Прежде всего бросается в глаза отсутствие в хрониках имен центральных князей, упоминаний о великокняжеской власти. Ее, по всей вероятности, и не было. В хронике Титмара в книгах VI и VII совершенно однозначно говорится о *placitum* (собрании) в Ретре, которое обладало верховной властью в союзе. Об этом же свидетельствует Гельмольд, сообщая об ободритском князе Мстивое. Мстивой именно на собрании в Ретре просит у лютичей о помощи [48, s. 40]. Социальный состав собрания не ясен. Трудно представить, чтобы в нем участвовали все свободные ополченцы лютических племен, хотя внешне оно и выражало голос всего народа. Скорее всего это было вече из представителей племен, возможно, глав малых бурговых округов (*primores*) [37, S. 292; 44, s. 78]¹⁶. Они и обсуждали важнейшие вопросы союза под кровлей храма в Ретре. Несомненно, сильным на собрании был голос жречества. Некоторые историки считают его даже решающим, называя форму правления лютичей федеративно-республиканской с ярко выраженным язычески-сакральным началом [41, S. 368; 46, S. 85].

Очевидно, что федеративная форма устройства союза, отсутствие централизованного начала в лице великокняжеской власти, а, следовательно, отсутствие прочных экономических и информационных межплеменных связей отрицательно сказывались на процессе этнической, а в конечном итоге и политической консолидации. Каждое племя сохраняло внутреннюю

¹⁴ Племя ратарей для Титмара — составная часть лютического союза. Рассказывая о быте ратарей (*in pago Riederierum*) хронист замечает, что все они имеют общее имя лютичи (*Hiis autem omnibus, qui communiter Liutici vocantur*) [40, S. 304]. Иногда он отделяет ратарей от остальных лютических племен [40, S. 256], но не противопоставляя, а вероятнее всего, указывая на их преобладающее положение в союзе.

¹⁵ Н. П. Грацианский по этому поводу писал: «Христианство было ненавистно славянам как результат тяжелого немецкого ига и как средство закрепления этого ига. Вот почему все восстания славян против немцев шли в это время под знаком борьбы с христианством за старое язычество» [43, с. 51].

¹⁶ Археологи, констатируя углубление социальной дифференциации, отмечают изменения бургов и бурговых округов у лютичей в X—XII вв. по сравнению с VIII—IX вв. Они полагают, что бурги были административно-политическими и экономическими центрами прилегающей округи [2, S. 189; 45, s. 347].

самостоятельность. Политоним «лютичи» не перерос в единый для всех жителей лютического союза этноним¹⁷. В отличие от ободритов, где центральная власть в лице князя способствовала развитию экономических, политических, религиозных контактов между ободритскими племенными княжествами в границах ободритского союза, у лютичей это ощущалось значительно слабее. Жречество храма Ретры хотя и способствовало объединению, все же не могло подменить централизующей роли монарха. В хрониках явно проступают черты гегемонизма в деятельности жрецов, стремление ратарей подчинить своему влиянию остальные племена¹⁸. Начинаются распри, вспыхивает внутренняя лютическая война 1056—1057 гг. [9, S. 356; 18, s. 47]¹⁹. Археологические исследования указывают на появление в этот период новых больших бургов оборонного характера [2, S. 190] и одновременно отмечают численный рост малых бургов. Последние, вероятно, являлись резиденциями племенной знати [24, s. 62]. Процесс социальной дифференциации в XI в. протекал достаточно бурно и это, в условиях отсутствия центральной княжеской власти, отрицательно сказывалось на межплеменных отношениях. Знать стремилась к захвату добычи, втягивалась во всякого рода политические комбинации соседних государств — Польши, Чехии, Ободритского княжества, Саксонии, явно во вред общелютическому единству. Конфликты между племенами, подогреваемые происками извне, содействовали консервации племенной обособленности, локального племенного самосознания, разрушали чувство общелютического единства. В 1067—1068 гг. войско епископа Бурхарда уничтожило Ретру²⁰. Союз лютичей фактически прекращает свое существование. К 1128 г. его земли были поделены между ободритами, поморянами, Польшей, а после походов Льва Вельфа и Альбрехта Медведя 1160—1170 гг. территории лютических племен вошли в состав империи.

Специфика политического устройства лютического союза, таким образом, со второй половины X в. препятствовала процессу формирования раннефеодальной лютической народности. Лютические племена, объединяясь для сопротивления внешним врагам, продолжали сохранять обособленность и внутреннюю самостоятельность. В конечном итоге это определило слабость лютичей как политического организма и явилось одной из причин их трагического конца.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brankack J.* Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe—Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis zum 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964.
2. *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder—Neisse und Elbe. Berlin, 1968.
3. *Herrmann J.* Zwischen Hradschin und Vineta. Leipzig, 1976.
4. Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Herausgegeben von J. Herrmann. Berlin, 1974.
5. *Brachmann H.* Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978.
6. *Schuldt E.* Handwerk und Gewerbe des 8. bis. 12. Jahrhunderts in Mecklenburg. Schwerin, 1980.

¹⁷ Аналогичные явления отмечались этнографами в истории других народов [47, с. 258—260; 48, с. 141—143].

¹⁸ По мнению некоторых авторов, ведущее место ратарей в лютическом союзе объясняется не только расположением на их территории культового центра славян — Ретры, но и более высоким экономическим развитием этого племени. Слово «ратари» иногда переводят — «пахари», что указывает на вероятность развития плужного земледелия [23, S. 42]. Можно встретить и иную интерпретацию этого имени — «ратники», «воины» [44, с. 41], «люди оракула», «рыжеволосые люди» [49, s. 408].

¹⁹ «Между ними (племенами лютичей. — А. С.) начался великий спор о первенстве в храбрости и могуществе. Ибо ратарии и доленчане желали господствовать вследствие того, что у них имеется древнейший город и знаменитейший храм... и они только себе приписывают единственное право на первенство... Но черезпеняне и хижане отказывались им подчиняться» [18, s. 47]. См. также [9, S. 356].

²⁰ Поход 1067—1068 гг. и разрушение Ретры, о чем сообщают анналы [50, s. 128], был, очевидно, реакцией саксов на участие лютичей в восстании против Готшалка в 1066 г. Ретра позднее была восстановлена, однако полностью оправиться от нанесенного удара ратарии уже не могли. Центр языческого сопротивления переносится к племени ран в Аркону [10, S. 198].

7. *Annales regni Francorum.*— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*, Bd. 5. Berlin, 1958.
8. *Einhardi Vita Karoli Magni.*— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*, Bd. 5. Berlin, 1958.
9. *Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum.*— In: *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*, Bd. 11. Berlin, 1961.
10. *Brüske W.* Untersuchungen zur Geschichte des Lutizenbundes. Münster, 1955.
11. *Bulin H.* Počátky státu veletského.— In: *Právněhistorické Studie*, 5. Praha, 1959.
12. *Herrmann J.* Die Nordwestslawen und ihr Anteil an der Geschichte des deutschen Volkes. Berlin., 1973.
13. *Annales Laureshamenses.*— In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores 1. Hannoverae*, 1826.
14. *Labuda G.* Civitas Dragoviti.— In: *Europa Slavica — Europa Orientalis*. Giessen—Berlin, 1980.
15. *Herrmann J.* Die Schanze von Vorwerk bei Demin — die Civitas des wilzischen Oberkönigs Dragowit? — In: *Ausgrabungen und Funde*, Heft 4. Berlin, 1969.
16. *Ernst R.* Die Nordwestslawen und das frankische Reich. Giessen, 1976.
17. *Horák B., Trávníček D.* Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii (t. zv. Bavorský Geograf).— In: *Rozpravy Československé Akademie ved. Ročník 66*. Praha, 1956.
18. *Helmoldi Presbyteri Chronica Slavorum.* Hannoverae, 1868.
19. *Hellmann M.* Gründung der Verfassungsstruktur der Lutizen.— In: *Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder*. Giessen, 1960.
20. *Павинский А. И.* Полабские славяне. СПб., 1871.
21. *Hellmann M.* Karl und die slawische Welt zwischen Ostsee und Böhmerwald.— In: *Karl der Grosse*, Bd. 1. Düsseldorf, 1965.
22. *Dralle L.* Wilzen, Sachsen und Franken in das Jahr 800.— In: *Aspekte der Nationenbildung im Mittelalter*. Sigmaringen, 1978.
23. *Prochazka V.* Die Stammesverfassung der Elbslawen.— In: *Zeitschrift für Archäologie*, Heft 1. Berlin, 1969.
24. *Herrmann J.* Zu den wirtschaftlichen und gesellschaftlichen Voraussetzungen für die Anfänge der slawischen Staatsbildung westlich der Oder.— In: *1. Międzynarodowy Kongres Archeologii słowiańskiej*, t. 3. Warszawa, 1970.
25. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
26. *Энгельс Ф.* Марка.— *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, 2-е изд., т. 19.
27. *Engel F.* Beiträge zur Siedlungsgeschichte und historischen Landeskunde. Köln — Wien, 1970.
28. *Brankack J.* Betrachtungen zur politischen Geschichte der Elbslawischen Stammesverbände im 9. Jahrhundert.— In: *L'Europe aux IX-e — XI-e siècles*. Varsovie, 1968.
29. *Шафарик П.* Славянские древности. Т. 2. кн. 3. М., 1848.
30. *Державин Н. С.* Славяне в древности. М., 1946.
31. *Индерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
32. *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. Перевод с лат. Г. Э. Санчука. М., 1975.
33. *Wachowski K.* Słowiańszczyzna zachodnia.— 2 wyd.— Poznań, 1950.
34. *Annales Bertiniani.*— In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores 1. Hannoverae*, 1826.
35. *Перволюф Й.* Славяне. Их взаимные отношения и связи. Т. I. Варшава, 1886.
36. *Рыбаков Б. А.* Новая концепция предыстории Киевской Руси.— *История СССР*, 1981, № 1.
37. *Fritze W.* Beobachtungen zu Entstehung und Wesen des Lutizenbundes.— In: *V. Internationaler Kongress für Vor- und Frühgeschichte. Berichten*. Berlin, 1961.
38. *Labuda G.* Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej, t. 1. Poznań, 1960.
39. *Bulin H.* Povstání polabských Slovanů na sklonku 10. století.— In: *Slovenské historické Studie*, 2. Praha, 1957.
40. *Thietmari Merseburgensis Chronicon.* Berlin, 1935.
41. *Schmidt R.* Rethra. Das Heiligtum der Lutizen als Heiden—Metropole.— In: *Festschrift für Walter Schlesinger*, Bd. 2. Köln—Wien, 1974.
42. *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964.
43. *Грацианский Н. П.* Полабские славяне в борьбе с немецкой агрессией в средние века.— В кн.: *Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии*. М., 1944.
44. *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. СПб., 1874.
45. *Gringmuth-Dallmer E.* Zur Funktion jungslawischer Inselsiedlungen westlich der Oder.— In: *Rapports du III-e Congres d'Archeologie Slave*, t. 1. Bratislava, 1979.
46. *Kahl H.* Heidnisches Wendentum und christliche Stammesfürsten.— In: *Archiv für Kulturgeschichte*, Bd. 44, Heft 1. Köln, 1962.
47. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.
48. *Куббель Л. Е.* Этнические общности и постаринно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества.— В кн.: *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М., 1982.
49. *Witkowski T.* Der Name der Redarier und ihres zentralen Heiligstums.— In: *Symbolae Philologicae in Hanorem Vitoldi Taszycki*. Warszawa, 1968.
50. *Annales Augustani.*— In: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores III. Hannoverae*, 1839.

ВАРВАРИНА Е. Е.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ-СОВРЕМЕННОКА В БОЛГАРСКОЙ ПРОЗЕ 60 — 70-х ГОДОВ

Говоря о главных чертах образа героя современной болгарской прозы, процессе его развития, обогащения на протяжении истекших двадцати лет и связанными с этим процессом изменениями в структуре художественных произведений, нельзя не сказать несколько слов о событии, которое сыграло важную роль в становлении всего послевоенного искусства страны.

Основные этапы развития литературы социалистической Болгарии, как и любой другой национальной литературы, неразрывно связаны с важнейшими общественно-политическими событиями в истории государства. Именно поэтому решения Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г., положившие начало восстановлению ленинских норм партийного руководства и давшие мощный толчок развитию творческой инициативы масс, привели к изменениям в общественной и культурной жизни страны в целом и, в частности, к значительным преобразованиям в области литературы. Эти преобразования можно назвать новым этапом в развитии современной литературы Болгарии. Правда, периодизация процесса литературного творчества всегда в достаточной степени условна (и тем более по отношению к развитию послевоенной болгарской литературы, творческий метод которой был и остается единым), и все же с полной уверенностью можно сказать, что изменения, последовавшие за пленумом, способствовали формированию нового литературного поколения, именуемого в болгарской критике «апрельским».

Усиление внимания к роли морального фактора в развитии общества, явившееся следствием вызванных пленумом решений, привело к ощутимому повышению интереса прозаиков к проблемам личности, ее сложных взаимоотношений с современной действительностью. Следует сделать оговорку, что в конце 40-х — начале 50-х годов, наряду с крупными, ярко и полно отразившими наиболее характерные приметы времени произведениями, создавались произведения, отмеченные печатью схематизма, герои которых являлись упрощенными иллюстрациями тех или иных авторских идей. Именно поэтому развитие литературы послеапрельского периода было связано не только с естественным продолжением лучших традиций искусства предшествующего этапа, представленного именами таких мастеров психологического анализа, как Д. Димов, Г. Караславов, Д. Талев и др., но и с преодолением типичных для этого этапа недостатков. Развитие данного процесса проходило чрезвычайно интенсивно. Оно привело к открытию писателями новых идей и тем, связанных с осмыслением допущенных в свое время ошибок в строительстве социалистического общества в Болгарии и поисками путей их окончательного преодоления, с исследованием на качественно более высоком, чем в предшествующий период, уровне сложного механизма взаимоотношений между личностью и обществом в современных условиях. Изменения коснулись и структуры художественных произведений, произошла трансформация некоторых жанровых форм (о которой будет сказано ниже).

Инерция, вызванная стремительностью процесса приобщения писателей к новым темам и новым формам, приводила в отдельных случаях к чрезмерному увлечению камерностью проблематики, что представляло собой, по существу, отказ от достижений литературы предшествующего периода, ориентировавшейся на отражение социально-значимых проблем, на изображение героя активного, масштабного и добившейся в этом направлении ощутимых успехов. Имела место и некоторая экзальтация в подходе к отображению происходящих перемен [1].

В целом же обновляющие процессы, о которых идет речь, оказали положительное влияние на литературу Болгарии и явились одной из главных причин наблюдавшегося в 60-е годы повышения содержательного и художественного уровня прозы.

Эти процессы во многом способствовали и решению проблемы изображения нашего современника.

«Путь к себе» — так называлась вышедшая в 1965 г. книга Благи Димитровой, героиня которой — молодая девушка с трудной судьбой, обладающая незаурядной способностью к самоанализу, — пытается разобраться в себе, своих возможностях, в происходящем, определить свое место в строительстве новой жизни. Название этой книги могло бы стать эпиграфом к большинству произведений болгарской прозы исследуемого периода. Оно дает точное представление о происходящей в это время эволюции образа героя-современника.

«Путь к себе», заключающийся в пересмотре и анализе жизненных позиций, путь поиска подлинных ценностей, гармоничного соответствия между личным и общественным проходят практически все герои произведений послеапрельского периода. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить Марину Масларского, который напряженно осмысливает трагическое прошлое и заново открывает для себя настоящее («Двое в новом городе» К. Калчева, 1964); Мартина, подвергающего беспощадному анализу свою жизнь и пытающегося осмыслить пережитое в контексте истории («Небо Велеки» Д. Фучеджиева, 1965); открывающую в себе силы для борьбы с мещанством и беспринципностью неизлечимо больную Марию, которая жертвует во имя принципов благополучием сына («Мария против Пиралкова» А. Наковского, 1962); Филиппа Геракова, стремящегося к установлению утраченной — в силу сложных жизненных обстоятельств — гармонии между чувством и разумом («Бегство Галатеи» Э. Манова, 1963), или переживающего нравственную катастрофу, сильного духом, но лишенного душевной теплоты Эмилияна Кирова, который на собственном опыте убеждается, что цель не всегда оправдывает средства («Семь дней нашей жизни» А. Гуляшки, 1964).

Перенесение центра внимания писателей на проблемы личности, интерес к углубленному психологическому анализу внутреннего мира героев, их интимных переживаний способствовали не только получению более полной информации о духовных качествах современника, но и расширению представлений о явлениях окружающей действительности, о закономерностях общественного развития. События эпохи, показанные сквозь призму индивидуального восприятия героев, приобретали особую эмоциональную окрашенность, выраженные авторами идеи начинали звучать с особенной силой.

Герой прозы все реже выступает как носитель по преимуществу массового сознания (как это порой наблюдалось в произведениях конца 40-х — начала 50-х годов). Индивидуальность и даже уникальность характера и жизненного опыта героя уже не воспринимаются как нечто противоречащее принципу типизации литературного образа, нечто нарушающее художественную правду. Герой часто рассматривается как носитель не только рациональных, но и иррациональных жизненных начал. Таков, например, главный персонаж романа А. Гуляшки «Золотое руно» (1958), который запутавшись в противоречиях частной жизни и не сумев до конца понять, прочувствовать логику связи между личным и общественным, общеисторическим, кончает жизнь самоубийством на вершине своей, вполне заслуженной, славы. Подобной же сложностью отличается и образ героя од-

ного из самых интересных в прозе 60-х годов произведений — повести Б. Райнова «Дороги в никуда» (1966). Здесь внимание автора сконцентрировано на жизненной драме Петра Александрова — научного работника, человека безусловно талантливого, но лишенного, в силу целого ряда причин, возможности доказать свою состоятельность как ученого. Преследующие Александрова неудачи объясняются не только процессами объективными, но и отдельными свойствами характера, психики героя, который «недостаточно силен для того, чтобы достичь своей цели, и недостаточно слаб для того, чтобы поступиться ею» [2]. Б. Райнов справедливо ищет причины драмы сразу в нескольких измерениях — и это резко отличает повесть «Дороги в никуда» от большинства произведений на современную тему предшествующего периода. Но следует оговориться, что главное достижение автора состоит не столько в концептуальном решении образа героя, сколько в проявленном при его создании мастерстве психологического анализа, умении донести до читателя всю сложность и противоречивость исследуемого характера.

Если же говорить о болгарской прозе 60-х годов в целом, то нельзя не заметить, что представленный в ней героев-современников отличает, как правило, и больший, чем у героя Райнова, оптимизм, и большая духовная сила. Немалый интерес у писателей продолжает вызывать проблема воссоздания характеров героических, без которых представленный литературой этого периода обобщенный портрет современника был бы неточным и незавершенным. Анализ конкретных проявлений героического в наши дни дан, прямо или косвенно, в романах «Смерти нет» Т. Монова (1960), «Мария против Пиралкова» А. Наковского (1962) и ряде других романов, повестей и рассказов. Как и в литературе конца 40-х — начала 50-х годов, авторы понимают под героизмом верность человека своим идеалам, проявляющуюся в условиях экстремальных, в ситуациях, разрешение которых требует максимального напряжения духовных и физических сил, самопожертвования. Способы отражения этой темы в литературной практике претерпели определенную эволюцию. Значительное внимание теперь уделяется не только воссозданию единичного акта преодоления трудностей на грани человеческих сил, но и психологической мотивировке подвига.

С этих позиций подходит, например, к созданию образа главной героини автор романа «Мария против Пиралкова». Дни Марии сочтены, она больна раком и знает об этом. И именно теперь, в трудный для героини момент, А. Наковский ставит ее перед выбором: отойти от решения отнимающих у нее много сил и времени производственных и общественных задач, погрузиться в мир личных переживаний или начать борьбу с карьеристом и приспособленцем профессором Пиралковым, чья недобросовестность поставила под угрозу целое строительство. Шаг за шагом автор прослеживает колебания своей героини, детально передает сложную гамму ее чувств. Постепенно, огромным усилием воли Мария преодолевает отчаяние, вызванное сознанием скорой смерти и решается на борьбу за утверждение своих нравственных принципов.

Проявления героического, показанные как бы «изнутри» — через психологический анализ, утрачивают спонтанность. Герою предоставляется время на размышления, что делает подвиг более осознанным, а изображение подвига — более убедительным.

При знакомстве с прозой послеапрельского периода сразу обращает на себя внимание тот факт, что она демонстрирует большее, по сравнению с прозой конца 40-х — начала 50-х годов, разнообразие типов героев. В поле зрения писателей попадают характеры рядовые и героические, характеры, находящиеся в процессе становления, развивающиеся и более цельные, оформившиеся, проявляющие себя в преодолении внешних препятствий. Расширился и стал богаче диапазон духовных проявлений героя, ощутимо повысился его интеллект, способность к самоанализу и анализу явлений современной действительности. Он, прежде всего, человек глубоко чувствующий и мыслящий, именно эти его особенности стали, пожалуй, наиболее популярными у прозаиков 60-х годов. Дока-

зательством тому служит чрезвычайно широкое распространение в прозе следующего приема в построении произведений: авторы оставляют своих героев буквально на пороге действия, подводя их к решению какой-то жизненно важной проблемы и прерывают повествование (поступок как таковой остается как бы «за кадром»).

Говоря о содержательной стороне образа героя-современника, необходимо остановиться и на происходивших в литературе исследуемого периода изменениях в области художественной формы, вне которой существование этого образа невозможно. Изменения эти вызваны, прежде всего, естественным процессом обогащения поэтики литературы социалистического реализма. Развитие данного процесса происходило не только за счет совершенствования художественных приемов, традиционных для «классического» реалистического письма, но и за счет ассимиляции элементов образности других творческих методов и направлений. Большое распространение в прозе исследуемого периода получают символика, фантастика, гротеск (П. Вежинов, А. Гуляшки, И. Радчиков, Д. Асенов). Особый интерес в связи с анализом эволюции образа современника представляют изменения, вызванные тенденцией к лиризации прозы, которая явилась следствием наблюдавшегося в 60-е годы повышения внимания к проблемам личности.

«Теоретическое и особенно эмоционально непосредственное преодоление, изживание некоторых догматических норм и заблуждений раскрыло возможности более полного проявления творческой индивидуальности. Исчезли многие преграды на пути к художественной субъективности; усилились субъективно-лирические течения в прозе. Более значительную роль играет теперь выразительное начало в художественной прозаической речи, до этого часто заглушаемое предметной изобразительностью, которая не всегда бывает изъявлением естественных предрасположений, творческого своеобразия. Преодолевается описательность, которая не является достоинством даже пластических стилей» [3]. Именно эта тенденция к лиризации прозы привела к появлению многочисленных произведений, отличающихся повышенной эмоциональностью, подчеркнутым психологизмом.

Как известно, лирика тяготеет к малым формам. Не случайно поэтому лиризация прозы, ведущая к отказу от описательности, к изобразительному лаконизму, повлекла за собой возникновение в литературе нового процесса — «деэпизации». Наиболее популярными в болгарской беллетристике 60-х годов стали малые жанры: повесть, рассказ, новелла и некоторые их модификации. Значительные изменения претерпевает жанр романа. Эпичность, в полной мере присущая произведениям крупных прозаических форм конца 40-х — начала 50-х годов, «редуцируется» [4, с. 421—422], что ведет к осязательным жанровым трансформациям. Этим объясняется «путаница» в классификации ряда художественных произведений исследуемого периода. Так, например, Б. Ничев, подобно многим литературоведам и критикам, ставит под сомнение принадлежность некоторых произведений, называя между ними и «Дороги в никуда» Б. Райнова, к жанру повести, так как усматривает в них основные черты, характерные для современного романа с «редуцированной эпичностью».

Пониманию сущности произошедших в результате лиризации прозы перемен способствует сопоставление двух главных способов в подходе к исследованию жизненного материала, а значит, и в подходе к изображению литературного героя. Первый, «эпический» способ характеризуется тем, что фиксирует происходящие в душе человека процессы опосредованно, через описание событий, послуживших толчком к возникновению положительных или отрицательных реакций со стороны героя произведения. Второй способ — «монологический». Он отличается тем, что психологический процесс отражается непосредственно, прямо, как бы «изнутри». Следует подчеркнуть, что данный способ изображения в современной болгарской литературе не самоцель и ни в коей мере не должен отождествляться с творческим методом (что мы наблюдаем на примере западной

модернистской психологической прозы), он является лишь особым средством художественного исследования.

Заложенное в основе лирической прозы стремление к поиску внутренних, глубинных причин, объясняющих наиболее сложные и противоречивые проявления самых разнообразных характеров, стремление к воспроизведению скрытой логики рассуждений и динамики процессов, протекающих в человеческой психике, привело к выдвиганию на первый план именно «монологической» формы повествования, как это видно на примере развития мировой прозы. Образцом удачного использования такой формы при создании образа современника служат уже названные здесь повести «Небо Велеки» Д. Фучеджиева и «Дороги в никуда» Б. Райнова, романы «Путь к себе» Б. Димитровой и «Двое в новом городе» К. Калчева и другие прозаические произведения 60—70-х годов. Личность рассказчика доминирует в них, придавая описываемым событиям яркую эмоциональную окрашенность, напряжение, взволнованное звучание.

Герой произведений этого типа является не только носителем авторских идей, но и своеобразным организующим звеном всей композиции, так как последовательность изложения определяется теперь скорее его переживаниями, чем объективной хронологией событий. Изображение становится более многоплановым, значительную роль в нем играют ассоциации и ретроспекции, способствующие органическому введению в произведение сцен, посвященных предыстории того или иного события, сцен, облегчающих понимание характеров персонажей, их поступков.

Другим важным следствием лиризации прозы явилось заметное сокращение дистанции между автором и его героем. Нередким стал полный переход писателя на позиции того, кто служит объектом его исследования. В данном случае мироощущение, свойственное герою, берется за основу авторского подхода к изображаемому. Это особенно заметно на примере так называемой «инфантильной» прозы, получившей широкое распространение в конце 60-х — начале 70-х годов и представленной такими писателями, как Д. Паунов, Я. Станоев, Р. Босев, С. Стратиев (чья повесть «Дикая утка между деревьями» стала своеобразным «эталоном» данного типа прозы) и др. Сознательный переход на позиции восприятия действительности, присущие ребенку, подростку, способствует интересному художественному решению многих проблем, стоящих перед «взрослой» литературой. То или иное явление, увиденное сквозь призму юношеского восприятия, часто приобретает в глазах читателя новое содержание, новый смысл, часто противоположный тому, который оно имеет для зрелого человека, как бы «очищается» от привычных, но, может быть, не всегда верных представлений о нем. Конечно, подобный подход к исследованию жизненного материала ставит перед писателем ряд ограничений стилистического порядка, влияет на выбор изобразительных средств, поэтому основная нагрузка ложится на подтекст, который неизбежно является «вторым повествовательным планом» такого рода произведений.

Тенденция к лиризации прозы несомненно обогатила образную систему и поэтику современной литературы. Однако свойственная лирической прозе установка на изображение внутреннего мира, субъективных переживаний героя несколько затрудняет всесторонний охват действительности. Анализируя все «за» и «против» этой установки, Ч. Добрев замечает: «Ясно видны преимущества беллетристики, которая стремится решать коренные идейно-нравственные проблемы, стремится вскрыть реальное содержание основных психологических категорий. В то же время все явственней проступают и некоторые ее слабости — недостаточная пластичность формы, неосязаемость предметного пласта произведения, в котором „зашифрованы“ его внутреннее содержание и идейная сущность. Чрезмерное увлечение лирическим монологом порой мешает автору до конца использовать жанровые возможности прозы, не позволяет произведению стать подлинным отражением жизни» [5, с. 151—152].

Стремление к большей масштабности в изображении действительности, человека ведет к открытию писателями новых возможностей лирической

прозы. Так возникает своеобразный жанр — повесть в новеллах, состоящая из глав, сюжетно не связанных между собой и объединенных лишь общим главным героем, от лица которого ведется повествование. Подобная структура позволяет автору включить в круг своего исследования довольно обширный жизненный материал, дать более полную характеристику главного героя, показать его в самых различных ракурсах и ввести в действие большее, чем в повести «классического» типа, число персонажей. Образцом этого жанра является, например, названная повесть С. Стратиева «Дикая утка между деревьями».

Значительному расширению представлений о жизненных явлениях, о личности способствует и частое использование в литературе 60—70-х годов циклической организации сборников рассказов (подобно той, к которой обращается в своей известной книге «Софийские рассказы» К. Калчев). Не случайно Б. Ничев рассматривает цикл прозаических произведений, связанных общим героем или героями, как «своеобразную и самобытную форму стилизованного современного короткого романа» [4, с. 62].

Успехи болгарских авторов в освоении нового образного языка и новых жанровых форм продемонстрировали, что возможности «субъективной» манеры повествования, вызванной к жизни процессом лиризации прозы, хотя и широки, однако не безграничны. С особой отчетливостью их ограниченность проявилась в связи с дальнейшим углублением концепции литературного героя в 70-е годы.

Разумеется, интерес к анализу внутреннего мира человека, его душевным качествам и интеллектуальным возможностям не утрачивается и представителями прозы 70-х годов. Это закономерно, ибо «путь к себе» продолжается. Значительное развитие в болгарской литературе данного периода получает так называемое «психологическое» начало. «Проза, которую мы квалифицируем как психологическую и почти бессюжетную, представляется в наше время не случайным явлением, — отмечает писатель Д. Коруджиев. — Она прямо связана с мощным вторжением в беллетристику интеллектуального и морального начал, со стремлением проникнуть туда, куда закрыты пути чистой изобразительности. Ее появление обусловлено развитием медицины, психологии, социологии, а также все более полным осознанием факта, что человек — феномен, ускользающий от определений, что в его душе находится бесчисленное множество скрытых пластов, что будучи изображенным в движении, он часто продолжает оставаться только вопросом и нечто, какой-то ответ дает нам иногда статичный анализ» [6]. Данное высказывание представляется в общем справедливым. Возражения может вызвать лишь намечающееся в нем противопоставление, точнее — разделение при подходе к изображению литературного героя элементов «динамических» и «статических». «Если герой не действует или почти не действует, — замечает в связи с этим С. Каролев, — писатель может увлечься пустыми переживаниями, мнимыми психологическими тонкостями» [7].

Совершенно очевидно, что представители болгарской прозы последнего десятилетия все чаще стали ощущать потребность в изображении героя не просто способного к анализу, глубоко чувствующего, но и активного, способного не только отразить, осмыслить процессы социального и духовного развития общества, но и принять в них непосредственное участие. Эта потребность вызвала к жизни уже достаточно широко представленную в литературе Болгарии тенденцию к органическому слиянию в рамках единого образа черт деятельного героя 50-х годов и думающего, интеллектуального героя, типичного для прозы послеапрельского периода. Причем, знаменательным представляется тот факт, что авторы стремятся к изображению характеров не просто активных, но подчеркнуто социально активных, что является чрезвычайно симптоматичным для болгарской литературы второй половины 70-х годов.

Усиление интереса писателей к активности социальных позиций современника самым тесным образом связано с расширением круга рассматриваемых ими тем и проблем. Литературный герой смело вторгается

в исследование наиболее сложных конфликтов нашего времени. Авторы привлекают его к решению вопросов, возникающих перед обществом в связи с происходящими в нем социальными изменениями, в связи с бурным развитием научно-технического прогресса. Вместе с тем нельзя не заметить, что в произведениях, посвященных разработке новых, масштабных тем, особое значение, как и в 60-е годы придается проблемам нравственности, морали, этики. Именно процесс обогащения социально-значимой тематики этическим содержанием вызвал к жизни такие получившие заслуженное признание романы, как «Река» Д. Фучеджиева (1974), «Ночью на белых конях» П. Вежинова (1975), «Дом с лестницей красного дерева» А. Гуляшки (1975), «Низина» В. Попова (1977), «Самый тяжкий грех» Д. Асенова (1979) и др.

Говоря об этом процессе более конкретно, можно обратиться, например, к разработке в творчестве А. Гуляшки и Д. Фучеджиева одной из центральных тем национальной прозы истекшего десятилетия — темы влияния современной цивилизации на традиционный быт и нравы болгарина, на его взаимоотношения с окружающей средой, с природой.

Главный нравственный конфликт романа А. Гуляшки «Дом с лестницей красного дерева» отражает противоречия во взглядах на сущность и цели социального и технического прогресса, которые проявляются в подходе героев к вопросу о строительстве в городке Н. крупного химического комбината. К решению этого вопроса причастны, в большей или меньшей степени, все представители семьи Брусарских, но особый интерес, с точки зрения развития основного конфликта, представляют позиции двух братьев — Рафаила и Ставри. Первый из братьев, председатель городского совета Н., последовательно, хотя и безуспешно, выступает против строительства, не без основания полагая, что оно не только нарушит размеренный, гармоничный, во многом патриархальный быт местных жителей, который герой несколько идеализирует и всеми силами пытается сохранить, но и губительно отразится на природе всего края. Ставри, отождествляющий «социальное развитие» и «промышленное развитие», напротив, без колебаний принимает на себя роль руководителя строительства, а затем и начальника комбината.

Рафаил противопоставлен не только Ставри, но и третьему брату, Методию — личности, несомненно, сильной не лишенной творческих порывов, но постепенно деградирующей. Методий по существу устраняется от участия в решении конфликта, как устраняется впоследствии и от самой жизни, ограничив свои интересы четырьмя стенами купленного им роскошного особняка — «дома с лестницей красного дерева».

Роман А. Гуляшки — это прежде всего роман характеров. Как справедливо замечает Б. Ничев, в этом романе А. Гуляшки экспериментирует, показывая на примере трех братьев «возможности развития основного типа героя всего своего творчества, его варианты в условиях современной жизни» [8]. Именно данной установкой объясняется подчеркнутый интерес автора к тем качествам героев, которые оказали решающее влияние на их эволюцию. Это особенно заметно при анализе образа Рафаила, несколько менее детализированного, чем образы его братьев. Рафаил изображается по-преимуществу в столкновениях с защитниками чуждых ему взглядов; связанные с ним эпизоды лишены бытовых подробностей. Максимально сконцентрировав внимание читателей на главных чертах характера Рафаила — гуманности и тесно связанном с ней чувстве ответственности за судьбу будущих поколений — автор делает особенно наглядной основную мысль своего произведения: именно гуманизм является важнейшим критерием в решении острых проблем современности.

К сходным вопросам обращается в романе «Река» и Д. Фучеджиев. В этом произведении тема современности (рассказ о судьбах людей, вовлеченных в конфликт в связи с введением в строй обогатительной фабрики, отравляющей воды Реки — источника жизни для многих поколений обитателей Села) теснейшим образом переплетается с исторической темой (обширные экскурсии в прошлое Села, в те времена, когда закладывались основы самобытной культуры, формировался, в процессе борьбы с нацио-

нальным и социальным гнетом, характер болгарина, в те времена, когда отношения человека с природой отличались большей гармонией). Символом связи настоящего и прошлого, символом преемственности поколений служит в романе образ Реки. Именно поэтому проблема загрязнения Реки имеет для автора не только хозяйственное, но и нравственное значение. Однако автор далеко не сразу приводит к подобной точке зрения главного героя романа, партийного руководителя Слава Грашева. Поначалу Грашев не сомневается в правильности своего решения о пуске фабрики без очистных сооружений.

Но смерть Реки, беспомощным свидетелем которой становится герой, вызывает у него тяжелый душевный кризис. Только теперь Грашев ощущает нерасторжимую связь своей судьбы, судеб своих односельчан с судьбой Реки и начинает понимать, что предстоящая борьба за ее возрождение будет иметь не только хозяйственные, но и далеко идущие нравственные последствия.

Таким образом, конфликт, который дан в романе А. Гуляшки как конфликт взглядов нескольких героев, находит здесь свое разрешение через изображение эволюции характера главного героя как сложного пути постижения соотнесенности и взаимодействия социального и нравственного в современной жизни.

Чрезвычайный интерес представляет и вышедший почти одновременно с книгами Д. Фучеджиева и А. Гуляшки роман «Ночью на белых конях» П. Вежинова, многие страницы которого посвящены творческим поискам современных ученых. Как и в большинстве своих произведений (сборники рассказов «Мальчик со скрижкой», 1963; «Запах миндаля», 1966; «Синий камень», 1977; повести «Барьер», 1977; «Измерения», 1979 и др.), автор обращается здесь прежде всего к разработке нравственно-философской проблематики. Он размышляет о сущности жизни и смерти, о любви, о возможностях человеческого разума, о взаимоотношениях человека с природой, о преемственности поколений, о научной честности и этике.

«Ночью на белых конях» — произведение сложное и многоплановое. В поле зрения П. Вежинова оказываются судьбы многих людей, раскрывающиеся в развитии сразу нескольких сюжетных линий. Бесспорной удачей автора является образ центрального персонажа, академика Урумова — личности крупной, цельной, талантливой, способной к масштабным обобщениям. Сделанное им открытие имеет большое общечеловеческое значение. Урумов резко противопоставлен дельцам от науки, карьеристам, той воинствующей посредственности, которая представлена в произведении образом доцента Азманова, пытающегося опорочить выдвинутые академиком смелые идеи, дискредитировать его как ученого.

Помимо этого открытого столкновения, от исхода которого зависит судьба научного открытия, в произведении есть и менее ярко выраженное, но не менее важное, вызванное несходством взглядов академика и его племянника Сашо на методы борьбы с «азмановщиной». Нравственный максимализм, исключительная порядочность и развитое чувство собственного достоинства Урумова контрастируют с крайней рационалистичностью молодого человека, полагающего, что для достижения высокой цели хороши любые средства.

Создав живой, убедительный характер подлинного интеллигента, ученого, сочетающего в себе незаурядность мысли с глубиной и утонченностью переживаний, Вежинов сделал, несомненно, заметный шаг на пути раскрытия духовного богатства нашего современника.

В 70-е годы нравственно-этическая проблематика служит ориентиром при разработке не только новых, но и традиционных для литературы социалистической Болгарии тем. К ним относится, например, тема труда, особенно популярная в 50-е годы и переживающая сейчас свое «второе рождение».

Анализ конфликтов, возникающих в процессе трудовой деятельности, приводит писателей к глубоким размышлениям над проблемами формирования морали нового человека, решение которых отчасти зависит от подхода к вопросам профессиональной этики. Интересное освещение в произ-

ведениях о людях труда получит и вопрос о содержании понятия «ответственность» (за судьбу человека, коллектива, общества), и вопрос о границах необходимого и возможного вмешательства в жизнь окружающих — в этом можно убедиться, в частности, на примере романа В. Стаматова «Флагман». Герой его, капитан рыболовецкого флота Филипп Иванов — человек незаурядный, волевой — пытается создать на корабле, команда которого известна как одна из самых отстающих во флотилии, «идеальный» коллектив. Он не останавливается ни перед чем, использует и силу личного примера и меры принуждения, не считаясь порой с достоинством своих подчиненных. За короткий срок навигации Филипп совершает почти невозможное: считавшаяся безнадежной команда преобразуется. Но вопрос о том, что же сыграло в этом превращении решающую роль — страх перед наказаниями, вызываемое капитаном уважение, получаемые под его руководством высокие заработки или подлинное осознание не только материальных, но и моральных преимуществ навязанного капитаном уклада жизни — остается до конца невыясненным, как и вопрос о жизнеспособности этого коллектива. С поисками ответов на эти вопросы автор связывает не только логику дальнейшего развития своего героя (чьи добрые намерения вступают в противоречие с методами их осуществления), но и определение деловых и нравственных качеств, характеризующих облик руководителя современного производства вообще.

Анализ прозы 70-х годов показывает, что ее достижения в создании образа нашего современника связаны со взаимодействием наиболее типичных тенденций литературы двух предшествующих десятилетий, а точнее — с синтезом черт масштабного, подчеркнуто активного в социальном отношении героя начала 50-х годов и склонного к самоанализу, интеллектуального и глубоко чувствующего героя прозаических произведений послеапрельского периода. И если, анализируя прозу 60-х годов, болгарский литературовед Ч. Добрев имел все основания для утверждения, что современный герой «слишком часто оказывается в плену условных писательских представлений — его активность ослаблена, резко понижено его самочувствие преобразователя мира и деятельного участника перехода человечества из „царства необходимости в царство свободы“» [5, с. 159 — 160], то к настоящему времени данное утверждение в значительной мере утратило свою актуальность. Произведения представителей прозы истекшего десятилетия свидетельствуют о том, что поиск наиболее характерных и перспективных черт современника связывается с исследованием не только его внутреннего мира, но и проявлений его социальной активности.

Выдвижение на первый план проблемы социальной активности литературного героя во многом обусловило наблюдающиеся в исследуемый период изменения в образной форме. Изображение глубоких личных переживаний человека, вызывающих сочувствие, воспроизведение его размышлений, подающихся — в силу жанровых особенностей лирической прозы — как беспорные, часто затрудняет воссоздание полной и объективной картины происходящего. Если же говорить о герое масштабном, деятельном, то его характер раскрывается, как правило, не только в размышлениях, в процессе анализа тех или иных явлений действительности, но и в поступке, оценка социальной значимости которого требует объективных наблюдений. Кроме того, для показа героя в действии необходима более детальная, чем в «монологической» прозе, разработка событийной стороны произведений. Иными словами, создание образа героя этого типа вновь вызвало интерес к традиционной, «эпической» форме повествования, которая предполагает соблюдение определенной дистанции между автором и изображаемыми им персонажами, а также развернутость сюжетного построения.

Современная проза Болгарии дает множество примеров синтеза «лирического» и «эпического» начал в рамках одного произведения. Эта тенденция не носит, конечно, абсолютного характера. В литературе продолжают появляться работы, написанные в чисто «монологической» и в чисто «эпической» манере. Но можно предположить, что дальнейшие успехи

в отображении героя-современника в прозаических произведениях во многом будут зависеть от степени взаимодействия двух вышеназванных способов подхода к изображаемому.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чолаков З.* Дебютна вълна. София, 1974, с. 15.
2. *Райнов Б.* Дороги в никуда. София, 1967, с. 110.
3. *Каролев С.* Идеи, изображение, стил. София, 1971, с. 234.
4. *Ничев Б.* Съвременният български роман. София, 1978.
5. *Добрев Ч.* Идеи и изобразителност. — В сб.: Современная литературная критика европейских социалистических стран. М., 1975.
6. *Коруджиев Д.* Интервью «Септември». — Септември, 1979, № 4, с. 26.
7. *Каролев С.* Вопросы психологической характеристики. — В кн.: Эстетика и литература. М., 1966, с. 92.
8. *Ничев Б.* Современный болгарский роман — проблемы и судьбы. — В кн.: Литература исторического оптимизма. М., 1977, с. 59.

СОБОЛЕВА Е. Б.

ФОРМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ДОБРОМИРОВОМ ЕВАНГЕЛИИ

В истории развития болгарского языка средневековый период сыграл большую роль. В памятниках этого времени отразились коренные изменения, которые привели к падению синтетического строя болгарского языка.

Неоднократно высказывалось соображение о том, что частая функциональная близость присубстантивных датива и генитива (при постепенном вытеснении последнего) в среднеболгарский период явилась одним из стимулов, повлекших за собой разрушение синтетической именной флексии [1, с. 168; 2]. Вопрос о конкуренции приименных дательного и родительного падежей в среднеболгарском языке рассматривается в ряде работ [1, 3—6] и др.

В данной статье рассматривается вопрос о соотношении форм определения имени существительного в Добромировом четвероевангелии, памятнике среднеболгарского языка начала XII в.¹, в связи с чем формы определителей имени в этом памятнике даются в сравнении с соответствующими местами в старославянских Мариинском и Зографском четвероевангелиях, а также в среднеболгарском чертвоевангелии XIII в. — Добрейшовом евангелии. Привлечение материала этих евангелий тем более целесообразно, что Б. Цонев предполагает для Мариинского и Добрейшова четвероевангелий общий источник, а также считает, что этот первоначальный общий текст послужил основой для многих сербских и западноболгарских евангелий, в том числе и для Добромирова евангелия [8]. Сравнение чтений Добромирова евангелия с параллельными местами Мариинского, Зографского и Добрейшова евангелий производилось исходя из текста Добромирова евангелия, причем следует иметь в виду, что в Добромировом евангелии полностью отсутствует евангелие от Матфея и начало евангелия от Марка (чтения 1,1 — 2,7).

В Добромировом евангелии выявлено 747 конструкций с определителями имени существительного (т. е. конструкций с приименными беспредложными родительным и дательным падежами, образованными от имен существительных, субстантивированных прилагательных и причастий, а также конструкций с деноминативными прилагательными). На основании анализа этих конструкций можно сделать следующие выводы:

I. Чаще всего в качестве формы определения имени выступает деноминативное прилагательное. Количественное соотношение форм определения имени существительного в этом памятнике таково: 442 конструкции с деноминативными прилагательными, 70 конструкций с приименным дательным падежом, 229 конструкций с приименным родительным падежом и 6 конструкций смешанного типа (дательный и родительный паде-

¹ Автор работал по изданию, подготовленному Б. Велчевой. Вопрос о датировке памятника пока остается открытым, так как Б. Велчева на основании проведенного ею палеографического исследования считает возможным отнести Добромирово евангелие скорее к XI, чем к XII в. [7, с. 22].

жи, деноминативное прилагательное и родительный падеж имени как однородные определители к одному и тому же слову).

Наблюдается тенденция употреблять деноминативные прилагательные, а не приименные падежи в тех случаях, когда определяющим словом является имя собственное лица или существительное со значением живого существа (341 конструкция с деноминативным прилагательным, 89 конструкций с приименным родительным падежом и 21 конструкция с приименным дательным падежом). Если же определяющим словом является существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет или отвлеченное понятие, то приименной падеж предпочитается деноминативному прилагательному (при существительном, обозначающем неодушевленный конкретный предмет, — 66 конструкций с родительным падежом, 15 — с дательным падежом и 35 — с деноминативным прилагательным; при существительном с отвлеченным значением — 35 конструкций с родительным падежом, 31 — с дательным падежом и 19 — с деноминативным прилагательным).

II. В Добромировом евангелии выявлено несколько конструкций, в которых способ определения имени существительного можно назвать смешанным. Имеется в виду способ выражения принадлежности стоящими рядом разнородными формами: притяжательным прилагательным и родительным падежом имени. Подобные конструкции встречаются редко. В Добромировом евангелии обнаружено пять таких конструкций; они, за исключением одной, известны также в соответствующих местах Зографского, Мариинского и Добрейшова евангелий:

- 1) и казѣдѣже рога испениѣ нашего. въ домоу дѣдовѣ. отрока своего — Лк, 1,69. Зогр., Мар., Дбрш. — так же.
- 2) ѿзде ѿса и ученици его. ко вѣси кесариа филиповы — Мр, 8,27. Зогр., Мар., Дбрш. — так же.
- 3) і ивана. жена хоузинна. приставника фродова — Лк, 8,3. Мар. — так же, Зогр. — другая конструкция (жена хоузѣанина и инѣи многѣ), Дбрш. — нет текста.
- 4) ...ка нѣхѣже вѣ мариѣ магдалини. и мариѣ нѣкова малааго. и ѿсиева мати. и саломѣ — Мр, 15,40. Зогр., Мар., Дбрш. — так же.
- 5) вѣ етерѣ бола лазара: отѣ вѣаниа града мариѣна: и марфы сестры еѣ — Ио, 11,1. Зогр., Мар., Дбрш. — так же.

Выявлена также одна конструкция, в которой в качестве однородных определений к одному и тому же слову встречаются приименной родительный и приименной дательный падежи: ...и рече. испокѣдаж ти са оче. ги нѣси и земла — Лк, 10,21. Зогр., Мар. — ги небесе и земла; Дбрш. — Оче нѣси и земли. Как считает А. Минчева, подобные примеры недвусмысленно указывают на то, что для переписчика обе формы были равнозначны [1, с. 81].

III. При сопоставлении чтений Добромирова евангелия с параллельными местами Мариинского, Зографского и Добрейшова евангелий были выявлены некоторые различия в употреблении форм определения имени (всего 68) — см. таблицу:

Таблица

Евангельский кодекс	Дат. п.	Род. п.	Деноминат. прилагат.	Другая конструкция	Нет текста
Добромирово евангелие	25	24	19	—	—
Зографское евангелие	14	29	14	9	2
Мариинское евангелие	10	36	13	9	—
Добрейшово евангелие	14	27	7	9	11

Как видно из этой таблицы, в Добромировом евангелии наблюдается (по сравнению со старославянскими Мариинским и Зографским евангелиями) большее число конструкций с приименным дательным падежом за счет сокращения числа конструкций с приименным родительным падежом.

Ниже приводятся примеры конструкций, в которых в Добромировом евангелии в качестве определителя имени существительного употреблен дательный падеж, а в Зографском, Мариинском или Добрейшовом евангелиях — родительный падеж, деноминативное прилагательное или использована другая конструкция (т. е. отсутствует определяемый или определяющий член конструкции, совсем отсутствует данное словосочетание или его смысл передан другими грамматическими средствами):

- 1) (стоѣ)хъ же при краѣтѣ ꙗкоѣ матери его и сестра мри его — Ио, 19,25. Мар., Зогр., Дбрш. — сестра матери его.
- 2) ...припаде къ ногамъ ꙗкоу — Лк, 5,8. Зогр., Мар., Дбрш. — къ кономъ ивѣамъ.
- 3) ...видиши ежечѣиже еста въ очеси братоу своему... — Лк, 6,41. Зогр., Мар. — къ очеси брата своего, Дбрш. — нет текста.
- 4) еже еси оуготоваѣ прѣдъ лицемъ вѣстѣхъ люди свѣта въ откровение азыкомъ — Лк, 2,32. Зогр., Мар., Дбрш. — къ откровение азыка.
- 5) ...и прѣдали владыкамъ: и власти воеводѣ: — Лк, 20, 20. Зогр., Мар., Дбрш. — области коекозъ (Мар. — коекозы).
- 6, 7) и вѣскрѣсита сѣмѣ братоу своему — Лк., 20, 28 и Мр, 12, 19. Зогр., Мар., Дбрш. — сѣмѣ брата своего.
- 8) ꙗко се еста къ истинѣ съисъ всемоу миру — Ио, 4, 42. Зогр., Мар., Дбрш. — спѣ мира.
- 9) и приклаи каменѣ на дѣри гробоу — Мр, 15, 46. Мар., Дбрш. — так же, Зогр. — на двѣри гроба.
- 10) како отѣваляти намъ ками отъ дѣри гробоу — Мр, 16, 3. Зогр., Мар., Дбрш. — отъ двѣри гроба.
- 11) вѣдетѣ къ немѣ источника водѣ — Ио, 4,14. Зогр., Мар., Дбрш. — источника воды.
- 12) И падѣта въ острѣе мечоу — Лк, 21,24. Зогр., Мар., Дбрш. — къ острѣи меча.
- 13) О запрѣщени вѣтроу — название притчи, ев. от Луки, л. 276, 7. Мар. — так же, Зогр. — ѡ запрѣщени вѣтра і морѣ; Дбрш. — нет текста.
- 14) И се жена етера ... ежци въ течени крови — Мр, 5,25. Дбрш. — так же; Зогр., Мар. — къ течени крове.
- 15) ...и сверѣта избраниа его. отъ четьырѣ вѣтра. отъ коньца зѣми ... — Мр, 13,27. Зогр., Мар. — отъ коньца зѣмля; Дбрш. — нет текста.
- 16) ...до коньца нѣси — Мр, 13,27. Зогр. — так же; Мар. — до коньца нѣсе; Дбрш. — нет текста.
- 17) ...въ книгахъ словомъ². исанѣ пррка гмѣца — Лк, 3,4. Зогр., Мар. — къ кзнихъ словеса и сана пррка; Дбрш. — другая конструкция (къ книгахъ словеса и сана пррка...).
- 18) изидѣта ... сѣтворашеи злаѣтѣ во вѣскрѣшение сѣдоу — Ио, 5,29. Зогр., Мар. — так же; Дбрш. — къ вѣскрѣшение сѣда.
- 19) и изидѣта сѣтворашеи благаѣтѣ во вѣскрѣшение животоу — Ио, 5,29. Зогр., Мар. — так же; Дбрш. — къ вѣскрѣшение живота.
- 20) и приде ...проповѣдаѣ върѣшение. покаѣннио. къ отѣпоущени грѣхома — Лк, 3,3. Зогр., Дбрш. — конструкция с предлогомъ на; Мар. — крѣштение покаяниѣ.

² В окончании слова, видимо, отражено влияние форм склонения с основой на *о на формы склонения с основой на согласный звук. Вероятно, это дат. п. мн. ч., но, возможно, и твор. п. ед. ч. (ср. текст в Добрейшовом евангелии).

21) ...въ отъпоущение грѣхомъ — Лк, 3,3. Мар., Дбрш.— так же; Зоґр.— въ отъпоущение грѣхѡвъ.

22) Въ патое же на дасате лѣто. владычствоу тиверитѣ кесара... — Лк, 3,1. Дбрш.— так же; Зоґр., Мар.— лѣто владычества тиверитѣ кесартѣ.

23) и выста пота его: ꙗко капль крове³ каплящитѣ на землѣ — Лк, 22,44. Зоґр., Мар.— капля крове; Дбрш.— капля кровекава.

24) и проповѣдати еа въ има его покатіне: и въ отъпоущение грѣхомъ — Лк, 24,47. Зоґр., Дбрш.— так же; Мар.— отъпоущению грѣхѡвъ.

Известно также, что в среднеболгарский период происходит значительное увеличение числа конструкций с деноминативными прилагательными за счет сокращения конструкций с приименными падежами. Но в Добромировом евангелии большого увеличения числа конструкций с деноминативными прилагательными не обнаружено. Имеется только четыре несомненных примера (в сравнении с текстами Мариинского и Зографского евангелий) прилагательного в соответствии приименному падежу других текстов евангелия:

1) ...вмодѣте еа ота книжаника ... поѣдѣжниха дома въдовича — Мр, 12,40. Зоґр., Мар.— дома въдовицъ.

2) горе кама ꙗко виждете гровы пророчьскы — Лк, 11,47. Зоґр., Мар.— гровы пророка.

3) въ же тоу стадо свино много пасомо въ горѣ — Лк, 8,32. Зоґр., Мар.— стадо скнини.

4) архiereи же и книжаници: искахъ его погоубити и: и старѣшинны юденскы — Лк, 19,47. Зоґр., Мар.— старѣшинны людемъ. Во всех четырех примерах прилагательное образовано от существительного, обозначающего живое существо.

Кроме того, один раз деноминативное прилагательное заменяет винительный падеж существительного и два раза — предложную конструкцию старославянских кодексов⁴:

1) приде же и пакы іса: въ бана галиленскъ — Ио, 4,46. Зоґр., Мар.— въ бана галилеѣ.

2) ...и о дани темъ и о чѣстѣ. никтѣже не чѣстѣ. ни ангѣли нескнини ... Мр, 13,32. Зоґр., Мар.— конструкция с предлогом на.

3) ...звѣзды нескнынъ вѣдѣ(тѣ) епападащѣ — Мр, 13,25. Зоґр., Мар.— конструкция с предлогом еа.

При общем увеличении числа конструкций с приименным дательным падежом за счет конструкций с родительным падежом в Добромировом евангелии наблюдается и противоположная тенденция — употребление конструкций с родительным падежом на месте конструкций с дательным падежом Мариинского и Зографского евангелий:

1) она же изагнава кака. погѣта оца отроковица и мре — Мр, 5, 40. Мар.— так же; Зоґр.— оца отроковици.

2) цре аззыкы⁵ оустѡжитѣ има — Лк, 22,25. Зоґр.— цре ѣззыкѡмъ. Мар.— цре ѣззыкѣ.

3) и ... обратитѣ сръдѣца оцѣ на чада — Лк, 1,17. Зоґр., Мар.— сръдѣца оцѣмъ.

³ В. Г. Ягич считает, что здесь генитив, так как в Ио, 6, 53 ни гнете крове его, но в то же время в Лк, 11, 51, Лк, 8, 43 и Лк, 8, 44 имеется генитив крове [9]. Впрочем, в Мр, 5, 25 (Синайская часть) также генитив крове. Вероятно, генитив и датив все же еще различались, поэтому в данной статье эта конструкция рассматривается как конструкция с дательным падежом.

⁴ Как можно увидеть, в обоих случаях замены деноминативным прилагательным предложной конструкции определяющим словом являлось прилагательное нескнини. В этом отношении наблюдается сходство Добромирова евангелия с Саввиной книгой, где, по наблюдениям А. С. Новиковой, имеется 10 случаев замены деноминативными прилагательными предложных конструкций других кодексов, причем в семи случаях определяющим словом являлось деноминативное прилагательное от существительного небо [10].

⁵ Написание аззыкы вместо аззыкѣ, вероятно, является ошибкой писца.

4) *косанж са въскриани рѣзы его* — Лк, 8,44. Мар.— так же; Зогр.— *въскриани рѣзѣ его*.

5) *И жена съжи въ точении крове* — Лк, 8,43. Мар.— так же; Зогр.— *къ точении крове*.

6) *Прѣжде праздника пасхы* — Ио, 13,1. Зогр., Мар.— *праздника пасѣ*.

7) и *хождаста родителѣ его по вѣстѣ мѣта къ ерѣма въ праздникъ пасхы* — Лк, 2,41. Мар.— так же, Зогр.— *къ празднику пасѣ*.

8) *понеже не разумѣши вѣмени пришествѣ твоего* — Лк, 19,41. Зогр., Мар.— *кѣмне поствению твоему*.

9) *И се жена ... принесаш алабастръ мира* — Лк, 7,37. Зогр.— так же; Мар.— *алабастръ мироу*.

В употреблении родительного падежа в данном случае нельзя обнаружить какой-либо закономерности, и оно объясняется, видимо, стремлением переписчиков к искусственной архаизации языка. Некоторые примеры замены дательного падежа родительным позволяют отметить функциональную близость приименного родительного падежа принадлежности и дательного падежа с двойной зависимостью. Ср., например, в Добромировом евангелии: и ... *обратитъ сръдца бѣа на чада* — Лк, 1,17; Зогр., Мар., Дбрш.— и *обратитъ сръдца отацема на чада*.

Вероятно, можно говорить об определенной закономерности расширения сферы употребления приименного дательного падежа в ущерб конструкциям с приименным родительным. Большинство случаев замены приименного родительного падежа дательным приходится на долю тех конструкций, где определяющим словом было существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет. При сравнении чтений Добромирова евангелия с параллельными местами Мариинского и Зографского евангелий обнаружено 23 случая употребления приименного дательного падежа в Добромировом евангелии на месте приименного родительного в Мариинском или Зографском евангелиях. Из них 10 раз определяющим словом являлось существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет, 6 — существительное с отвлеченным значением, 5 — существительное со значением живого существа и 2 раза — существительное, обозначающее часть тела человека.

В этом отношении Добромирово евангелие продолжает старославянскую традицию: при сравнении параллельных мест Добромирова, Мариинского и Зографского евангелий выявилось 13 случаев расхождения в формах определения имени между старославянскими Мариинским и Зографским евангелиями⁶, причем 6 раз определяющим словом было существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет, 3 — существительное с отвлеченным значением, 3 — существительное со значением живого существа и один раз — существительное, обозначающее часть тела человека. Кроме того, из 37 конструкций, в которых имеются расхождения в формах определителей имени существительного между Добромировым, Мариинским и Зографским кодексами, 12 имеют определяющим членом существительное, обозначающее неодушевленный конкретный предмет и 11 — существительное с отвлеченным значением.

Большинство отличий от старославянских текстов в Добромировом евангелии представлено в частях, принадлежащих переписчику А (его рукой написан текст от начала до л. 95б, л. 122а — 129б, л. 158б — до конца). Переписчиком В, как считает Б. Велчева [7, с. 13], был Добромир (его рукой написаны л. 96а — 121а, 130а — 158а). На долю переписчика А, в частности, приходится три случая из четырех замены падежной конструкции (с родительным падежом множественного числа) старославянских кодексов конструкцией с деноминативными прилагательными, 14 случаев (из 23) замены конструкций с родительным падежом конструкциями с дательным падежом. Он употребляет притяжательное

⁶ Различия в текстах этих евангелий выявлены только в той их части, которая соответствует тексту Добромирова евангелия.

прилагательное члѣчъ (в то время как писец В, употребляет только члѣчска); более новую звательную форму съине (Мр, 10, 47), так же, как и в Мариинском и Зографском евангелиях (писец В употребляет старую форму съиноу — Лк, 18, 38 и Лк, 18, 39). Б. Велчева отмечает, что писец А более опытен в писании кириллицей, и его письмо отличает влияние более новой кириллицы (в отличие от переписчика В) [7, с. 24].

Проведенное исследование подтверждает мнение многих славистов о том, что процесс функционального сближения атрибутивных датива и генитива начался в период, предшествующий среднеболгарскому, так как уже в памятнике начала XII в., каким является Добромирово евангелие, можно наблюдать значительное увеличение числа конструкций с приемным дательным падежом (по сравнению со старославянскими текстами).

Однако в противоположность ожидаемому еще большему увеличению числа конструкций с дательным падежом в Добрейшовом евангелии, в этом памятнике XIII в.⁷ наблюдается почти такое же соотношение форм определения имени существительного, как в Зографском евангелии, памятнике XI в. (см. таблицу).

ЛИТЕРАТУРА

1. Минчева А. Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964.
2. Мразек Р. Дательный падеж в старославянском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 246—247.
3. Цонев Б. История на българския език. София, 1919.
4. Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1963.
5. Елжина Н. М. Беспредложные конструкции приемных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках. (Канд. дисс.) М., 1964.
6. Първев Х. И. Очерк на история на българската граматика. София, 1975.
7. Добромирово евангелие. Български паметник от началото на XII в. Подготови за издаване Боряна Велчева. София, 1975.
8. Цонев Б. Добрейшово четвероєвангелие. Среднебългарски паметник от XIII в. — Български старини, кн. 1. София, 1906, с. 263—264.
9. Jagić V. Evangelium Dobromiri. — Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, Philos.—hist. Classe, Bd. 138, 1898, S. 60.
10. Новикова А. С. О соотношении форм определения имени в Саввиной книге. — В кн.: Славянская филология, вып. 11. М., 1979, с. 202—203.

⁷ Имеется в виду та часть его текста, которая соответствует тексту Добромирова евангелия.

ЛЕВОЧКИН И. В.

ДРЕВНЕЙШИЙ СПИСОК ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА

Пространное Житие Константина Философа является выдающимся произведением древней славянской литературы и одним из ценнейших источников по истории культуры и общественно-политической мысли славянских народов, периода их христианизации. Списки этого Жития были распространены весьма широко и переписывались в различных регионах славянского мира вплоть до XVII в. включительно¹. Изучение этих списков ведется уже относительно давно; Житием занимались А. В. Горский, О. М. Бодянский, П. А. Лавров и многие другие русские и зарубежные ученые. Большой интерес вызывает это сочинение и в настоящее время.

В своей книге «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» П. А. Лавров сообщил краткие сведения о ранее неизвестном списке пространного Жития Константина Философа из собрания рукописей Е. В. Барсова [2]. Ученый отметил, что этот список «по древности не уступает старшим спискам Жития» и что «в нем есть чтения первостепенной важности». П. А. Лавров обратил внимание на новгородские особенности языка списка и привел ряд примеров разночтений по сравнению с другими списками. Однако сведения об этом списке в названной работе П. А. Лаврова занимают всего лишь пол-страницы, шифр рукописи приведен не был, и долгое время этот фактически неизученный кодекс оставался вне сферы исследования.

В конце 1980 г. при изучении состава собрания рукописей Е. В. Барсова, которое хранится в Отделе рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея в Москве (ГИМ) нами было учтено несколько списков различных сочинений и их фрагментов, связанных с именем Константина Философа и среди них, под № 619 — список пространного Жития, о котором впервые упоминал П. А. Лавров. Следует отметить, что рукопись, в составе которой находится этот список, имеет краткое описание, выполненное в конце XIX или в начале XX в. Е. В. Барсовым, но это описание явно предварительное и не полное. Приводим это описание: «№ 619. Толковая палея, в л<ист>, полууст<ав> XIV в. 271 л., в два столбца. Заглавные буквы писаны киноварью. Есть много статей, которых нет в других списках; есть статьи, напр<имер>, Сказание Афанасия о Мельхиседеке здесь совсем иное, чем в других списках. Таково же сказание Феодорита (листы 17, 18). Такой же древности XIV в. есть список только в Алек<сандрово>-Невской лавре»². Как видим,

¹ Краткие сведения обо всех известных 48 списках пространного Жития Константина Философа см. [1].

² ГИМ, ОР, Описание собрания рукописей Е. В. Барсова, папка 6, л. 2. В правом нижнем углу листа с этим описанием имеются карандашные пометы: «К. 14 в. (зачеркнуто «нач. XV в.».— И. Л.) ИВ (т. е. инициалы, вязь.— И. Л.), русск. пол., 1^о, лл. 1 + 271 + а. Без нач. и конца, перепл. есть, картон». Здесь же, чуть ниже этих помет, автограф (подпись) В. Н. Щепкина. Это описание не опубликовано и в ОР ГИМ хранится как архивный материал.

в этом описании кодекса не отмечено наличие в нем Жития Константина Философа, а сам кодекс озаглавлен «Толковой палеей». Как Толковая палея значится эта рукопись и в инвентарной книге собрания рукописей Е. В. Барсова в ОР ГИМ. В действительности рукопись Барсовского собрания № 619 представляет собой сборник нетрадиционного состава.

Итак, список пространного Жития Константина Философа, о котором идет речь, входит в сборник размером в малый лист (250 × 180 мм), состоящий из 271 бумажных листа (+2 листа переплетных). Бумага плотная, желтоватого цвета. Сборник написан русским полууставным письмом нескольких почерков в два столбца. По своим особенностям почерки близки друг к другу, т. е. принадлежат к одной писцовой школе. Количество строк на листе колеблется от 30 до 48. Пагинация поздняя, конца XIX в., по верхним правым углам листов, написанная черными чернилами, цифры арабские. Сохранились остатки буквенной пагинации XVII или XVIII в. По этой пагинации (незаконченной) одними и теми же буквами обозначены листы и их обороты. Имеется неполная сигнатура тетрадей. Чернилами, которыми написан текст кодекса, светлокориичневые, названия статей и инициалы — киноварные. Имеются крупные (в 5—9 строк) терратологические и плетеные инициалы, но их немного.

Водяные знаки бумаги трех типов: 1) «голова быка» (подобн. Брике, № 14 161 (1397—1399) и 14 163 (1399 г.); 2) «голова оленя» (подобн. Брике, № 15 534 (1405 г.) и 15 535 (1407 г.); 3) «лилия» (подобн. Брике, № 6851 (1405—1419 гг.))³. Таким образом, сборник датируется началом XV в. и список пространного Жития Константина Философа, который в нем имеется, является древнейшим⁴.

Сборник сохранился не полностью. В нем нет начала и конца. Многие листы весьма ветхие, а некоторые из них подклеены поздней (XIX в.) бумагой. Кодекс сильно обрезан сверху и справа; при этом частично пострадал текст и пагинация XVII — XVIII вв. На многих листах следы капель воска и другие загрязнения. Имеются следы воздействия влаги. На многих листах, на полях и между столбцов текста, многочисленны поздние (XVIII — XIX вв.) пометы и записи, имеющие характер комментариев. Имеются карандашные подчеркивания отдельных участков текста или отдельных слов с пометой NB. Особенно многочисленны эти пометы и записи в начале кодекса. На ряде листов имеются разнообразные рисунки и знаки (топорики, ятаганы, птицы и даже «мужские портреты»). Все эти рисунки и знаки (кресты, розетки и проч.) выполнены пером и чернилами светлокориичневого цвета и расположены либо на полях, либо между столбцами текста. Датировать эти рисунки и знаки трудно, вероятно все же, что все они относятся к более позднему времени (XVIII — XIX вв.).

Переплет рукописи поздний, конца XIX в., картонный, без застежек и украшений. Корешок и углы крышек обклеены светлокориичневой кожей. На корешке две бумажные наклейки со словами: «№ 1. Общая церковная история» и «Барс. 619». Обороты обеих крышек переплета обклеены кусками газет конца XIX в. Переплетные листы также конца XIX в. Обрез рукописи тонирован густой синей краской, которая частично вытерлась.

На л. 1 текста — штамп фиолетовыми чернилами: «Отд. рук. ГИМ. №». В него от руки вписано: «Барс. 619». Такой же штамп имеется на обороте последнего листа рукописи. На обороте переплетного листа в конце книги имеются три записи: «В сей книге всего двести семьдесят один лист» (карандашная запись конца XIX в.); 2. «Проверял, 23-го апреля 1893-го года, показалось верно, 271 лист. Н. Никифоров. В пути с низу ко дворам, на самолетском пароходе, утром в пятницу» (коричневыми чернилами); «В рукоп. 271 (двести семьдесят один) лист. 28/III 929. М. Сперанский»

³ Водяные знаки бумаги этой рукописи определены Т. В. Диановой, которой приношу свою глубокую благодарность.

⁴ Древнейшим списком пространного Жития Константина Философа до сих пор считался список ГБЛ, ф. 173, № 19 (середина XV в.).

(фиолетовыми чернилами). Здесь же круглый штамп: «Отделение рукоп. ГИМ».

Как известно, записи на книгах имеют большое значение. Они являются фактами истории той или иной рукописи и помогают установить, где и когда она бытовала. Записи на интересующей нас книге также представляют собой важный источник по ее истории. Особенно интересной является запись Н. Никифорова.

В Отделе рукописей и старопечатных книг ГИМ имеются и другие книги, на которых имеются автографы Н. Никифорова. Сличение этих автографов с записью на последнем переплетном листе нашего кодекса убеждает, что они принадлежат одному и тому же лицу — Николаю Порфирьевичу Никифорову, коллекционеру из г. Горбатова Нижегородской губернии, который в конце XIX в. имел весьма значительное собрание рукописных и старопечатных книг (около 800 ед.). После смерти Н. П. Никифорова эта коллекция была распродана его наследниками и большинство книг перешло в собственность московского книгопродавца М. П. Вострякова⁵, собрание которого в настоящее время хранится в ОР ГИМ. Какими путями сборник с пространным Житием Константина Философа перешел во владение Е. В. Барсова, пока не установлено. Возможно, что эта рукопись была куплена Е. В. Барсовым у М. П. Вострякова.

Весьма интересной представляется и вторая запись. Акад. М. Н. Сперанский, в 1929 г. заведовавший Отделом рукописей ГИМ, хорошо знал многие собрания рукописей. Можно предполагать, что он знал о списке пространного Жития Константина Философа, который содержится в барсовском сборнике 619 и именно он сообщил А. П. Лаврову об этом списке. Однако М. Н. Сперанский не сделал исправления в инвентарной книге собрания рукописей Е. В. Барсова и, насколько нам известно, не выступил в печати с сообщением об этом списке.

Основное содержание сборника Барс. 619 занимает историческая (но не толковая, как указано в описании Е. В. Барсова) паляя (л. 1—246). Далее в кодексе помещено несколько статей из Изборника Святослава (л. 247—250 об.). Житие Константина Философа занимает л. 250 — об. — 267. Вслед за Житием помещена «Похвала» Константину: «В той же днь похвала стому Кюрилу оучителю, словеньску языку створено Климентомъ епспомъ» (л. 267—269 об.). На л. 269 об. — 271 помещено «Слово стго Мефодья еписпа Римьска о предних црехъ и о послѣднихъ».

Обратимся к списку Жития Константина Философа. Так же, как и весь кодекс, Житие написано русским полууставным письмом в два столбца. Количество строк на л. 251—251 об. — 40, на всех остальных листах — по 30. Текст написан свободнее, верхнее и нижнее поля значительно шире, чем на предшествующих листах. Графика и орфография списка не имеет особых отличий в сравнении с другими частями сборника. Текст Жития написан двумя писцами, почерки которых различаются незначительно. Водяные знаки бумаги списка — «голова оленя» и «лилия» (аналогичные знакам всего сборника).

Название списка «Памать и житье блаженаго оучителя нашего Константина Философа перваго наставника словеньску языку», в отличие от большинства названий других статей сборника, написано не кинноварью, а чернилами. Название и начало текста Жития помещено в конце второго столбца л. 250 об. По тексту, выделяя конкретные смысловые моменты (главным образом — «речи» Константина Философа), расставлены многочисленные крестики (такими же, как во всем кодексе, чернилами). В двух случаях, перед началом самостоятельных по смыслу разделов Жития, почерками писцов основного текста написано: «чтение» (л. 261 об. и 263 об.). Вероятно, в протографе данного списка перед соответствующими разделами текста (на полях?) были обозначены «чтения».

⁵ За сведения о Н. П. Никифорове приношу глубокую благодарность Л. В. Тигановой, которая любезно предоставила мне возможность ознакомиться со своей неопубликованной статьей.

Список, к сожалению, сохранился не полностью. В нем утрачено два листа, часть текста, где повествуется о годах учебы и о первом периоде деятельности Константина Философа (от слов «оуче се изъ оуст книгамъ стго Григория Бгослова», до слов «речь бо есть всѣтъ межю англѣ и скоты»). Это часть главы III, главы IV и V и часть главы VI по современному делению текста пространного Жития Константина Философа. Эта часть текста утрачена, вероятно, уже давно, по крайней мере, до 1893 г., когда Н. Никифоров в своей записи отметил наличие в книге 271 листа.

При переплетении (XIX в.) некоторые листы текста Жития были перепутаны, а затем проставлена пагинация. Сохраняя смысл и структуру Жития, в данном списке после листа 252 об. нужно читать листы 254—255об., а затем — лист 253; после листа 253 об. нужно читать лист 256 и далее в соответствии с пагинацией.

Характеризуя этот список Жития Константина Философа, П. А. Лавров писал, что «он находится в ближайшей близости (так! — И. Л.) к группе 2, 7 и 15 по изданию Бодянского, а там, где от них отклоняется, близок к 1 списку Бодянского» [2, с. XX]. В данной статье задача сопоставления списков Жития не ставится, однако сличение нашего списка с наиболее древним из известных ранее, все же необходимо.

Список пространного Жития Константина Философа, находящийся в рукописи Барс. 619, по своему содержанию и структуре идентичен списку ГБЛ, ф. 173, № 19, который был опубликован О. М. Бодянским [3]. При сопоставлении этих двух списков различий в содержании и структуре не обнаружено. Имеются, однако, отличия, относящиеся главным образом к языку памятника.

Как уже говорилось выше, П. А. Лавров отметил в списке новгородские особенности языка и, в частности, мену ч и ц [2, с. XXI]. И действительно, такая мена наблюдается повсеместно. Приведем примеры. По списку ГБЛ: *овца, чрево, притчу, вечнаго, сицего*; по списку Барс. 619 — *овча, црево, притцю, вецнаго, сичего*. Имеются различия и в лексике двух этих списков. По списку ГБЛ: *нѣкий, пучину, творя, фамианъ, владычество, аеръ, сладкая, трикраты, сицевъ день, Олимпъ, Кавказьскихъ гор, недостигох*; по списку Барс. 619: *етерь, глубину, держа, темьянъ, царство, облакъ, добрая, трижды, стѣй день, Олигъ, Касожьскихъ гор, недостигъ*. Синтаксические различия немногочисленны и несущественны; они состоят в том, что в ряде случаев внутри предложений меняются местами отдельные слова.

Список Жития по рукописи Барс. 619 по сравнению со списком ГБЛ, имеет и некоторые особенности текстологического характера. Прежде всего различаются названия списков. Список ГБЛ имеет следующий заголовок: «Мсца февруария в 14 день. Житие и жизнь и подвизи иже востых оца нашего Константина Философа прьваго наставника и оучителя словеньску языку» [3, с. 3]. Отметим, что в списке ГБЛ некоторые части текста имеют заголовки, в то время как в Барсовском их нет. При сличении текстов обнаруживаются пропуски отдельных слов и даже целых фраз как в том, так и в другом списках. Однако количество таких пропусков незначительно.

Древнейший список пространного Жития Константина Философа из собрания рукописей Е. В. Барсова, судя по особенностям графики и лексики, был создан в народной среде Новгородской земли. Писцы, которые трудились над созданием этого списка, были людьми невысокой образованности, а конкретное место создания кодекса (монастырь, церковное или светское хозяйство) было небогатым. Это не является недостатком книги — напротив, это придает ей особую значимость. Список позволяет утверждать, что пространное Житие Константина Философа было известно не только церковной и светской элите, но и представителям иных социальных слоев населения России.

Список нуждается в специальном изучении. Не исключено, что именно этот список является протографом многих других списков, и проследить их зависимость было бы очень интересно и важно. Что касается протографа

самого Барсовского первого списка (мы предлагаем называть список Барс. 619 именно так), то можно лишь предполагать, что он был весьма древним и близким к протографу списка ГБЛ ф. 173, № 19. Барсовский первый список пространного Жития Константина Философа нуждается в скорейшем опубликовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Том трети. Пространни жития на Кирил и Методий. Подготовили за печат Б. Ст. Ангелов и Хр. Кодов. София, 1973, с. 34—45.
2. *Лауров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — Труды Славянской комиссии АН СССР, т. I. Л., 1930, с. XX—XXI.
3. Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 2, 1863, с. 3—30.

ЗЕЛЕНИНА Э. И.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛГАРСКИХ УЧЕНЫХ ПО НАРОДНОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ¹

В последнее десятилетие в Болгарии усилился интерес к этногенетическим проблемам. В 1968 г. в Софии состоялась организованная Этнографическим институтом и музеем БАН теоретическая конференция, посвященная этногенезу и культурному наследию болгарского народа, в которой приняли участие видные болгарские ученые — историки, этнографы, фольклористы и языковеды [1]. В следующем, 1969 г. в Пловдиве состоялся международный симпозиум по проблемам этногенеза балканских народов [2]. Заметно активизировались исследования в области традиционной духовной культуры. Научным центром этих исследований является Этнографический институт и музей БАН, в котором есть секция духовной и социальной культуры.

В обозреваемый период по народной духовной культуре вышло достаточно много работ — монографий, статей, докладов и заметок. Большая их часть опубликована в «Известиях Этнографического института и музея» [3], в журнале «Болгарская этнография» [4], в изданиях Института фольклора и других институтов БАН, в ряде проблемных сборников и журналов, а также за рубежом [5]. Были переизданы фундаментальные труды корифея болгарской этнографии и фольклористики академика М. Арнаудова [6] — самого крупного исследователя болгарской народной духовной культуры, создавшего обобщающие фольклорно-этнографические исследования ². Вышел из печати сначала на немецком языке [8], а затем на болгарском капитальный труд известного болгарского этнографа, большого знатока народного быта и культуры Х. Вакарелского «Этнография Болгарии», в котором большое место отведено духовной культуре [9]. Эту книгу можно назвать энциклопедией болгарской этнографии. Начато новое издание избранных трудов замечательного собирателя народных обычаев и поверий Д. Маринова [10].

Болгарскими учеными, представителями смежных наук — этнографами, фольклористами и диалектологами, была развернута новаторская по своему замыслу работа по комплексному изучению целых областей Болгарии. Ее возглавил коллектив сотрудников Этнографического института и музея БАН. В 1974 г. вышла из печати первая книга задуманной серии «Этнографические исследования Болгарии», посвященная Добрудже, в которой наряду с характеристикой материальной культуры, фольклора и говоров значительное место занимает описание праздников и обычаев населения этой области [11]. В 1980 г. появилась вторая книга, посвященная Пиринскому краю, в которой тематика духовной культуры расширена. Кроме праздников и обычаев в ней описывается и народное

¹ Хронологические рамки обзора — 1969—1979 гг., хотя в него включены отдельные важные работы, вышедшие в 1980—1981 гг.

² Подробно о М. Арнаудове и о других исследователях болгарской духовной культуры и об истории ее изучения см. [7].

мировоззрение, демонологические и мифологические представления жителей края [12]. В печати находится третья книга, которая войдет в число томов, посвященных Фракии. Опубликованные две книги — результат проделанной болгарскими учеными собирательской и исследовательской работы огромного масштаба. Ее значение для науки трудно переоценить. Можно лишь заметить, что такой тип исследований, вероятно, целесообразно проводить по единой для всех областей Болгарии программе, обеспечивающей одинаковый охват явлений, что важно для будущих, предполагаемых самими же авторами сравнительных исследований [11, с. 8].

Комплексным также является вышедший в 1981 г. синтетический труд «Болгарская народная культура», в создании которого приняли участие историки, этнографы, фольклористы и лингвисты. Третья глава этой книги посвящена духовной культуре [13]. По научно-исследовательскому плану Этнографического института и музея ведется работа над трехтомной «Этнографией Болгарии», первый том уже вышел [14]. Третий том будет целиком посвящен духовной культуре.

В предлагаемом обзоре главное внимание будет сосредоточено на исследованиях с этногенетической и этнолингвистической направленностью. С точки зрения методологии их можно разделить на две группы: а) работы, выполненные только на болгарском материале (их подавляющее большинство); б) работы, в которых применяется сравнительно-исторический метод исследования с выходом в различные этнические зоны — славянскую (преимущественно южнославянскую), балканскую, балкано-карпатскую и иные зоны (кавказскую, тюркскую). Большинство авторов применяет метод, основанный на системном подходе к явлениям духовной культуры. Болгарские этнографы активно используют теоретические и методологические достижения советской этнографической науки, о чем пишет директор Этнографического института и музея чл.-корр. БАН В. Хаджиниколов [15].

Опубликованные работы посвящены вопросам истории изучения болгарской духовной культуры, ее развития, вопросам теории и методологии ее изучения, обычаям и обрядам, народному мировоззрению, демонологии и мифологии отдельных животных и растений.

По истории изучения болгарской народной духовной культуры в указанный период опубликовано четыре статьи, автором которых является видный болгарский этнограф С. Генчев, заведующий секцией духовной и социальной культуры. Они посвящены работам деятелей болгарского Возрождения, стоявших у истоков болгарской этнографии, — З. Княжеского, Г. Раковского, М. Дринова, изданным в России в середине прошлого века [16]. Автор отмечает демократизм первых исследователей духовной культуры, умение видеть общие черты и различия в духовной культуре населения разных районов Болгарии.

Развитие болгарской духовной культуры тесно связано с формированием болгарской народности и нации, нашедшим отражение в обозреваемый период в работах болгарских историков [17]. Х. Гандев отмечает, что в основе болгарской народности лежит «мощное преобладающее славянское большинство» и что ее исключительная однородность объясняется прежде всего большой близостью и слабой дифференцированностью болгаро-славянских племенных групп (восточных и западных) [18].

Развитию народной духовной культуры посвящена статья С. Генчева, в которой дается периодизация развития системы болгарских обычаев: первый период предшествует консолидации болгарской народности, второй — характеризуется сильным интеграционным процессом в области духовной культуры в связи с образованием болгарской народности, третий — связан с созданием болгарской нации, усиливающим процесс интеграции культуры, четвертый — современный [19]. Подобная периодизация дается С. Генчевым и в другой его работе, посвященной формированию и развитию болгарской системы обычаев и праздников [13, с. 159—174]. Г. Георгиев в своей книге анализирует преобразования, происшедшие в области традиционной духовной культуры после освобождения

ния Болгарии от турецкого ига [20]. Характер и развитие системы обычаев населения Добруджи в XIX — XX вв. раскрываются в докладе М. Василевой [21, с. 166—172].

К вопросам теории изучения материальной и духовной культуры в указанный период проявляется особый интерес. На разработку теоретических вопросов нацеливает статья В. Хаджиниколова [15]. Понятиям «народная» и «национальная культура» и их взаимоотношениям посвящены доклады болгарских ученых В. Хаджиниколова, Х. Вакарелского, Т. Колевой и С. Генчева на Международной конференции этнографов славянских стран, которая состоялась в Польше в 1974 г. [22]. На страницах журнала «Болгарская этнография» опубликованы статьи по общей проблеме «традиция и инновация» В. Хаджиниколова и Б. Тумангелова (1976, кн. 2) и по частным вопросам: Н. Мизова — о терминах «праздник», «обряд» и «ритуал» (1979, кн. 2) и М. Беновской — об обрядовом времени и обрядовом календаре (1979, кн. 3). О понятии «народная культура», ее структуре и функциях пишет В. Хаджиниколов. Он отмечает, что этнические черты следует сегодня искать в элементах духовной культуры [13, с. 10]. В докладе Т. Колевой дается всесторонняя характеристика обычаев и обрядов как сложных и многообразных явлений этногенетического, культурно-исторического и общественного развития каждого народа, отличающихся полифункциональностью [21, с. 80—89]. Вопросы, связанные с этнической нагрузкой, спецификой и функциями народной культуры рассматриваются в статье С. Генчева [23]. Теоретический аспект присутствует и во многих работах, посвященных различным вопросам болгарской духовной культуры.

О необходимости разработки и совершенствования методологии и методики этнографических исследований пишет В. Хаджиниколов [15]. Х. Гандев в докладе на I Международной конференции славянских этнографов (Чехословакия — 1970 г.) ставит вопрос о необходимости комплексных исследований при помощи ряда наук — исторической антропологии, демографии, языкознания, археологии, исторической географии, фольклористики и др., — так как в большинстве случаев чисто этнографический анализ не дает достаточно ясных результатов. Он считает, что «этногенетические по характеру исследования неминусом должны проводиться на сравнительной индоевропейской основе» [24].

Х. Вакарелски в своем докладе отмечает, что «некоторые авторы переоценивают значение образа жизни в античную эпоху, в которой ищут исходные формы и содержание современных народных традиций». Он призывает к сравнительному изучению обычаев двух или более славянских народов, которое «может раскрыть корни их общего прошлого» [25].

О пользе сравнительных исследований в области славянской духовной культуры пишет в своих статьях и С. Генчев. В вышедшем недавно первом томе «Этнографии Болгарии» [14, с. 82—91] В. Хаджиниколов предлагает выделять в методологии этнографических исследований три подсистемы: 1. Общая методология этнографического исследования (марксистско-ленинская философия. — Э. З.). 2. Специальная или специфическая методология этнографического исследования. 3. Частная или научно-исследовательская методология этнографического исследования, которая, в сущности, является его методикой. К специальной методологии относятся абстрактно-логический и конкретно-исторический методы, метод системно-структурного анализа, статистические и социологические методы (анкетирование), использование достижений математики и электронно-вычислительной техники. Частная методология включает в себя методику полевой работы и непосредственного наблюдения (стационарно-экспедиционный и маршрутный методы). К научно-исследовательской относятся сравнительно-исторический и стратиграфический методы, методы ретроспективной этнографической реконструкции и этнографического картографирования.

Специально вопросам методологии и методики исследований в области духовной культуры посвящены работы Т. Колевой, П. Петрова, Л. Дукова, С. Генчева. В своей статье, которая строится на болгарском материале, Т. Колева рассматривает обычаи как систему, подчиняющуюся

не только общим тенденциям их развития в данный исторический период, но и внутренним законам самой этой системы. Последовательная связь между отдельными компонентами обычая в процессе его исполнения раскрывает его структуру. Изучение структуры обычаев и их сравнение позволяет установить типологию обычаев. Автор говорит о необходимости синхронного и диахронного изучения системы обычаев. Первое раскрывает их пространственные связи и статическое состояние, а также их типологию, второе дает возможность проследить их развитие, решать вопросы их возникновения [26]. Вопросы методологии рассматриваются и в других исследованиях Т. Колевой, посвященных отдельным фрагментам системы болгарских обычаев. П. Петров пишет о принципах исследования народных обычаев, собирания обрядовых хлебов и др. [27]. Методике региональных этнографических исследований посвящен доклад С. Генчева [21, с. 180—187]. Вопрос о необходимости и целесообразности комплексного изучения традиционной народной культуры на основании опыта исследований, проводимых в Добрудже, рассматривает в своем докладе Л. Дуков [21, с. 161—166].

подавляющее большинство вышедших в обозреваемый период работ посвящено разностороннему изучению обычаев и обрядов и тесно связанных с ними проблем — обрядовой символики, обрядового фольклора, роли и функции материальной культуры в обряде и т. п.

В области изучения семейных обычаев выделяется цикл оригинальных по своему замыслу работ С. Генчева. Его кандидатская диссертация посвящена выявлению этнографических соответствий основной диалектной границе Болгарии, делящей ее на западную и восточную, так называемой ятевой границе [28]. Автор обследовал пограничную зону на севере Болгарии (междуречье Искра и Вита), взяв для изучения наиболее архаические обычаи — семейные, и установил, что по обе стороны ятевой границы наблюдаются существенные различия в их системе. Например, такие черты, как обрядовая кража ребенка в один год, искупительное запрягание тяжело умирающих мужчин в воловье ярмо, распространены только на востоке обследованной зоны. Автор предполагает, что некоторые из этих различий занесены еще древними славянами при их переселении на Балканский полуостров, а другие являются результатом самостоятельного развития местных обычаев в областях, разделяемых ятевой границей. Результаты исследований С. Генчева имеют значение для работы над этнографическим атласом Болгарии, подтверждая научную целесообразность картографирования явлений духовной культуры. Они важны и в свете понимания диалекта как явления не только языкового, но и этнокультурного. Выводы, сделанные С. Генчевым, подсказывают, что при определении диалектных границ следует учитывать направление не только изоглосс, но и изопрагм, а также и распространение тех или иных черт духовной культуры³.

В одной из своих публикаций по диссертации [3, кн. XI, с. 188] С. Генчев описывает обычай «опаливание могилы» и указывает на его связь с обрядом трупосожжения, известным у древних славян (у болгар он сохранялся до 10 в.)⁴. Он отмечает важность этого факта для этногенеза славян. Позднее С. Генчев предпринял сравнительное исследование обычаев, подобных этому, у болгар (жечь огни на кладбище) и русского обычая «греть покойников» [30], анализ которого впервые был проведен Д. К. Зелениным [31]. После тщательного сопоставительного анализа, выявившего общие черты болгарского и русского обычаев, С. Генчев пришел к выводу, что в типологическом и функциональном плане обряд как комплекс является общим для обоих народов. Это дало ему повод предположить существование общего исторического корня. Автор склонен считать, что в основе рассмотренного обычая лежит способ погребения

³ Подробнее о понятии диалекта и классификации славянских диалектов, а также о соотношении лингво- и этногеографических исследований см. в статье О. А. Терновской и докладах Н. И. Толстого [29].

⁴ В некоторых районах Добруджи, по сведениям С. Генчева, опаливают сам труп [11, с. 295].

посредством трупосожжения. Однако, по мнению автора, вопрос нельзя считать решенным. Нужны дополнительные исследования его в сравнительно-историческом плане⁵. Погребальному обряду и, в частности, следам трупосожжения у болгар посвящена статья археолога Ж. Выжаровой [32].

В содержательном докладе И. Георгиевой «Этнографическое единство свадьбы у болгар» [1, с. 103—109] дается модель болгарской народной свадьбы, характеристика ее как общественного явления, определяются исторические напластования в ее развитии, устанавливаются ее славянская основа и тесные связи со свадьбой у других славянских народов. В болгарской свадьбе, отмечает автор, сохранились основные моменты древней славянской свадьбы: замешивание свадебного хлеба, приготовление вещей, свадебного знамени, деревца, обряды, связанные с очагом, расплетание волос невесты, закрывание ее лица и его открывание, известный эротизм, свадебное пиршество. Лучше всего сохранился обряд открывания лица невесты, который совершается около источника или колодца и фруктового дерева при помощи зеленой ветки, что указывает, вероятно, по мнению И. Георгиевой, на старинный праславянский обряд бракосочетания.

И. Георгиева и Р. Дражева подробно описали и проанализировали семейные обычаи населения Пиринского края [12, с. 379—422]. М. Василева выявила сходства и различия в болгарской и турецкой свадьбе в группе сел Разградского округа [3, кн. XII, с. 161—191].

В указанный период вышли работы описательного характера: о погребальных обычаях — М. Халачевой [33]; о надгробных памятниках — Р. Сефтерского, В. Койчевой и Е. Пеновой, И. Любеновой [34]; о свадебных обычаях — Я. Ройдевой [35, 1978, кн. 2, с. 65—72], Г. Миткова [4, 1979, кн. 2, с. 38—51 и др.], А. Гоева [4, 1979, кн. 1, с. 69—79], Н. Велчевой [35, 1975, кн. 4, с. 64—72] и др.

О праздниках и обычаях, связанных с народным календарем, написано много работ. Среди них выделяются исследования талантливого этнографа Т. Колевой. Широко применяя структурно-типологический метод, она основательно изучила зимнюю и весеннюю обрядность не только у болгар, но и у других южных славян.

В зимнем цикле обычаев южных славян [36] Т. Колева выделяет следующие основные компоненты (инварианты), составляющие его структуру: рождественское полено, обрядовая трапеза, полазник, гадания и предсказания, колядование, ряжение, повторяющиеся более или менее модифицированно в системе обычаев каждого народа. Они определяют и типологию всей новогодней системы обычаев у южных славян. Т. Колева высказывает мнение о том, что горение рождественского полена связывалось, вероятно, с представлением о возрождении солнца и с началом нового солнечного года в противовес гипотезе о связи бадняка с культом Перуна и о его защитной функции (А. Афанасьев и др.). Несомненно также, отмечает автор, связь бадняка с культом предков, как, впрочем, и полазника, учитывая роль очага и в том и в других обычаях. Интерес представляет описанный Т. Колевой (впервые был отмечен в известном словаре В. Караджича) обычай у сербов прятаться за обрядовый рождественский хлеб (*чесница*). Он сопровождается соответствующим диалогом. Автор отмечает, что у других южных славян этот обычай не зафиксирован. Похожие обычаи, пишет Т. Колева, есть у белорусов, украинцев, греков и др.⁶ О сходном обычае у балтийских славян еще в XI—XII вв. сообщает Саксон Грамматик. (Они преподносили богу Свентовиту огромный хлеб, называемый «меденик». Жрецы ставили этот хлеб между собой и толпой народа и спрашивали, видно ли их. Если народ отвечал отрицательно, предсказывался хороший урожай.) Этот факт, отмечает Т. Ко-

⁵ Д. К. Зеленин тоже имел мысль найти в русском обычае «греть покойников» отголоски прежнего обряда трупосожжения, но при исследовании его не нашел, по его словам, «решительно никаких доводов в пользу такого мнения» [31, с. 270].

⁶ Похожий обычай у болгар описан еще в XIX в. Л. Каравеловым в его известной книге «Памятники народного быта болгар» (М., 1861, с. 13).

лева, говорит о древности данного обычая и о том, что, возможно, он был известен и другим славянам. В работе приводится богато развитая у южных славян терминология, связанная с названием бадняка, полазника, обрядовых хлебов и др.

Зимние праздники и связанные с ними обычаи у болгар более подробно проанализированы Т. Колевой в коллективном труде Института этнографии АН СССР [37]. В своем очерке Т. Колева выступает как прекрасный знаток болгарской зимней обрядности. Во многом опираясь на труды других исследователей, она в то же время высказывает и ряд собственных наблюдений и суждений, касающихся не только современного состояния, но и генезиса того или иного обычая. По форме колядования автор делит Болгарию на Западную и Восточную. Граница идет по реке Искыр, горам Рила и западным склонам Родоп. Существует ряд различий, но основным является наличие маскарадного костюма у колядников (Западная Болгария) или его отсутствие (Восточная Болгария). Вопрос о происхождении колядников, отмечает автор, еще не ясен в науке. Однако некоторые аналогии с новогодними ряжеными и кукерями позволяют автору говорить о том, что этот обряд «сформировался на основе древнебалканской культуры и взаимосвязан с античным миром» (с. 274). Видимые аналогии и связи сами по себе не могут служить аргументом при решении вопроса о происхождении того или иного обряда. Тем более, что мнение других болгарских исследователей (П. Петрова, М. Черкезовой, Цв. Мановой) о славянском происхождении новогодних ряженных («сурвакари») у болгар, о чем подробнее будет сказано ниже, противоречит такому взгляду. Автор пишет также о восприятии античной традиции славянами, и снова основанием для этого служат аналогии и связи, на сей раз — между сочельником и рождеством (болг. *коледа*) и «древними Календами, посвященными зимнему солнцестоянию, которое понималось как день рождения непобедимого солнечного бога, иными словами, как возрождение солнца и всей природы» (с. 270). А на с. 277 утверждается: «Без сомнения, славяне пришли на Балканский полуостров со своими традициями культа возрождающегося солнца...» На с. 270 читаем: «В календарном цикле болгар, как и других европейских народов, сочельник и рождество имеют тот же смысл, что и у античных народов». Противоречивые суждения автора наводят на мысль о том, что указанные аналогии и связи в данных праздничных обычаях могут свидетельствовать и о другом, а именно о существовании очень древней общеиндоевропейской рождественской обрядности.

В новогодней обрядности автор отмечает «сурвакание» — обход домов с поздравлениями — как очень древний обычай, связанный с верованиями в магическую силу свежесорванной зеленой ветки, способной передавать свои живительные соки. «Ладувания» — девичьи гадания по кольцам или букетикам под обрядовые песни — автор склонен предположительно связывать с культом славянской богини Лады, покровительницы брака и семьи. Автор справедливо замечает, что новогодний карнавал имеет сложное происхождение. Здесь уместно сказать, что вопрос о генезисе некоторых, не только болгарских, праздников и связанной с ними обрядности, видимо, трудно решать на основании данных только этнографии, тем более, если он уводит нас в глубокую древность. Очевидно, ответы на подобные вопросы принадлежат будущему нескольких наук.

Серию статей и докладов Т. Колева посвятила весенним девичьим обычаям у болгар и у других южных славян. Автор не ограничивается обычаями, известными у болгар как *лазаруване*, *кумичене*, *буенец* [38], а анализирует все обряды, исполняемые девушками, достигшими половой зрелости, в которых, по его мнению, сохраняются следы посвятительных ритуалов [39]. Сравнительный анализ весенних девичьих обычаев у болгар, сербов и хорватов [40] позволил автору выделить в их структуре элементы, связанные с социализацией подрастающего поколения, вступающего в половую зрелость, и получением права на брачную жизнь, определяющие главную функцию обряда, генетически восходящую к инсти-

туту инициаций в первобытном обществе. В их структуру входят и некоторые другие элементы, имеющие общественную функцию: формирование групп участников, обход села с целью представления девушек коллективу. На связь с культом предков указывают переход дороги — воды, избегание дома недавнего покойника, приношение жертв духам, молитва о покровительстве мертвых, посещение кладбища и оставление на могилах предков красных яиц. Идея плодородия и продолжения рода у южных славян выражается в обходе поля девушками, в исполнении ими песен о плодородии и в сборе даров в виде яиц. Исследование Т. Колевой девичьих обычаев — пример системного подхода к изучению явлений духовной культуры. Выход в южнославянскую этническую общность дает возможность автору сделать ценные наблюдения над структурой изучаемых обычаев и решить вопрос об их генезисе.

Цикл статей и докладов Т. Колевой, посвященных дню св. Георгия — болг. *Гергьовден* [41] — завершился монографией (вышедшей посмертно), в которой всесторонне проанализированы обычаи южных славян, связанные с этим праздником [42]. Автор установил, что «Гергьовден» по своей сущности и функции является хозяйственным языческим праздником. Его связь с культом св. Георгия — более позднее явление, возникшее в процессе борьбы христианской церкви с язычеством (V в. н. э.). Этот день знаменует собой начало пастушеского года. Автор считает первичным в его системе обычаев животноводческое ядро, связанное с древней пастушеской культурой на Балканах. В нем обнаруживаются и определенные различия, делящие южнославянскую зону на два крупных ареала — восточный (овцеводческий) и западный (скотоводческий). Граница проходит по реке Сава. Эти различия, по мнению автора, связаны с дославянской этнической традицией фракийцев и иллирийцев, а также с римской пастушеской культурой. Вторым ядром является земледельческое, состоящее из обрядовых комплексов, направленных на плодородие. И в нем выделяются западный и восточный ареалы. В одной из прежних своих работ Т. Колева высказала мнение, что носителями этого ядра являлись славянские племена [43]. Автор отмечает обычай обхода села или пастушеское колядование, сохранившееся в Хорватии и Словении, указывая на его связь с волочebными песнями восточных славян, исполняемыми в Юрьев день. Третье ядро объединяет в себе обряды с оплодотворительной и брачной функцией. В нем выделяются специфические для болгар черты, а именно: брызганье молодоженов молоком или прикосновение к ним кусками свежей брынзы во время обрядовой трапезы и обрядовая кража ребенка.

В заключение автор пишет, что обрядность, связанную с днем св. Георгия, по ее разнообразию можно сравнить лишь с новогодней. В ее практике у всех южных славян выявляется типологическое сходство с признаками этнической специфики каждого из этих народов.

В статье, посвященной балкано-кавказским культурным параллелям, Т. Колева на основании личных наблюдений анализирует сходные черты в новогодних, некоторых весенних обычаях, магических обрядах вызывания дождя и других у южных славян, с одной стороны, и у грузин и армян — с другой. В заключение автор отмечает, что все эти сходства «подтверждают единый характер средиземноморской и кавказской культур» [44, с. 202].

Подробно и красочно описаны Т. Колевой болгарские весенние праздники в [45]. В основе первого праздника весеннего цикла дня св. Трифона — болг. *Трифун Зарезан* (1 февраля), а также кукерских игр, по мнению автора, лежит культ фракийского бога плодородия Диониса, распространенный по всему Балканскому полуострову. Празднование дня св. Власия (11 февраля), унаследовавшего функции древнеславянского бога Волоса, покровителя домашних животных, связано с трудовой деятельностью крестьянина. К весеннему периоду приурочены обычаи и обряды, восходящие, по всей вероятности, как отмечает автор, к древнеславянским молодежным забавам — это *гора*, *зора*, выход девушек и парней за село в ночь на *Гергьовден*, на *Спасовден* и др. Здесь ясно выступает

брачная магия, направленная на плодородие и плодовитость. Интересны обычаи русальской недели. В легендах о самодивах автор видит следы взаимопроникновения древнеславянских и античных представлений о женских мифических существах.

Несколько работ по календарным обычаям опубликовал видный болгарский этнограф П. Петров — автор известной монографии, посвященной поговоркам, связанным с кукушкой [46]. В праздновании Иванова дня (20 января) в Западной Болгарии П. Петров усматривает свадебное ладувание, связанное со свадебными традициями древних славян [47]. Всем видам ладувания у болгар — календарным и свадебным — П. Петров посвящает специальную статью [48]. Болгарские обычаи, связанные с Гергьовым днем, по мнению П. Петрова, содержат в себе следы существовавшей когда-то высокой духовной культуры овцеводов балканокарпатской области. Свои выводы автор подкрепляет этимологическим исследованием терминов горного пастушества, восходящих, по его мнению, к слову *kom 'молоко' [49].

Особый интерес представляет статья П. Петрова, посвященная «кукерям» и «сурвакарям» [50]. Автор на основе анализа личных наблюдений и опубликованного материала пришел к выводу, что обычай «сурвакари» — славянский и связан с животноводством, а обычай «кукери» — фракийское субстратное явление, связанное с земледелием⁷. Славянское происхождение обычая «сурвакари» автор определяет на основании элементов, извлеченных им из структуры славянских маскарадных обычаев. Главные персонажи в них у всего славянства — невеста и жених, дикая или домашняя птица, крупное дикое или домашнее животное, обычно с рогами, или конь. Невеста и жених являются, по мнению автора, отзвуком праславянской свадебной традиции. Первичной основой обычая «сурвакари» автор считает эпизод, в котором парни убивают в лесу крупное животное или птицу, мясо съедают сообща, а голову, кожу и перья используют в маскарадных играх по случаю открытия сезона охоты или наступления нового животноводческого года.

По мнению автора, на первоначальный обычай «кукери», постоянным признаком которого является ритуальный посев, что обеспечило ему такую консервативность, наслонились славянские обычаи. От них он получил маски — с бородой петуха, с конским хвостом, с рогами, свадебные моменты, персонажи: старец и баба. Остаточным элементом в обычае «кукери» следует считать персонажей: царя и царицу. Теперь чаще «сеют» сами кукери. Вот элементы первоначального содержания этого обычая: танец, заканчивающийся падением исполнителей, как бы убитых, пахание сохой и сеяние и затем общее веселье по случаю наступления нового земледельческого года. Здесь речь идет, по мнению автора, о неизвестном до сих пор в этнографии фракийском празднике сева. П. Петров не упоминает о том, что ритуальное пахание и посев известны и славянам, о чем пишет Т. Д. Златковская, которая, однако, отмечает, что фрагменты с прибытием на сев царя в двуколке, запряженной обрядовой парой волов, характерны именно для обычая «кукери» и отсутствуют у славян [51].

Обычаю «сурвакари» посвящена статья Цв. Мановой [52]. На основании личных наблюдений в Западной Болгарии она приходит к выводу, что обрядовая сущность этого славянского обычая, кроме уже отмеченных в литературе сторон, имеет подчеркнутую свадебную основу, связанную с женитьбой юношей, достигших половой зрелости, о чем говорят сохранившиеся в нем моменты древней славянской свадьбы.

Ряд статей и заметок посвятили происхождению, типологии, театральным элементам и реквизиту кукерских игр М. Черкезова, Р. Кацарова, Г. Краев, М. Бочев и др. [53]. Академик В. И. Георгиев в своей этимологической заметке пишет, что обычай «кукери» может быть славянского или предславянского происхождения, но слова *кук*, *кукер/кукир* — славянского происхождения [54].

⁷ Такое же деление проводит и Т. Д. Златковская [51].

В статье, посвященной карнавальным играм и обычаям у болгар, Х. Вакарелски ставит перед собой цель направить их историко-генетическое изучение по более «правдоподобному» пути, чем это было до него. Он устанавливает основные драматические элементы в болгарских карнаваль-ных обычаях и родственные им элементы у отдаленных от фракийско-греческого античного мира народов. Хр. Вакарелски приходит к выводу о том, что в основных своих чертах карнаваль-ные обычаи являются достоянием всего славянства и их корни уходят в далекое прошлое арийских и других народов [55].

Обычаям и повериям, связанным с днем летнего солнцестояния (24 июня), посвящены статьи Р. Дражевой [56]. Автор всесторонне исследует аграрные обряды, исполняемые в этот праздник, у восточных и южных славян, выявляет ряд общих для них черт: перепрыгивание через огонь, обрядовые танцы вокруг костра, в поле или на берегу реки; наличие антропоморфной фигуры и ее уничтожение; использование растительных апо-тропей. Р. Дражева приводит большой материал по названиям праздника, в частности, по вопросу о происхождении терминов «Купало» и подобных, которые встречаются у белорусов и украинцев. Автор сближает их с древнеязыческим божеством плодородия Купало, который впервые встречается в источниках XIII в. С этим днем связаны поверия славян об игре солнца, о необыкновенном цветке папоротника, приносящем счастье, о скрытых в земле сокровищах. Материал из разных славянских зон убеждает автора в необоснованности утверждения некоторых этнографов (в частности Д. Зеленина) о том, что указанный праздник не имеет отношения к культуре солнца. Следы культа солнца автор видит в повериях о волшебном цветке папоротника, который неслучайно у некоторых славян (сербы, хорваты) называется *перунов цвят*, *sunšek*, и он расцветает, когда солнце побеждает «черного волка», т. е. темные силы. У болгар существует представление о золотом цветке папоротника. О древности поверий, связанных со скры-тыми в земле сокровищами, которые откапывают в Иванов день, можно судить, по мнению автора, на основании полного их совпадения у всех славянских народов, что свидетельствует об их этнокультурной общности, сложившейся в результате тесного их общения, существовавшего перед их расселением.

Ст. Генчев провел сравнительное исследование болгарского календар-ного праздника *Петловден* (20 января) и русской *Троецъпятницы* [57]. Автор отмечает, что при сравнительных исследованиях важно, чтобы из-бранные обычаи имели бы генетическую связь и были бы достаточно полно изучены каждый в отдельности. Такими обычаями и являются *Петловден* и *Троецъпятница*⁸. М. Николова высказала предположение о древне-славянском происхождении праздника «Петловден» [59]. Ив. Дуйчев свя-зывает его с древнерусскими языческими жертвоприношениями [60]. Ст. Генчев устанавливает общие черты и различия указанных обычаев. Основным элементом общности названий обычаев у болгар и у русских яв-ляется признак *жертвенная птица*. В отношении участников праздника так-же наблюдается общность: ими являются замужние женщины. Как субъект в первом обрядовом комплексе (закалывании птицы) выступает мальчик, не достигший половой зрелости. У болгар жертвенная птица (петух) сим-волизирует мужское начало и стимулирует деторождение вообще. У рус-ских с полем жертвенной птицы (курицы) связан отказ от брачной жизни и деторождения. Похороны останков птицы являются общей чертой для обоих народов. Это означает, что одинаковым является и отношение к ос-танкам, как к чему-то священному, имеющему отношение и к миру предков. Важным общим элементом является и сохранение всех костей птицы, осно-ванное на представлении, что от этого зависит здоровый приплод птиц. Автор считает, что оба обычая имеют языческую основу, но степень хри-стианизации у них разная. Выявленные различия автор объясняет, допус-кая возможность развития рассмотренных обычаев из различных конкрет-ных форм жертвоприношения птиц у древних славян. Автор предполагает

⁸ Троецъпятнице посвящена одна из работ Д. К. Зеленина [58].

существование особой этнической близости между болгарскими славянами и восточнославянскими племенами, понимая, однако, что для доказательства этого этнографического материала недостаточно.

Сопоставительный анализ календарных праздничных обычаев у болгар и у чехов представлен в статье Б. Тумангелова [61]. Им установлены общие черты по четырнадцати праздникам.

И. Георгиева выступила с рядом статей, посвященных болгарским календарным праздникам — *Гергьовден, Ильинден, Тодоровден*, св. Марины и др., — в которых она усматривает античные (балканские) черты [62].

В статье В. Кузмановой весенние обряды анализируются как системы общения между членами коллектива в патриархальной деревне, важным элементом которой является социализация молодого поколения, и в первую очередь девушек [63, с. 115—146].

Календарные праздники и обычаи населения Добруджи подробно описаны и проанализированы М. Василевой [11, с. 301—345]. Она обращает внимание на степень сохранности обычаев и на различия, наблюдаемые в этнографических группах (главанци, гребенци, капанци, шиковци и др.), высказывает мнение о том, что при распадении традиционной календарной системы особо устойчивыми оказываются обычаи, связанные с каким-либо культом или имеющие развлекательно-зрелищный характер.

Описание праздников и обычаев населения Пиринского края принадлежит Р. Дражевой, которая отметила, что традиционная календарная система в этом регионе имеет тесные связи с Родопской областью, юго-восточными и западными районами страны [12, с. 422—457].

В рассматриваемый период опубликовали работы, посвященные рождеству — М. Габровски [4, 1975, кн. 1, с. 50—53], новому году — М. Халачева [35, 1976, кн. 3, с. 59—63], первому марта — М. Габровски [64], «младенцам» — Б. Карталева [4, 1976, кн. 2, с. 42—48], Трифону Зарезану — Л. Пенева-Сыбева [3, кн. XIII, с. 53—93], В. Георгиева [35, 1977, кн. 2, с. 63—67].

Работа С. Генчева, посвященная обычаю «Герман», связанному с днем св. Германа [35, 1973, кн. 2, с. 31—39], является обобщающей. Автор на основании опубликованных и архивных материалов анализирует связи этого обычая со всей обрядовой системой в Добрудже. Основной его смысл и функция раскрываются автором на базе характерных для периода конца XIX — начала XX в. представлений о засухе и о похоронном обряде. С. Генчев считает, что в нем нет следов бытового контакта болгар с румынами. Такие следы имеются лишь у гребенцев, и то в языковом плане.

Обрядом вызывания дождя («напратник») и защиты от града у родопских болгар посвящена статья А. Примовского [65].

Из обычаев, связанных с трудовой деятельностью болгар, лишь немногие явились предметом изучения в указанный период. С. Генчев посвятил свою статью строительным обычаям [35, 1974, кн. 2/3, с. 68—74]. Автор определил их сущность как этнографического явления в рамках всей системы болгарских обычаев. Прямую связь со строительством имеют два обрядовых комплекса — замуровывание (болг. *вграждане*) и процедура произведения благопожеланий собственнику нового дома, предшествующая возведению крыши (болг. *викане*), исполнителем которых является мастер-строитель. Это и есть собственно строительные обычаи. С. Генчев указывает на их прямую связь с семейными обычаями. В обрядовом комплексе *вграждане* видна связь с похоронным обрядом и с культом предков. Строительные и сельскохозяйственные обычаи у населения Добруджи описаны также С. Генчевым [41, с. 352—360].

Обычаем, связанным с севом, у южных славян посвящен доклад Т. Колевой [66], жатвенному обряду «брада» — статья Ж. Стаменовой [35, 1974, кн. 1, с. 76—83].

Поверьям и предсказаниям, связанным с хозяйственной деятельностью болгар, посвятила свою статью Р. Дражева [4, 1976, кн. 1, с. 54—65]. Е. Колева пишет об отражении ткачества в обычаях и поверьях населения Пловдинского края [21, с. 215—219].

В последние годы внимание болгарских ученых привлекали различные

вопросы, связанные с функционированием элементов материальной культуры в обрядах. Типологии материальной культуры в обрядах посвятил свою статью Л. Миков [67, с. 126—134], функции и символике народной материальной художественной культуры (вышивки, одежды и т. п.) в обрядовой и общественной практике — Г. Михайлова [68, с. 106—111; 4, 1978, кн. 2, с. 15—22; 63, с. 52—85], Л. Йорданова — *сурвачкам* (праславянская черта) [3, кн. XI, с. 265—330] и *мартеницам* [3, кн. XIV, с. 195—227], обрядовым хлебом — В. Георгиева [4, 1975, кн. 2, с. 58—64], Н. Ценкуловски [69, 1978, кн. 3, с. 59—68], Ст. Янева [63, с. 283—310, писаным яйцам — Л. Миков [63, с. 340—346] и др.

В эти же годы вышло несколько статей по обрядовой символике и эстетике. М. Беновска проанализировала символику обряда «пеперуда», проследив символ бабочки на всех уровнях обрядового синкретизма: песня, обрядовый диалог, танец, визуальный образ [67, с. 142—153], а также символику и эстетические измерения обряда «Герман» [63, с. 235—257]. Третья ее статья посвящена символу-кругу, проявляющемуся в обрядовой практике в виде венков, обрядовых хлебов, колец, браслетов и др. и круговых движений и жестов у жителей северо-западной Болгарии [69, 1980, кн. 3, с. 75—82]. Р. Иванова пишет о символике обрядовой речи в предсвадебных обрядах, указывая на общеславянские черты [69, 1980, кн. 3, с. 35—45] и о социальной символике весенней обрядности [63, с. 29—52], Н. Мизов — о празднично-обрядовой символике [70]. Обрядовое травестирование как эстетический элемент зимней обрядности исследует в своей статье Г. Краев [63, с. 146—173].

Много работ написано по обрядовому фольклору. В монографии Т. Ив. Живкова «Народ и песня» рассматриваются вопросы взаимосвязи между обрядовыми и фольклорными циклами и их места в системе обычаев патриархального села [71]. Вышел сборник статей, посвященных обрядам и обрядовому фольклору [63]. Под редакцией Т. Ив. Живкова издан том обрядовых песен [72]. Выделяется цикл работ Р. Ивановой, которая всесторонне изучила свадебные песни болгар, их поэтику [73], структуру [69, 1975, кн. 2, с. 62—76], язык [74], а также свадебные плачи [21, с. 111—115]. Ею изучались свадебные песни и других южных славян [75]. Исследованием свадебных песен занимался и Н. Кауфман [76]. Свадебным плачам русских и болгар посвящена статья Е. Критской-Ивановой [69, 1981, кн. 1, с. 50—63].

Ряд статей посвящен плачам по умершему. Среди них выделяются своим этнографическим подходом статьи С. Генчева. Он рассматривает обрядовые песни как источник для изучения обряда, предлагает классификацию плачей строить по признаку наличие/отсутствие приглашения покойнику вернуться в дом, который определяется моментом в похоронном обряде, после которого умерший якобы уже не может перевоплотиться и стать опасным для живых. В разных этнографических зонах этот момент по народным представлениям наступает в разное время. В большинстве районов страны — на сороковой день после смерти; в Смолянском округе он совпадает с погребением [77]. В Родопах С. Генчев выявил три типа традиционного оплакивания и, соответственно, плачей: 1. по умершему, 2. на свадьбе, 3. при расставании на долгое время (проводы на военную службу, на заработки) [78]. Наиболее пространными являются исследования плачей Р. Кацаровой [79] и Д. Кауфман [63, с. 257—283], которые дают общую картину плачей и связанную с ними терминологию для всей Болгарии. Д. и Н. Кауфман опубликовали несколько статей, посвященных плачам на похоронах и на свадьбе в Родопах [69, 1977, кн. 1, с. 35—51; 67, с. 192—196], оплакиванию Германа [80]. Д. Тодоров в своих докладах анализирует художественные особенности болгарских плачей [1, с. 143—147], место и функции плачей в похоронном обряде [81].

Рождественский фольклор нашел отражение в работах Т. Ив. Живкова о рождественской благословии [3, кн. XV, с. 55—88], Т. Джиджева — о структуре синкретической формы в рождественских песнях [69, 1977, кн. 4, с. 14—28], о функционально-интонационных типах в рождественских песнях [63, с. 196—235], Л. Литовой-Николовой — о роли припевок

в процессе ладообразования в некоторых рождественских песнях [69, 1979, кн. 1, с. 38—47].

Фольклор, связанный с Ивановым днем (болг. *Еньовден*) на материале всех славянских народов исследовала Р. Дражева, сосредоточив свое внимание на его социально-бытовой функции [68, с. 272—278].

В своей статье В. Кузманова рассматривает *лазаруване* как обрядовую коммуникативную ситуацию, как тип фольклорной коммуникативной ситуации [68, с. 169—174].

М. Самоковлиева изучила территориальное распространение некоторых типов календарно-обрядовых песен в Северной Болгарии [69, 1978, кн. 4, с. 15—33].

Фольклор, связанный с народными поверьями, нашел отражение в работах Л. Богдановой, посвященных песне «Орисана невеста» [3, кн. XIII, с. 175—223] и песням, в которых поется о мифической любви змея к человеку [3, кн. XIV, с. 239—261].

О заговорах и заклинаниях пишет П. Маджаров [69, 1978, кн. 1, с. 50—57]. М. Младенов исследовал язык заговоров [82, с. 96—100].

И. Георгиева опубликовала ряд работ, посвященных характеристике традиционного народного мировоззрения болгар [4, 1976, кн. 1, с. 20—38; 12, с. 457—478; 13, с. 150—159]. Автор отмечает, что для мировоззрения болгарского народа характерно жизнеутверждающее начало, в нем мало места занимает христианская религия и преобладают языческие представления [13, с. 159].

С. Стоев, опираясь на высказывание В. И. Ленина о необходимости изучения «народной философской мысли» и создания труда, в котором было всесторонне исследовано мировоззрение народа, отраженное в его устном творчестве [83], попытался создать такой труд на основе материалов по болгарской народной духовной культуре [84].

С мировоззрением народа тесно связаны его демонологические и мифологические представления, общую характеристику которых у населения Пиринского края дает И. Георгиева [12, с. 469—478]. Названия демонических существ, образованные от общеславянского *тог* в болгарском языке (*мора, морава, мара, марен, марок*) исследует У. Дукова [82, с. 108—114]. О суеверии и мистике у населения Кырджалийского округа пишет С. Савов [85]. О бесах в долине реки Чая сообщает Б. Чапыров [86]. Ж. Стаменова в своем докладе анализирует южнославянские обычаи, относящиеся к защитнику-покровителю [87]. Народные поверья о вихре исследует Н. Колев [88].

Мифологическим представлениям, связанным с животными, посвятили свои статьи С. Генчев и И. Георгиева. Проанализировав поверья и ритуальные действия, связанные с лаской (болг. *невестулка*), С. Генчев пришел к выводу, что они возникли в результате взаимодействия славянской и античной традиций⁹. Автор устанавливает связь: девушка — животное — молодая замужняя женщина. Он находит общие черты в двойственном отношении к ласке и к умершему как к покровителю и как к вредителю, возводит их к представлениям первобытных о потустороннем мире [91]. Несколько ранее опубликована статья языковеда М. Младенова, посвященная болгарским названиям ласки. Автор считает наиболее древними названия, образованные от основ *невест-* и *булк-*, дающие на карте тип бинарного противопоставления, обычно свидетельствующего об архаичности явлений [92].

В небольшой статье И. Георгиевой [93] в сжатой форме рассматриваются вопросы, связанные с культом змеи — хранительницы домашнего очага, известным не только у славян, но и у других индоевропейских народов. Особенно широко он распространен в Средиземноморье, что объясняется наличием в этой зоне различных видов змей. По мнению автора, культ змеи тесно связан с культом предков. В системе представлений о змеedomом могут быть открыты следы старых форм религиозного сознания

⁹ О культе ласки у славянских и других народов см. статьи А. В. Гуры [89] и Т. В. Цивьян [90].

и прежде всего тотемизма. Их фрагментарность у некоторых народов говорит, по всей вероятности, о сравнительно раннем отделении от индоевропейской общности. У восточных славян со временем развивается антропоморфный образ домового. С приходом славян на Балканский полуостров создаются условия для возрождения их представлений о змее, а отсюда и для восприятия ими подобных традиций у позднего античного населения. Часть славян принесли с собой, вероятно, и антропоморфный образ домового. Этим автор объясняет существующий у болгар параллелизм указанных представлений.

В области мифологии растений две работы опубликовал П. Петров. В одной из них он анализирует поверия, связанные с вторичным цветением фруктовых деревьев, предвещающим голодную зиму, а в единичных случаях — смерть [3, кн. XIV, 1972, с. 229—239], а во второй всесторонне исследует народные представления о целебных свойствах орешника [3, кн. XVI, 1975, с. 375—457].

О явлениях табу, отраженных в болгарском песенном и прозаическом фольклоре, пишет Й. Коцева [69, 1975, кн. 2, с. 50—62; 82, с. 114—127].

Итак, изучение болгарской традиционной духовной культуры в Народной Республике Болгарии ведется интенсивно и многопланово. Наряду с большой собирательской работой, создаются труды обобщающего характера. Стремление болгарских ученых совершенствовать теорию и методологию своих исследований приведет их к еще большим достижениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Етногенезис и културно наследство на българския народ. Етнографски институт с музей. БАН. София, 1971.
2. L'ethnogenese des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenese des peuples balkaniques. Studia balcanica, V. Academie bulgare des Sciences. Institut d'etudes balkaniques, Sofia, 1971.
3. Известия на Етнографския институт и музей (ИЕИМ). София, 1953—1975.
4. Българска етнография (БЕ). София.
5. Ethnologia slavica (ES). Bratislava; Советская этнография (СЭ). М.
6. Арнаудов М. Очерци по българския фолклор. Т. I, 1968, т. II, 1969, София. *его же*. Студии върху български обреди и легенди. Т. I, 1971, т. II, 1972. София.
7. Маркова Л. В. Этнографическая наука в Народной Республике Болгарии.— Этнография в странах социализма. М., 1975, с. 52—93; *ее же*. Этнографската наука в НР България.— Этнография на България. Т. I. София, 1980, с. 151—164.
8. Вакарелски Х. Bulgarische Volkskunde. Berlin, 1969.
9. Вакарелски Х. Этнография на България. София, 1 изд. 1974, II изд., 1977, с. 406—526.
10. Маринов Д. Избрани произведения в два тома. Т. I. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1981, 816 с.
11. Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974, с. 265—360.
12. Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980, с. 379—490.
13. Българска народна култура. Историко-етнографски очерк.— Наука и изкуство. София, 1981, с. 150—207.
14. Этнография на България. В три тома. Т. I. Увод в етнографската наука и социално-нормативна култура. София, 1980, 376 с.
15. Хаджипанолов В. Этнографската наука в България пред сериозни задачи.— БЕ, 1975, кн. 1, с. 8—25.
16. Генчев С. Захари Княжески и студията му за семейните обичаи на българите.— Векове, 1976, кн. 6, с. 70—74; *его же*. «Българските поверия» на З. Княжески и изучаването на традиционната духовна култура.— БЕ, 1978, кн. 2, с. 65—70; *его же*. Райко Жинзифов — преводач и популяризатор на «Показалец...» от Г. С. Раковски.— Векове, 1977, кн. 6, с. 82—87; *его же*. Малко познат етнографски принос на Марин Дринов.— БЕ, 1979, кн. 1, с. 80—83.
17. Гандев Х. Условия за образуване на българската народност.— Етногенезис и културно наследство на българския народ, с. 63—69; Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971.
18. Гандев Х. Етнографски закономерности в образуването на българската нация. I конгрес на Българското историческо дружество (БИД). София, т. II. 1972, с. 130—131.
19. Генчев С. Мястото на традиционната обичайна система в етнографската експозиция.— Известия на БИД, кн. XXIX, 1974, с. 299—305.
20. Георгиев Г. Освобождението и етнокултурното развитие на българския народ (1877—1900). София, 1979.

21. Фолклорът и народните традиции в съвременната национална култура. София, 1976.
22. Problemy kultury ludowej. Materiały z II Międzynarodowej konferencji etnografów słowiańskich. Poznań — Włajejewko 11/12X. 1974. Warszawa — Poznań, 1976, s. 181—219.
23. Генчев С. Етнографски аспекти на народната култура. Етнична натовареност, специфика, стил и функции. Изв. на БИД, кн. XXXII, София, 1979, с. 261—280.
24. Ganchev Ch. Ethnographische Forschungsaspekte in der Ethnogenese des bulgarischen Volkes.— ES, t. III, 1972, s. 66—67.
25. Vakarelski Ch. Das historische Wesen der Ethnographie und eine vordringliche Aufgabe der slawischen Ethnologen.— ES, t. III, 1972, s. 77.
26. Колева Т. О некоторых вопросах развития обычаев (на болгарском материале).— СЭ, 1969, кн. 1, с. 68—78.
27. Музеи и паметници на културата, 1975, кн. 1—2, с. 24—35; 1969, кн. 1; 1977, кн. 2, с. 29—37.
28. Генчев С. Етнографски успоредици на ятовата граница в Северна България. София, 1969. (Автореферат; *его же*. Етнографски аспекти на ятовата граница.— I конгрес на БИД, т. II. София, 1972, с. 145—148; *его же*. Към проучване на различията между обичаите при погребение от две страни на ятовата говорна граница в Северна България.— ИЕИМ, кн. XI, 1968, с. 169—199; *его же*. Семейни обичаи и обреди.— Добруджа, с. 265—301 и др.
29. Терновская О. А. Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов.— Советское славяноведение, 1975, № 5, с. 47—58; Толстой Н. И. К вопросу о классификации славянских диалектов.— Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973; *его же*. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этнографических исследований.— Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.
30. Ganchev St. Gemeinsame Elemente im Brauchsystern von Bulgaren und Russen. Das rituelle Wärmen der Toten mit Feuer.— ES, t. VIII—IX, 1977, s. 227—234.
31. Зеленин Д. Народный обычай «греть покойников».— Сб. Харьковского историко-филологического общества, т. XVIII, 1909, с. 256—272.
32. Въжарова Ж. Погребалният обряд като исторически източник за етническата същност на българската народност (по археологически и етнографски данни).— Археология. София, 1977, № 2, с. 30—50.
33. Халачева М. Към проучване на погребалните обичаи в Пловдивско.— Изв. на музеите от Южна България, 1976, кн. 2, с. 165—177; *ее же*. Традиционни погребални обичаи и обряди от Хисарския район на Пловдивския край.— Изв. на музеите от Ю. България, 1979, кн. 5, с. 175—195.
34. Сефтерски Р. За антропоморфните надгробни камъни в североизточка България.— I конгрес на БИД, т. II. София, 1972, с. 271—281; Койчева В. и Пенева Е. Надгробни паметници от с. Тича Сливенски окръг от XIX в.— Изв. на БИД, кн. XXIX, 1974, с. 355—373; Любенова И. Изкуството на българските надгробни паметници.— Изкуство, кн. XXVIII, 1978, № 1, с. 40—46.
35. Векове. БИД. София, 1972.
36. Колева Т. Зимний цикл обычаев южных славян (к вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности) — СЭ, 1971, № 3, с. 40—51.
37. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973, с. 266—283.
38. Колева Т. За произхода на пролетните момински обичаи.— Проблеми на българския фолклор. София, 1972, с. 367—373; Koleva T. Institut des initiations en Bulgarie.— ES, t. V, 1974, p. 163—183.
39. Koleva T. Vestiges des rites d'initiation dans les coutumes de printemps des jeunes filles bulgares.— Etudes balkaniques, 1974, 1, p. 65—85.
40. Колева Т. Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов.— СЭ, 1974, № 5, с. 74—85.
41. Колева Т. Типология на гергьовденските обичаи.— I конгрес на БИД, т. II. София, 1972, с. 193—197; Koleva T. Sur l'origine d'une groupe de coutumes et dans le region Balkano-Carpatique. Thracia, II, 1974, p. 219—225; Koleva T. Sur l'origine de la fete de Saint-Georges chez les Slaves du Sud. ES, t. VI, 1976, p. 147—175.
42. Колева Т. Гергьов ден у южните славяни. София, 1981, 212 с.
43. Koleva T. Sur l'origine d'une groupe de coutumes et rites dans le région Balkano-Carpatique. Tracia, II, 1974, p. 219—225.
44. Koleva T. A. Parallèles balkano-caucasiens dans certains rites et coutumes.— ES, t. III, 1972, p. 181—202
45. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977, с. 274—295.
46. Петров П. А. Етнографски елементи на славяно-балто-германска общност. София, 1966.
47. Петров П. А. Ивановден в Живовци, Михайловградско.— ИЕИМ, кн. XI, 1968, с. 201—265.
48. Петров П. Обичаят ладуване и мястото му в бита на българите.— Фолклор, език и народна съдба. София, 1979, с. 110—116.
49. Петров П. А. Към въпроса за основите на балкано-карпатското овцевъдство.— ИЕИМ, кн. XIII, 1971, с. 5—51.

50. *Петров П. А.* Кукери и сурвакари.— Изв. на БИД, кн. XXVIII, 1972, с. 267—281; *его же.* Кукери — един български обичай от античен произход.— Етногенезис и културно наследство на българския народ, с. 115—119.
51. *Златковска Т. Д.* О происхождения некоторых элементов кукерского обряда у болгар.— СЭ, 1967, № 3, с. 31—46.
52. *Манова Цв.* Женитбени белези на обичая сурвакари в Западна България.— Векове, 1977, кн. 4, с. 24—29.
53. *Черкезова М.* Типология и разпространение на сирваскарски и кукерски маски, обредно облекло и реквизит в България.— I конгрес на БИД, т. II, 1972, с. 189—193; *ее же.* Кукерски обичаи и маски.— Векове, 1974, кн. 2/3, с. 42—56. *Кацарова Р.* Кукери в село Вресово (Айтоско) и в село Аспарухово (Провадийско).— Сб. Изследвания в чест на акад. М. Арнаудов. София, 1970, с. 433—455; *Краев Г.* Типология на категорията пародия в кукерския обред по материали от с. Турия и с. Павел Баня Старозагорско.— Сб. Фолклор, език и народна съдба. София, 1979, с. 154—165; *Бочев М.* Кукерски игри. Кукери. Кукерски маски.— Проблеми на изкуство, 1976, кн. 3, с. 27—34.
54. *Георгиев В. И.* За произхода на думите *кук*, *кукер*, *кукир*.— Български език, 1978, кн. 4, с. 334—335.
55. *Vakarelski Chr.* Jeux et coutumes théâtrales chez les Bulgares. ES, t. 1, 1970, p. 121—142.
56. *Дражева Р.* Аграрни магически обреди, свързани с деня на лятното слънцестоене при източните и южните славяни (XIX — начало XX в.).— ИЕИМ, кн. XIV, 1972, с. 175—195; *ее же.* Поверия на славянските народи, свързани с лятното слънцестоене.— Векове, 1975, кн. I, с. 41—47; *ее же.* Обряды, связанные с охраной здоровья в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян.— СЭ, 1973, № 6, с. 109—119.
57. *Генчев С.* Общи елементи в обичайната система на българи и руси. Българският Петловден и руската Троещилатница.— БЕ, 1979, кн. 2, с. 21—38.
58. *Зеленин Д. К.* Троещилатница (етнографическое исследование). Вятка, 1906, 54 с.
59. *Николова М.* Обичаят Петловден.— Изв. на народен музей. Варна, кн. IX, 1973, с. 153—180.
60. *Дуйчев Ив.* К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси.— Культурное наследие Древней Руси (истоки, становление, традиции). М., 1976, с. 31—34.
61. *Timangelov B.* Ähnlichkeiten und Unterschiede in den Systemen der Kalenderfestbräuche (Winter und Frühlingszyklus bei den Tschechen und Bulgaren. ES, t. III, 1972, p. 213—220.
62. *Георгиева Ив.* Някои антични следи в българските народни вярвания и обичаи.— Изв. на БИД, кн. XXVII, 1970, с. 21—23; *ее же.* За произхода на един народен празник.— Сб. Изследвания в чест на акад. М. Арнаудов. София, 1970, с. 423—433; *ее же.* Един старинен култ в Родопите, Странджа и междуречието на Струма и Места.— Родопски сб., кн. III, 1972, с. 159—175; *ее же.* Sur certaines influences thraces dans la culture spirituelle du peuple bulgare.— Thracia II, 1974, p. 213—217; *ее же.* За произхода на култа на св. Модест.— Сб. Въпроси на етнографията и фолклористиката. БАН. 1980, с. 87—92.
63. Обреди и обреден фолклор. БАН. София, 1981, 348 с.
64. *Габровски М.* Първомартенски обичаи у капаците.— Музеи и паметници на културата, 1977, № 1, с. 13—17.
65. *Примовски А.* Общност на някои обичаи у родопските българи.— Народността и битова общност на родопските българи. София, 1969, с. 171—196.
66. *Koleva T.* Un model des coutumes des semailles chez les Slaves du Sud.— Actes du Premier congrès international. Des études balkaniques et sud-est européennes, t. VII. Sofia, 1971, p. 457—461.
67. Фолклор, език и народна съдба. БАН. София, 1979.
68. Фолклор и общество. БАН. София, 1977.
69. Български фолклор (БФ). БАН. Институт за фолклор. София, 1975.
70. *Мизов Н.* За празнично-обредната и ритуална символика.— Атеистична трибуна, 1979, № 4, с. 3—13.
71. *Живков Т. Ив.* Народ и песен. София, 1977.
72. Обредни песни.— Българска народна поезия и проза, т. 2. София, 1981, 503 с.
73. *Иванова Р.* Поетика на българската народна сватбена песен. София, 1975; *ее же.* Обредните песни при пригответе на сватбения хляб (засевки).— ИЕИМ, кн. XV, 1974, с. 113—132; *ее же.* Тенденции в развитието на песните от сватбения цикъл.— Сб. Въпроси на етнографията и фолклористиката. София, 1980, с. 58—67.
74. *Иванова Р.* За езика на сватбените песни.— Сб. Език и поезия на българския фолклор, 1980, с. 101—108.
75. *Иванова Р.* Развой на обредното песенно изкуство у южните славяни през XX в. (По материали от сватбения цикъл).— Славянска филология, т. XVI. София, 1978, с. 364—375.
76. *Кауфман Н.* Българската сватбена песен. София, 1976; *его же.* Свадебни песни сербов и болгар.— Македнски фолклор, год. V, Скопје, 1972, кн. 9—10, с. 167—172.
77. *Генчев С.* Българската оплаквателна песен — додялба и място в обредите при погребение.— Сб. Проблеми на българския фолклор. София, 1972, с. 359—367.

78. *Генчев С.* Оплакването в Родопите. — Векове, 1980, кн. 3, с. 30—37; *его же.* Оплакването в четири села от Смолянско. — ИЕИМ, кн. XIV, 1972, с. 261—279.
79. *Кацарова Р.* Оплакване на покойници. — Изв. на Ин-та за музика, т. XIII. София, 1969, с. 177—202.
80. *Кауфман Н.* Оплакване на Герман у капанците. — Изв. на ин-та за музика, т. XIII, с. 155—175; *его же.* Едновременни и многогласни оплаквания на покойници. — Сб. Въпроси на етнографията и фолклористиката. София, 1980, с. 140.
81. *Тодоров Д.* Мястото и функциите на оплаквателната песен в погребалния обичай. — I конгрес на БИД, т. II. София, 1972, с. 235—239.
82. *Език и поезика на българския фолклор.* БАН. София, 1980.
83. *Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин* об устном народном творчестве. — СЭ, 1954, № 4, с. 119—120.
84. *Стоев С.* Светогледът на българския народ през вековете. София, 1978.
85. *Савов С.* Суеверие, мистика и гадателство в Кърджалийски окръг. — Атеистична трибуна, 1976, кн. 2, с. 68—74.
86. *Чапыров В.* Бесите по поречието на река Чая. — Тракия, 1976, кн. 3, с. 195—200.
87. *Стаменова Ж.* Южнославянските обичаи, посветени на закрилника-покровител. — България в света от древността до наши дни. II конгрес на БИД, т. II. София, 1979, с. 567—573.
88. *Колев Н.* Народни представи и вярвания за вихрушката. — Въпроси на етнографията и фолклористиката. София, 1980, с. 77—87.
89. *Гура А. В.* Ласка (*Mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. — Славянский и балканский фольклор. М., 1981, с. 121—139.
90. *Цивьян Т. В.* К мифологическим обоснованиям одного случая табу: ласка (*Mustela vulgaris*). — Проблемы славянской этнографии. Л., 1979, с. 187—193.
91. *Генчев С.* Български ритуални практики, свързани с невестулка. — ИЕИМ, XIII, 1974, с. 161—175.
92. *Младенов М.* Един случай на табу в българския език. — Изв. на Ин-та за български език, т. XVI, 1968, с. 497—506.
93. *Георгиева Ив.* Змията-стопан в българските народни вярвания. — Векове, 1978, кн. 2, с. 23—30.

ГРАНЧАК И. М.

IX ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ

21—23 сентября 1982 г. в г. Ужгороде состоялась IX Всесоюзная научная конференция историков-славистов, приуроченная к 60-летию образования СССР и посвященная «Узловым вопросам советского славяноведения в свете решений XXVI съезда КПСС». Конференцию организовали Министерства высшего и среднего специального образования СССР и УССР, Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Ужгородский государственный университет.

В работе конференции приняли участие 286 человек, представлявших около 100 научных и учебных заведений, их филиалов и отделений, 68 городов страны. На пленарных и секционных заседаниях обсуждено 282 доклада и сообщения.

Конференцию открыл председатель Оргкомитета, ректор Ужгородского университета проф. В. И. Лендбел. С приветствием к участникам конференции обратился министр высшего и среднего специального образования СССР, чл.-корр. АН СССР В. П. Елютин. «XXVI съезд КПСС, — говорится в приветствии, — указал на необходимость дальнейшего расширения фундаментальных теоретических исследований мирового революционного процесса, социально-политического и культурного прогресса народов, вступивших на путь строительства социализма, закономерностей развития мировой социалистической системы. Этим определяется актуальность историко-славистических исследований». Тов. Елютин В. П. призвал работников высшей школы, в том числе и историков-славистов улучшить подготовку кадров, формировать у студентов марксистско-ленинское мировоззрение, воспитывать молодежь активными борцами за дальнейшее укрепление могущества нашей Родины, за братскую дружбу народов Советского Союза и зарубежных социалистических стран в духе пролетарского интернационализма, за международное сотрудничество во имя мира и прогресса.

На первом пленарном заседании участники конференции с большим вниманием заслушали доклад секретаря Закарпатского обкома Компартии Украины Н. Н. Семенюка — «Образование СССР и расцвет Закарпатья в братской семье народов Советского Союза», в котором он рассказал о громадных успехах, достигнутых трудящимися Советского Закарпатья при братской помощи всех советских народов. Из полуколонии, из самого отсталого уголка в центре Европы Закарпатье волею советских людей превратилось в цветущий край, в индустриально-аграрную область Советской Украины. Докладчик высоко оценил достижения ученых области в изучении проблем славистики и подчеркнул, что проведение в Ужгороде IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов будет способствовать дальнейшему развитию научных исследований в этой области. В докладе В. П. Чугаева — «Образование СССР и зарубежные славянские народы» раскрыто значение создания Советского многонационального государства для зарубежных славянских народов. Докладчик охарактеризовал

отношения между СССР и зарубежными славянскими странами в 20—30-х годах, значение помощи советского народа трудящимся Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии в освобождении от фашизма, в борьбе за победу народно-демократических и социалистических революций, в строительстве социализма.

В докладе В. В. Зеленина и В. Г. Карасева дана оценка достижений советских историков-славистов и определены задачи главных направлений развития славяноведения в свете решений XXVI съезда КПСС: изучения общих закономерностей и этапов развития социалистического сотрудничества, истории социалистического строительства, рабочего и национально-освободительного движения, истории международных отношений и межславянских связей, этногенеза и этнической истории, историографии и источниковедения. Авторы подчеркнули необходимость усиления критики буржуазных, ревизионистских и националистических фальсификаций исторического процесса.

Доклад В. И. Злыднева был посвящен изучению истории культуры, которая в качестве самостоятельной отрасли знаний впервые выносилась на этой конференции. Рост внимания ученых к истории культуры свидетельствует о возрастающей роли культурных процессов в развитии современного общества. Автор призвал комплексно изучать культуру зарубежных славянских народов с древнейших времен и до наших дней, уделяя главное внимание обобщению глубоких культурных преобразований в период строительства социализма.

Для решения больших задач, стоящих перед историками-славистами, необходимо, подчеркивали докладчики, улучшить координацию научных исследований, расширить сотрудничество ученых СССР и братских социалистических стран, совместно вести комплексное исследование истории и культуры зарубежных славянских народов.

После пленарного заседания работа конференции продолжалась в девяти секциях. В отдельных секциях, где было заявлено много докладов и сообщений, были выделены подсекции. Это дало возможность более глубоко рассмотреть включенные в программу вопросы.

В первой секции — «Великий Октябрь и кризис буржуазно-политической системы в зарубежных славянских странах» было представлено 48 докладов и сообщений, в которых глубоко раскрывались влияние Великого Октября, успехов социалистического строительства в СССР на подъем рабочего и национально-освободительного движений в зарубежных славянских странах и усиление кризиса буржуазно-политической системы в Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии в межвоенный период.

В докладе А. Х. Клеванского — «Некоторые теоретические вопросы исследования кризиса буржуазно-политических систем в зарубежных славянских странах» были показаны основные черты кризиса буржуазно-политической системы в странах региона, взаимодействие объективных и субъективных факторов процесса и рассмотрены методологические аспекты их изучения. Эти вопросы получили дальнейшее освещение и конкретизацию в сообщениях: М. М. Сумароковой «Кризис буржуазного парламентаризма в Югославии в межвоенный период», С. Ю. Пруницы — «Углубление кризиса буржуазно-помещичьей системы в Чехословакии в 30-х годах», Е. Ф. Фирсова — «Фашистское движение в чешском буржуазном лагере в 1926—1927 гг.», И. М. Теодоровича — «Октябрь и польская общественность в период восстановления независимости», С. А. Марчука — «Националистические концепции польских правящих кругов и буржуазных партий в межвоенный период» и ряде других.

Вопросы коммунистического движения, развития международной солидарности рассматривались в докладе И. В. Михутиной о рабочем движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами и сообщениях Ф. И. Фирсова, Ф. П. Илку, И. Ф. Яновича, А. П. Литвинова, А. И. Авруса, В. В. Хайнаса и др. о коммунистическом движении в Чехословакии, деятельности профсоюзов, о помощи В. И. Ленина, Коминтерна, РКП(б) в становлении компартии Чехословакии, о Словацкой Советской Республике, распространении идей марксиз-

ма-ленинизма в Чехословакии, развитии молодежного движения и т. д. Сообщения В. И. Илько, А. В. Божука, В. П. Мисюры были посвящены аграрным отношениям и крестьянскому движению в Чехословакии в 20—30-х годах, В. С. Неволиной — роли Коммунистической партии Польши в создании и деятельности Коминтерна (1918—1923), А. И. Андрушко — борьбе коммунистической фракции польского Сейма против антисоветской политики правящих кругов Польши (1930—1939), И. Ф. Дешко — борьбе польских коммунистов за мир и дружбу с Советским Союзом в 30-х годах, Т. А. Бадюковой — руководству коммунистами молодежным движением, О. Я. Красивского — борьбе коммунистов Польши против идеологии и политики сионизма и т. д.

П. С. Сохань выступил с докладом «Г. Димитров — выдающийся деятель болгарского и международного коммунистического движения», Л. К. Грачев рассказал о деятельности Георгия Бакалова, В. Г. Дядкин — о коммунистическом движении в Болгарии в середине 20-х годов.

Значительное внимание было уделено вопросам международной солидарности в 20—30-е годы: международному движению за освобождение Г. Димитрова (С. В. Кушинская), международным связям БКП в 20-х — начале 40-х годов (Е. М. Спиваковский), болгаро-румынским революционными связям (Е. И. Городецкий), солидарности трудящихся славянских стран с Советской страной в 1921—1923 гг. (Б. М. Забарко), солидарности трудящихся Украинской ССР с трудящимися Польши в 20—30-х годах (Н. С. Шаповалова и Е. Н. Стуканов).

Проблемы международных отношений освещались в выступлениях: В. П. Чугаева — советско-польские отношения и проблемы мира в Европе (30-е годы), А. А. Удовенко — советско-польские отношения в 1933—1939 гг., Д. Б. Мельцера — советско-болгарские отношения в межвоенный период, И. И. Попа — внешняя политика Чехословакии после Локарно, И. Н. Чемпалова — некоторые аспекты советско-югославских отношений. Отдельные вопросы этой проблемы затрагивались в сообщениях: В. В. Павленко, В. Ю. Ганчина, В. П. Газина, С. И. Рябоконт и др. Подчеркивались ведущая роль СССР в борьбе за мир и международную безопасность и стремление Советского правительства поддерживать добрососедские отношения с зарубежными славянскими странами, раскрывалась антинациональная политика правящих кругов буржуазии и помещиков.

Во второй секции — «Победа революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы — продолжение Великого Октября» были заслушаны доклады: И. М. Теодоровича, Ю. И. Макара и И. М. Гойло — «Общие закономерности и специфика революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» и А. Ф. Кизченко — «Роль СССР в образовании мировой социалистической системы». В сообщениях Т. Г. Медоваровой, Ю. И. Шестакова, Л. А. Любимского, С. Е. Иващук, Г. А. Маценко рассматривались различные аспекты развития революционного процесса в Польше и укрепление советско-польского боевого сотрудничества в борьбе против фашизма, в других выступлениях — В. В. Зеленина, Л. С. Каирова и А. В. Кузьмина — вопросы развития антифашистской борьбы в Югославии и внутренние и некоторые международные проблемы югославской народной революции; Ю. А. Львунина, Г. В. Горбана, Н. В. Волостновой — международное профсоюзное движение в 1941—1945 гг., участие Г. Димитрова в создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия», развитие революционного процесса в Чехословакии.

На секции «Зарубежные славянские страны в период социализма» было прочитано 6 докладов и 45 сообщений по проблемам строительства социалистического общества и становления и развития сотрудничества социалистических стран. По первой проблеме были сделаны доклады: «Переходный период от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (Г. П. Мурашко и А. Ф. Носкова), «Основные тенденции социального развития рабочего класса социалистических стран Европы в 60—70-е годы» (Б. Й. Желицкий) и «Идеологическая борьба

антикоммунизма против стран социалистического содружества на современном этапе» (И. А. Петерс).

В ряде сообщений затрагивались общие закономерности социалистического строительства, а также их конкретное проявление в отдельных странах региона: А. А. Малыхин — «Закономерности строительства социалистического общества (на опыте СССР и зарубежных славянских стран)», Г. И. Шманько — «Повышение культурно-технического уровня рабочего класса европейских стран социалистического содружества», А. В. Петров — «Крестьянские партии в строительстве социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», Э. П. Чейпеш — «Совершенствование социалистического образа жизни в европейских странах социалистического содружества», Н. И. Лахпж — «Характер многопартийной системы в странах социализма» и др.

А. И. Черный, Н. Ф. Балтажи свои сообщения посвятили развитию творческой инициативы болгарского рабочего класса и его профсоюзов в строительстве социализма; В. И. Владимирская, Л. Р. Хут, Г. М. Ачагу — важным вопросам развития сельского хозяйства. В других выступлениях рассматривались отдельные аспекты развития НРБ.

В. В. Сухарев рассказал об общественной активности рабочего класса ЧССР в период строительства основ социализма, С. Н. Митряева и И. Н. Сюсько сообщили об изменениях в структуре чехословацкого рабочего класса в период строительства развитого социалистического общества. Различные вопросы строительства развитого социализма в ЧССР освещались в сообщениях В. И. Худаняча и С. М. Туряницы, В. В. Жилкина, В. И. Галаса, И. Г. Шершуна.

В выступлениях П. М. Калениченко и Ю. И. Макара были раскрыты этапы становления и развития строя народной демократии в Польше; Г. М. Славин осветил роль Народного фронта в социалистическом строительстве в Югославии, а А. И. Слива — развитие системы местного самоуправления СФРЮ.

Во второй подсекции обсуждались вопросы становления и развития сотрудничества социалистических стран. А. Ф. Носкова и И. И. Поп дали характеристику начального этапа формирования социалистического содружества. Э. Г. Лаврик рассказала о ведущей роли коммунистических и рабочих партий в развитии экономического сотрудничества, а П. С. Сохань осветил проблему научно-технического сотрудничества как фактора сближения и интеграции социалистических стран; сообщение И. М. Гранчака и М. И. Черепани было посвящено характеристике этапов развития социалистического интернационализма, а И. В. Зайчикова — основным аспектам внешней политики социалистического содружества.

А. А. Лашкевич, Л. Л. Прокопенко и Д. Н. Голубчик, Д. Г. Песчаный, Н. И. Туривненко рассмотрели вопросы советско-болгарского сотрудничества, С. М. Антонюк, В. И. Головин, В. С. Поляк — советско-польского, Н. В. Нехайчик, П. Ю. Студеняк, В. А. Илиньо — советско-чехословацкого, Н. П. Матьовка и В. И. Даниленко — советско-югославского.

Значение связей породненных областей Украинской ССР и братских социалистических стран было подчеркнуто в выступлениях: С. В. Виднянского, И. М. Кулинича, И. Н. Мельниковой, П. С. Соханя, А. С. Леднева, Г. Г. Диниса, П. П. Брицкого. Дальнейшее изучение данной проблемы, обобщение опыта становления и развития сотрудничества братских стран имеет не только научное и познавательное, но и громадное практическое значение.

В четвертой секции — «Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов во второй половине XIX — начале XX в.» обсуждались такие вопросы, как формирование рабочего класса и развитие рабочего и национально-освободительного движений, влияние первой русской революции на зарубежные славянские страны, внутренняя и внешняя политика южнославянских стран и политика России на Балканах. Вопросам рабочего движения в польских землях были посвящены доклады И. С. Яжборовской и сообщения Р. А. Ермолаевой, Л. В. Баже-

нова, Н. А. Ратича и В. В. Трофимовича, А. Г. Шейно, А. В. Черепицы, В. Н. Ватыль и др.

Вопросы истории югославских народов получили освещение в докладе К. Б. Виноградова — «Внешнеполитическая ориентация Сербии в конце XIX — начале XX в.», сообщениях О. В. Павлюченко о русско-сербских революционных связях конца XIX — начала XX в., А. В. Курягина о деятельности социал-демократической партии Боснии и Герцеговины; А. З. Нюркаевой об идейной эволюции сербской социал-демократии в период Боснийского кризиса.

Б. Н. Билунов рассказал о политической борьбе в Болгарии последней трети XIX в., А. К. Мартыненко — о развитии русско-болгарских отношений в эпоху империализма, а Р. А. Даирбекова — о деятельности русской политической эмиграции в Болгарии в 80-х годах XIX в., Н. Т. Сапронова — о позиции Д. Благоева по вопросу учительского движения в Болгарии в 80—90-х годах XIX в.

В. В. Леонова рассмотрела расстановку политических сил в Чехии накануне образования Австро-Венгрии, Ю. И. Поп сообщил о чешском буржуазно-либеральном движении в конце XIX — начале XX в., И. А. Мандрик охарактеризовал политику венгерских правящих классов в славянских землях в конце XIX в.

На пятой секции — «Национально-освободительное движение зарубежных славянских народов в конце XVIII — середине XIX в.» большинство выступлений касалось вопросов польского национально-освободительного движения и русско-польских и украинско-польских революционных связей. С. М. Фалькович проанализировала развитие польской радикальной идеологии в контексте связей прогрессивной общественной мысли и освободительного движения в России и Польше (конец XVIII — 70-е годы XIX в.), И. А. Воронков рассказал о деятельности радикального течения в период восстания 1830—1831 гг. Вопросы развития и укрепления взаимосвязей польского, русского, украинского и белорусского народов в борьбе за национальное и социальное освобождение были рассмотрены Ф. И. Стеблием, В. А. Сосно, В. М. Фоменковой, Г. К. Кожолянко, Е. Е. Станкевич, Ю. И. Курбатовой, В. Е. Задорожным, Р. Р. Юсуповым, З. М. Матысякевичем.

Значительная часть докладов и сообщений этой секции была посвящена южнославянскому национально-освободительному движению: В. Г. Карасева — позиции России в период обострения Восточного кризиса 1875—1878 гг., В. П. Чорния — кризису в болгарском революционном движении в 1873—1874 гг.; Л. В. Кузьмичевой — отношению русского общества к сербо-турецкой войне 1876 г., А. В. Карасева — отношению России к Балканскому союзу 60-х годов XIX в., С. В. Павловского — оценке Г. С. Раковским национально-политического единства болгарского народа в борьбе против османского ига, Е. Ю. Гуськовой — социально-классовой структуре сербского общества в 40—60-х годах XIX в., а А. И. Хоревой — памятникам по социально-экономической истории Болгарии. Авторы подчеркивали, что Россия поддерживала национально-освободительные движения южнославянских народов.

В центре внимания шестой секции — «Зарубежные славянские народы в эпоху феодализма» находились, прежде всего, вопросы аграрной истории, в частности Речи Посполитой. По этим вопросам выступили: В. А. Маркина («Основные черты разложения феодализма в Польше»); Н. П. Ковальский («Документы архива Сангушко как источник по социально-экономической истории Речи Посполитой»); В. М. Новик («Польская деревня в публицистике XVI в.»); А. П. Батурин («К вопросу о развитии малопольской деревни XVII в.»); А. Л. Зинченко («Феодальное церковное землевладение в системе социальных и политических отношений Речи Посполитой во второй половине XVIII в.»). Отдельные аспекты феодальной истории Польши затрагивались в сообщениях Н. Н. Кравца, А. М. Козия, А. М. Карпачева, Т. А. Поповой и В. А. Пирко.

Значительное внимание было уделено социальной и политической истории средневекового города. Доклад Ф. П. Шевченко был посвящен

1500-летию основания Киева; роль городов в складывании внутреннего рынка рассматривалась в сообщениях Н. П. Мананчиковой, Д. И. Полювяного, Е. С. Маковой; проблематика города освещалась также в докладе М. М. Фрейденберга — «Образ южнославянского города в европейском общественном сознании XVI в.» и сообщениях А. В. Чернышева, Е. М. Подградской.

Истории раннефеодального средневековья были посвящены доклад Я. Д. Исаевича о становлении польского раннефеодального государства и формировании польской народности, сообщения О. Р. Бородина о проникновении славян в Италию в VI—VIII вв., А. Н. Саливона — о формировании самосознания ободритов.

Впервые на конференции работала секция, посвященная вопросам культуры. Н. П. Лизанец рассказал об исследовании говоров Карпатского ареала в связи с историей и культурой народов Центральной и Юго-Восточной Европы, Г. В. Мельник — об этнокультурных связях славянских и неславянских народов Карпатского региона, Д. В. Костюк — об истории украинско-германских общественно-культурных связей, М. П. Тиводар — о культуре пастушеского населения Карпатского региона.

По проблемам истории культуры XIX — начала XX в. выступили с докладами: И. И. Свирида — «Художественная культура и исторические условия формирования наций зарубежных славянских народов» и И. И. Лещиловская — «Сербское просвещение. Люди и идеи»; с сообщениями: Л. Н. Титова (роль театра в общественной жизни зарубежных славянских народов); С. С. Бобинец (связи Ф. Шиллера с культурой зарубежных славянских народов); А. П. Соловьева (роль чешской литературы в формировании национального самосознания чешского народа); Е. З. Цыбенко (польско-русские литературные связи второй половины XIX в.); М. М. Криль (роль Галицко-русской Матицы в развитии украинско-чешско-словацких культурных связей); Е. М. Апанович (развитие украинско-чешских литературных связей во второй половине XIX в.); И. А. Дзендзелевский (украинско-польские научные связи); Л. Г. Марченко-Голомб (украинско-польские литературные связи); В. И. Оцхели (влияние М. Горького на развитие польской литературы); С. А. Спасс (влияние первой русской революции на развитие польской литературы); М. Я. Гольберг (влияние творчества И. Франко на развитие культуры южных славян).

Вопросы развития социалистической культуры освещались в докладах и сообщениях: М. Б. Ешча — «Культура в процессе строительства основ социализма», И. С. Дзюбка, В. С. Поляк и А. И. Тарабана — о политической культуре в социалистическом обществе, С. И. Митряевой — о развитии научных учреждений в ЧССР, Э. Г. Вартамян — об успехах болгарской агробиологической науки, И. М. Чаварга — о значении XVI съезда КПЧ для развития культуры; И. М. Кулинич — «Взаимодействие и взаимообогащение славянских социалистических культур», В. П. Колесника — о развитии культурных взаимосвязей трудящихся Украины, Польши и Чехословакии в пограничных районах, Г. Н. Попова — об историографии культурной революции в НРБ. В выступлениях Э. С. Острась, В. Н. Логойды, С. Ю. Страшнюк, А. П. Каленченко, Б. П. Бендзара, Н. И. Зимомри, Н. В. Мухиной, В. В. Бойко раскрывались отдельные вопросы советско-болгарского, советско-польского и советско-чехословацкого научного и культурного сотрудничества.

На восьмой секции рассматривались проблемы истории отечественной и зарубежной славистики. В. А. Дьяков сделал доклад «Состояние и перспективы исследований по истории отечественной славистики»; А. М. Орехов осветил вопросы координации исследований в области отечественной славистики, А. Н. Горяинов сообщил о развитии славистики в университетах в 20—30-х годах, К. И. Логачев — в учреждениях Академии наук СССР, Л. Б. Милякова, Е. Л. Валева, Н. М. Пашаева, М. Ю. Досталь затронули ряд вопросов развития славистики в зарубежных странах, И. А. Калоева охарактеризовала состояние научно-библиографической информации по истории славянских стран в СССР. Проблемы славистики

дооктябрьского периода освещались в выступлениях Е. П. Аксеновой, К. Г. Карпенко, Н. Н. Владыко, С. В. Неволлина, В. З. Фрадкина, Ю. М. Сака, И. И. Фекеты и др.; в докладе Л. В. Гориной — развитие историографии в Болгарии во второй половине XVIII — середине XIX в.

Значительная часть выступлений касалась развития славистики на современном этапе. Доклад Л. Я. Гибянского посвящен изучению в Советском Союзе народно-освободительной войны и революции в Югославии, И. Г. Поповой, Э. Н. Кучменко — советско-болгарского сотрудничества. Л. И. Уткина и Е. В. Чистякова остановились на освещении славистической проблематики в трудах выдающихся советских ученых В. И. Пичеты и М. Н. Тихомирова. Темой доклада Г. И. Чернявского была критика фальсификации современной буржуазной историографией истории коммунистического движения в Болгарии между мировыми войнами.

Девятая секция занималась вопросами преподавания истории южных и западных славян в высших учебных заведениях. В. Г. Карасев сделал доклад «Курс истории южных и западных славян в системе университетского исторического образования», а И. М. Гранчак — «О проблемном чтении курса истории южных и западных славян в университетах». С сообщениями по данному вопросу выступили: К. Х. Самбаев, который рассказал об опыте преподавания курса истории южных и западных славян в Самаркандском университете и Г. Н. Попов, поделившийся опытом руководства курсовыми и дипломными работами на истфаке Харьковского университета. Выступавшие на заседании секции отмечали необходимость дальнейшего совершенствования преподавания курса истории южных и западных славян в университетах.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций: И. И. Костюшко, А. Ф. Кизченко, В. И. Худанича, В. Г. Карасева, В. П. Чорния, М. М. Фрейденберга, В. И. Злыднева, Г. И. Чернявского и И. М. Гранчака. В принятом конференцией решении отмечалось, что работа пленарных заседаний и секций была плодотворной. В докладах и сообщениях было раскрыто решающее значение Октябрьской социалистической революции и успешного строительства социализма в СССР для развития революционного процесса в славянских странах Центральной и Юго-Восточной Европы и поступательного движения этих стран по пути социализма. Были проанализированы успехи народов зарубежных славянских стран в строительстве социализма, проблемы сотрудничества социалистических стран в экономической, научно-технической, политической и культурной областях. Много внимания было уделено вопросам строительства развитого социалистического общества, миролюбивой внешней политике братских социалистических стран.

На конференции были рассмотрены вопросы революционного рабочего, социалистического и демократического движений, национально-освободительного движения славянских народов и проблемы их истории в эпоху феодализма. Ряд докладов был посвящен 100-летию со дня рождения Г. Димитрова и 100-летию польского рабочего движения. Впервые на конференции были широко рассмотрены проблемы истории культуры славянских народов.

Важное место в работе конференции заняли проблемы истории славяноведения. Особое внимание было уделено вопросам методики преподавания курса истории южных и западных славян в университетах страны и освещению истории славянских народов в лекционных курсах по всеобщей истории. На конференции были подведены итоги историко-славистических исследований за последние годы и определены задачи их развития в свете решений XXVI съезда КПСС.

Период между VIII и IX конференциями ознаменовался развитием комплексных сравнительно-исторических исследований обобщающего характера, повышением их идейно-теоретического уровня, ростом методологической вооруженности историков-славистов. Улучшилась координация историко-славистических исследований академических учреждений и высших заведений страны.

Участники конференции отмечают, что в работе историков-славистов

имеются и недостатки: узость тематики исследований и недостаточное внимание к историографии и методике преподавания общего курса по истории южных и западных славян, историко-правовой проблематике и ряду других аспектов славистики.

Конференция считает необходимым сосредоточить усилия историков-славистов на следующих проблемах: общие закономерности и этапы развития социалистического строительства; история революционного и национально-освободительного движений; история международных отношений; межславянских связей; этногенез и этническая история; история культуры и общественной мысли; методология, историография и источниковедение славяноведения. Следует больше внимания уделять сравнительно-историческому и комплексному изучению истории и истории культуры зарубежных славянских народов; повышать идейно-теоретический и научный уровень славистических исследований. Одной из важных задач историков-славистов является разоблачение буржуазных, ревизионистских и националистических фальсификаций исторического процесса.

Конференция считает важнейшей задачей историков-славистов всемерное использование результатов научных исследований в учебном процессе с целью улучшения подготовки специалистов, совершенствование преподавания курса истории южных и западных славян, внедрение проблемного чтения лекций, содействие в подготовке научно-педагогических кадров высокой квалификации.

Представляется целесообразным на базе МГУ провести специальное совещание, посвященное вопросам историографии и источниковедения истории южных и западных славян в связи с необходимостью подготовки учебных пособий по этим дисциплинам.

Участники конференции считают полезным рассмотреть проблемы культуры на данной конференции и необходимым дальнейшее развитие исследований в этой области, а также использование их результатов в учебном процессе.

Конференция прошла на высоком идейном и научном уровне, в обстановке делового, творческого обсуждения актуальных вопросов советского славяноведения.

Очередную, X Всесоюзную научную конференцию историков-славистов провести в 1985 г., посвятив ее 40-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне и социалистических революций в зарубежных славянских странах. Участники конференции с удовлетворением приняли предложение Харьковского университета о проведении этой конференции в г. Харькове.

Участники конференции выражают благодарность Закарпатскому обкому Компартии Украины, Исполкому Совета Народных Депутатов Закарпатской области, Ужгородскому госуниверситету, Ужгородскому отделу ИСЭПЗС АН УССР за хорошую организацию конференции и гостеприимство.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н. Т. САПРОНОВА. Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии (1917—1923). Воронеж, 1981, 198 с.

Рецензируемая монография посвящена истории учительского движения в Болгарии, роли прогрессивного учительства в революционном движении с конца 80-х годов XIX в. до 1923 г., когда болгарские учителя в большинстве своем встали в ряды борцов-антифашистов.

Работа основана на широком документальном материале, почерпнутом как в центральных, так и местных архивохранилищах СССР и НРБ.

Много новых интересных документов извлечено из фондов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, центральных государственных архивов РСФСР, УССР.

Особую ценность представляют документы фонда Учительской социал-демократической организации Центрального партийного архива НРБ, фонда Министерства просвещения Центрального государственного исторического архива Болгарии, а также документы школьных инспекций окружных архивов Пловдива и Михайловграда. Всего обследовано 14 архивохранилищ СССР и НРБ. Подавляющее большинство архивных документов впервые введено в научный оборот. Изложению событий предпослано теоретическое обоснование темы и интересный историографический источниковедческий обзор. На страницах книги оживила трудная, порою героическая борьба болгарского учительства за прогрессивные методы преподавания, за укрепление учительских организаций, за свои профессиональные права, а самое главное — борьба против реакции, за свержение монархии и уничтожение эксплуатации. Учительство стало с 90-х годов XIX в. передовым отрядом болгарской интеллигенции.

Нельзя не согласиться с автором исследования в обосновании такого внутриполитического фактора подъема революционного движения прогрессивных учителей как традиции учительского движения, которые восходят к Возрождению, к массовой национально-освободительной борьбе болгарского народа против османского ига. Освещая активное участие учителей в распространении социалистических идей, в борьбе за организацию первых кружков по изучению марксизма,

а затем и за создание партии рабочего класса (с. 35—47), Н. Т. Сапронова справедливо отмечает, что прогрессивные учителя встали на сторону рабочего класса, внесли вклад в создание фундамента единства демократических сил в борьбе с реакцией и монархо-фашизмом.

Великая Октябрьская социалистическая революция представлена автором как важнейший внешнеполитический фактор подъема общественно-политической деятельности работников народного образования. Автор показывает влияние Октябрьской революции на идеологическую, организационную и тактическую деятельность учительской коммунистической организации, возникшей в 1912 г. после создания БКП (т. с.) (с. 62—72 и 132—154). Убедительно показана идеологическая работа учителей-коммунистов по пропаганде идей Октябрьской революции, деятельности партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина, мероприятий советского государства в области культуры и просвещения.

Не менее интересна та часть монографии, где автор рассматривает тактику Учительской коммунистической организации в свете решений III конгресса Коминтерна (с. 119—154).

Борьба за единый пролетарский фронт против реакции и фашизма была воспринята учителями-коммунистами и как национальная и как интернациональная задача. Автор на основании фактического материала убедительно показывает, что в решении национального аспекта этой проблемы учителя-коммунисты боролись за единство действий с другими учительскими профсоюзными организациями, Болгарским учительским и Классным учительским союзами. Не вызывает сомнения обоснование причин неудач в создании единого фронта учителей внутри страны. Тем более значимой была деятельность болгарских учителей-коммунистов по организации единого международного центра левых учительских объединений. Автор увлекательно, но не сходя с позиции научного, фундированного исследования, рисует борьбу болгарского прогрессивного учительства за единство профсоюзного движения, за сплоченность его с международными организациями и в первую очередь с советскими профсоюзами, т. е. представляет

проблему единого фронта как интернациональную задачу, поставленную учителями-коммунистами (с. 142—154). Очень интересны страницы о контактах болгарских учителей-коммунистов с Н. К. Крупской. Автор считает, что Учительская коммунистическая организация Болгарии выступала как наиболее авторитетное объединение левых сил учителей капиталистических государств Европы (с. 149—150).

В заключительной главе рассказывает об активном участии прогрессивной

интеллигенции Старо-Загорского, Врачанского и Пловдивского округов в борьбе с фашизмом в ходе первого в мире вооруженного антифашистского восстания 1923 г. в Болгарии.

Монография Н. Т. Сапроновой является ценным исследованием по важной проблеме, представляющей интерес как для советских, так и для болгарских читателей.

Улурия А. Я.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ БАЛКАНСКИХ СТРАН В МЕЖВУЗОВСКИХ СБОРНИКАХ СОВЕТСКИХ МЕДИЕВИСТОВ

Вполне закономерно и объяснимо особое внимание, которое уделяется в работах советских историков-славистов проблемам средневековой истории зарубежных славянских стран, в частности, вопросам социальной структуры, сословной и экономической систем эпохи феодализма, истории народных масс той поры, отдельных городов и др. Эта проблематика находит в той или иной мере отражение в работах, опубликованных в специальных серийных изданиях по истории славянских стран (в числе таких следует особо назвать «Вопросы истории славян», издаваемые Воронежским университетом, «Проблемы славяноведения», выходящие в издательстве Львовского университета) и в отдельных сборниках по балканистике (среди них назовем, в частности, сборник «Хозяйство и общество на Балканах в средние века», выпущенный в 1978 г. Калининским университетом); эти издания довольно регулярно рецензируются или реферированы в нашей научной печати. Между тем названная проблематика достаточно успешно исследуется и освещается также и в тех работах наших славистов, балканистов, византинистов, которые появляются и в других межвузовских сборниках, посвященных медиэвистике [1; 2]. Поскольку в связи с общей медиэвистической направленностью (а не специально славистическим профилем) таких изданий эти работы нередко могут остаться вне поля зрения некоторых наших, а тем более зарубежных ученых, нам представляется полезным рассмотреть здесь наиболее важные статьи по данной тематике, изданные в двух новых межвузовских сборниках по медиэвистике.

Наш обзор мы можем начать с характеристики тех статей, которые посвящены истории балканских стран эпохи раннего феодализма. Эти вопросы на материале Византийской империи рассматриваются весьма подробно в статьях одного из видных наших византинистов Г. Л. Курбатова «К проблеме перехода от античности к феодализму в Византии» [1, с. 3—21] и «К проблеме типологии византийского города» [2, с. 19—36]. Хотя обе статьи основаны на материале не только южнославянских стран, они, на наш взгляд,

представляют большой интерес для всех наших специалистов-славистов, которым приходится заниматься весьма важными и сложными проблемами перехода от античности к феодализму на Балканах, исследованием многообразного синтеза ранневизантийских и славянских общественных и экономических институтов, оценкой роли Византии в складывании раннефеодальных славянских государств и народностей. Вполне естественно, что в данной связи неизбежно возникает вопрос, а какой был социальный облик той Византии, с которой столкнулись в VI—VII вв. славяне, осевшие на Балканах, каков был ее господствующий класс, какими были и ранневизантийские города (в особенности — в приморских районах), большей частью (в том числе — в Далмации, отчасти на побережье Эгейского моря) так и оставшиеся в составе империи и оказывавшие разностороннее воздействие на славянских соседей (ср., например, [3]). Для исследователей названного круга проблем будут весьма важны и полезны выводы и предположения Г. Л. Курбатова, касающиеся типологии и соотношения византийских городов, проблемы преемственности применительно к господствующему классу Византии, трактовки ранневизантийского колоната, аграризации городов и т. п. Вместе с тем здесь необходимо было бы выразить и пожелание, чтобы проблематика раннего средневековья нашла в работах наших специалистов более полное отражение, в частности, за счет привлечения славянского материала; это помогло бы глубже проследить общие закономерности феодального развития в странах Юго-Восточной Европы уже на этом этапе.

Проблемам балканского средневековья на следующем отрезке исторического процесса, характеризующемся расцветом феодального строя, в двух этих сборниках посвящено несколько больше статей. Назовем сообщения на межвузовском симпозиуме по проблемам истории и историографии средневекового города (Саратов, сентябрь 1977 г.): Е. А. Ефремова «Города Славонии в XII—XIII веках и их социальная роль» [2, с. 123—125],

Л. А. Шаферовой «Патриции г. Котора — финансисты и дипломаты сербских правителей» [2, с. 128—130], В. А. Сметанина «Особенности городского ремесла в Византии XIII—XV веков и восстание наемных рабочих в Константинополе в 1372—1373 годах» [2, с. 134—136], В. Н. Завражина «К вопросу о поздне-византийской мануфактуре» [2, с. 136—139]. Касаясь последних двух сообщений, следует отметить значение такого рода работ для изучения общевосточных процессов (в частности, на материале городов той эпохи); сразу же возникает интересная параллель с народными движениями в городах Далмации XIV в. (Задре, Шибенике, Трогире, Сплите, Которе), волнениями в некоторых городских округах в XV в., что свидетельствует о заметной активности народных масс на Балканах в эпоху османского нашествия.

Отмечая значимость конкретного анализа материала во всех перечисленных исследованиях, хотелось бы подчеркнуть отсутствие статей масштабной, более широкой постановки и разработки крупных тем.

Социально-экономические вопросы эпохи господства на Балканах чужеземных властителей (Османской империи, Венеции, Габсбургов) рассматриваются в работах А. Д. Новичева «Аграрные отношения и положение крестьян в Османской империи в XVI — начале XVII вв. Проблема крепостничества» [1, с. 56—74], М. М. Фрейденберга «Балканские города XV—XVI веков (опыт типологической характеристики)» [2, с. 74—79], И. Г. Воробьевой «О демографии далматинского города XVI—XVII веков (донесения венецианских чиновников как исторический источник)» [2, с. 177—180]. Не имея возможности подробнее остановиться на этих, как и на вышеназванных работах, мы хотели бы прежде всего отметить важность постановки данных вопросов, а также обратить внимание на некоторые терминологические и источник-

ведческие недостатки, подчеркивающие необходимость более детального исследования проблематики позднего средневековья, периода османской и венецианской власти на Балканах. В частности, нельзя не признать весьма заметной односторонность наблюдений и выводов, сделанных М. М. Фрейденбергом главным образом на основании материала по Далмации (лишь отчасти — Сербии и Македонии) и распространяемых им практически на все балканские города, хотя от анализа источников по Хорватии он сам отказывается, не говорит о Словении, Албании, Молдавии, Валахии, Греции и столице империи — Стамбуле, а болгарские города упоминает лишь в общей форме. Мы не можем согласиться с оценкой А. Д. Новичевым [1, с. 73—74] трактовки термина «берайя» в книге А. Матковского [4]. На наш взгляд, термин этот был по своему реальному содержанию крайне неопределенным, объединяя и феодалов, и священнослужителей, и торговцев, и крестьян. Разумеется, изучение средневековой социальной терминологии остается весьма актуальной задачей и применительно к другим периодам феодальной формации, о чем свидетельствует и рассмотрение соответствующих вопросов в названной выше работе Г. Л. Курбатова [1].

В заключение обзора хочется сказать, что освещение определенных вопросов социально-экономического развития Балкан в рецензируемых межвузовских сборниках, выпущенных Ленинградским и Саратовским университетами, представляется нам весьма актуальным и правомерным с научной точки зрения; это способствует не только намечаемому (в некоторых изданиях) разделению западноевропейского и восточноевропейского средневековья, но и помогает более полному и глубокому исследованию общих закономерностей и локальной специфики феодального развития в разных странах и государствах Европы.

Наумов Е. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества, вып. 3. Л., 1980.
2. Средневековый город. Межвузовский научный сборник, вып. 6. Саратов, 1981.
3. Иванова О. В. Славяне и Фессалоника

во второй половине VII в. по данным «Чудес св. Димитрия» (постановка вопроса). — Славянские древности (Этногенез. Материальная культура древней Руси). Киев, 1980, с. 81—107.

4. Матковский А. Крепосништво в Македонија во време на Турско владеење. Скопје, 1978.

Книга одного из ведущих украинских славистов Г. Д. Вербеса является не только измененной, русской версией вышедшего в 1972 г. на украинском языке одноименного исследования [1], положительно оцененного как в СССР, так и за рубежом.

В центре внимания автора — поэтическая индивидуальность Максима Рыльского, на протяжении всего своего творчества сохранившего верность классической традиции мировой культуры и одновременно тесно связанного с художественными исканиями современности, и такие славянские поэты, как В. Иванов, В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова, О. Мандельштам, как Л. Стафф, Б. Лесьмян, Ю. Тувим, Я. Ивашкевич, В. Броневский, как В. Незвал и многие другие. Привлекает и глубоко личностное отношение автора к избранной им теме, безусловный вкус к поэзии и яркая публицистичность.

В книге — «размышлении» о творчестве Рыльского впервые рассматриваются в общеславянском контексте, ставятся и исследуются проблемы: 1) воздействия, которое оказали на формирование поэтической индивидуальности Рыльского различные, подчас противоречивые художественные тенденции XX в.; 2) влияние поэта на искания национальной (украинской) литературы; общности этих исканий с художественным развитием других славянских литератур; 3) своеобразия его поэтического таланта и его вклада в общечеловеческую культуру.

В обширном вступлении (с. 3—39) рассматриваются главные направления исследований, ведущихся в СССР и зарубежных социалистических странах по проблемам развития поэзии XX в. (прежде всего по проблеме традиции и новаторства) и по проблеме сравнительного анализа. Автор подвергает критике как современную западную структурную компаративистику, провозгласившую полную «замкнутость» художественной структуры, так и работы по поэзии отдельных зарубежных исследователей (С. Лукач, Ю. Буйновский), отвергавших принципы социалистического искусства.

Г. Д. Вербес уделяет особое внимание раннему периоду творчества Рыльского как наиболее сложному и наименее разработанному, в котором поэт, начиная со сборника «Под осенними звездами» (1915—1918), обретает собственный голос (гл. 1). Автор останавливается на символистских увлечениях Рыльского юношеской поры, на сложности его исканий второй половины 10-х годов. Досадно, однако, появление в интерпретации таких фраз, как: «„Монах без божества и жрец без молитв“, попавший из заоблачных высот даже не в домик на опушке леса..., а в обыкновенный кабак, возможно, и удовлетворился бы звоном бокалов, но для поэта, который хотел бы „радоваться среди людских веселых душ“, сердце которого „надеялось на будущее“, всего этого было ничтожно мало!» (с. 47).

Эту интерпретацию можно воспринять двояко: и как отождествление лирического и авторского «я» (но ведь при всей напряженности личностного начала в лирике нельзя ставить знака тождества между лирическим и авторским «я», нельзя воспринимать «признание» Рыльского буквально), и как насильственный «разрыв» собственно лирического «я» — в любом случае снимается сложность, о которой говорилось выше.

Акцентируя внимание читателя на «земном» тяготении Рыльского как изначальном свойстве его поэтической индивидуальности, проводя параллели с украинской и русской поэзией начала XX в., исследователь заметно гордится скорее вывести украинского поэта из модернистского круга (с. 62—66), являясь сторонником точки зрения (о которой не так давно резко высказался В. Днепров [2]), что все лучшее в мировом искусстве принадлежит реализму. При этом подчас утрачивается различие между декадансом и символизмом, хотя это явления не одного плана, ибо общеизвестно, что символизм в отличие от декаданса обладал целостной не только философской, но и художественной системой. Далеко не все символы были «декадентами»: Блок, например, разорвав с декадансом, был верен принципам символистской поэтики. В той же степени не тождественны понятия: символизм и идеализм, реализм и материализм, ибо разве все реалисты были материалистами?

Отдавая дань значению символизма в европейской и русской поэзии, в поэзии Рыльского, воспринимая его как «целый комплекс понятий идеологического, художественно-психологического, этического ряда определенной социальной среды, конкретной эпохи» (с. 64), Г. Д. Вербес далее сужает его рамки, сводя его лишь к мистицизму «соловьешине» (с. 68), к «„иррациональной душе“, индивидуализму и аморализму Мережковского» (с. 64). Между тем, с символизмом были связаны и теоретические концепции А. Белого, В. Иванова, В. Брюсова.

Подобная негативная точка зрения на русский символизм и идеализм рубежа веков и в особенности пренебрежительное отношение к наследию В. Соловьева едва ли правомерны. В советском литературоведении существуют серьезные работы о символистах и их философских воззрениях, которые, к сожалению, не учтены Г. Д. Вербесом, где, в частности, фигура В. Соловьева представлена как одна из самых ярких в русском идеализме XIX в. Справедливости ради следует заметить, что В. Соловьев не был однозначным «мистиком»; в его поэзии шел неустанный «диалог» между двумя мирами, а идеал достигался путем «синтеза» лучших сторон материального бытия и высот духа [3].

На с. 75, вновь делая акцент на «земном» тяготении украинского поэта, Г. Вербес различает символ у старших,

выражающий «быстротекущее, сиюминутное», и младших символистов («олицетворение каких-то вещей, фатальных, не разгаданных примет бытия») и — символ у Рыльского, «как один из способов отображения единого в своей красоте и неповторимости — зримого, осязаемого, чарующего мира вокруг нас и в нас». Автор рассматривает символ у символистов в отрыве от «земной» (материальной) сферы, а между тем любой символ отражает диалектическую связь между материальным и идеальным началами, «взаимопронизанность означаемой вещи и означающей ее образности» [4, с. 66]. «Разрыв» между этими двумя началами уничтожает и само понятие «символа». И уж, конечно, символ не есть «олицетворение» [4, с. 139—142]. Важно установить, насколько «земное» начало в этом диалектическом единстве перевешивает, и с этой точки зрения наблюдения над «символом» Рыльского безусловно плодотворны.

Оправданно стремление автора дать многогранную характеристику такого неоднозначного явления, как неоклассицизм (гл. II, отчасти III), выделить в нем линию исканий русской, польской и украинской литературы и определить место в них Рыльского. Однако, если в целом авторская трактовка неоклассицизма представляется достаточно объективной, оценка отдельных поэтов вызывает возражения и сомнения. Неясно, например, на каком основании к неоклассицизму наравне с Л. Стаффом относится Б. Лесьмян (с. 92)? Несмотря на сильное «земное» начало в лесьмянской поэзии более справедливой представляется точка зрения исследователей, не только связывающих Лесьмяна с символизмом, но и считающих его поэзию «вершиной» польского символизма. Во всяком случае от неоклассицизма в поэзии Лесьмяна нет ничего, это — поэт романтического склада. И никак нельзя в связи с Рыльским говорить о «всепоглощающем оптимизме» Лесьмяна (с. 93) — его поэзия исполнена тревоги и драматизма.

Неадекватной представляется оценка ранней лирики Ахматовой как «оранжерейной» (с. 100): ведь так писало о ней вульгарносоциологическое литературоведение 20-х годов, с которым резко полемизировал В. М. Жирмунский [5]. Неясно, почему «привязанность Ахматовой к малым формам» воспринимается Г. Д. Вервесом как нечто уязвимое и, напротив, тяготение Рыльского к «крупным поэтическим формам» расценивается как достоинство. Г. Д. Вервес словно упрекает Ахматову в ее «интимном» отношении к истории, что является в ее поэзии синонимом высокого лиризма, а отнюдь не свидетельством камерности (здесь уместно сравнение с Пушкиным). И, наконец, разве свойство поэзии Ахматовой (в отличие от Рыльского) была «певучесть» стиха (Вервес солидаризируется с точкой зрения Л. Озерова — с. 101), а не «речевой лад», как считает Б. Эйхенбаум?

Если в параллели Ахматова/Рыльский ощутима «принуженность» русской поэтессы, то, напротив, личность Брюсова,

к которой тяготеет в 20-е годы Рыльский, явно «приподнята» (имеется в виду прежде всего послереволюционное творчество Брюсова; гл. III, с. 114—116).

При рассмотрении раннего творчества Рыльского Вервес делает акцент на усвоении им «влияний», в дальнейшем этот акцент переносится на творческие аналогии между Рыльским и другими славянскими поэтами (гл. IV). В параллели Рыльский/скамадриты особенно удачным оказался «портрет» Тувима. В советском литературоведении после И. Колташевой [6] никто так объективно не писал о тувимовской поэзии 20-х годов.

Главной, сквозной проблемой книги является проблема преемственности, традиции — ближайших предшественников и классического наследия в широком смысле. Вервес настойчиво стремится показать, как классика (Мицкевич, Шевченко) не только не тормозила (вопреки утверждениям критики рапполовского толка) поэтическое развитие Рыльского, но, напротив, способствовала творческой перестройке его поэзии (гл. V). Интересны наблюдения исследователя над поэтическим стилем Рыльского («Марина»), плодотворно выявление им влияния Мицкевича на стремление украинского поэта к «простоте и искренности».

Заключительные главы книги (VI, VII) посвящены авангардистским течениям в славянских литературах 20—30-х годов. Вервес полемизирует с утверждением чешских и ряда советских исследователей (Н. И. Балашов, И. А. Берштейн), рассматривающих авангардизм как наиболее революционные искания XX в., разделяющих (в частности, предоживший Д. Ф. Марковым [7]) конкретный исторический взгляд на это явление.

Автор книги, имея в виду прежде всего М. Рыльского, скептически относится и к утверждению об обязательности авангардистского этапа в развитии больших поэтов современности, которые своим творчеством утверждали метод социалистического реализма. Но при этом он обращает внимание на то, что поэтический эксперимент В. Незвала и Б. Ясенского не оставил Рыльского равнодушным.

Если в начальной главе заметно стремление ускорить выход Рыльского из модернизма, то, напротив, «пребывание» поэта в кругу неоклассиков явно затягивается (по-видимому потому, что под неоклассицизмом понимается главным образом верность классической традиции). Об освоении поэтом новой советской действительности и новой проблематики пишется без упрощения, подчеркивается «трудность» слияния лучших художественных достижений раннего творчества Рыльского с новой системой видения мира (с. 207). Завершается книга обзором творчества поэта 40—50-х годов.

Сопоставление творчества М. Рыльского с национальной и мировой литературной традицией, изучение воздействия на него предшественников и современников имеет огромное познавательное и методологическое значение. Характерная для книги широта сопоставлений, которая может показаться уязвимой (бесконечные параллели, огромное количество имен,

развернутые портреты, существующие как бы сами по себе, подчас «подавляя» Рыльского), одновременно дает возможность не только определить место украинского поэта среди выдающихся

художников XX в., но и раскрыть различные грани его таланта, проникнуть в художественную ткань его произведений.

Богомолова Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вервес Г. Д.* Максим Рильский в колі слов'янських поетів. Київ, 1972.
2. *Днепров В.* Идеи времени и формы времени. Л., 1980, с. 12 и сл.
3. *Мицц З.* Предисловие в кн.: Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
4. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реак-

листическое искусство. М., 1976 г., с. 66.

5. *Жирмунский В. М.* Творчество А. Ахматовой. М., 1973.
6. *Колташева И.* Юлиан Тувим.— В кн.: История польской литературы. Т. II. М., 1969.
7. *Марков Д. Ф.* Генезис социалистического реализма. М., 1970.

В истории славянства эпоха, квалифицируемая как Просвещение для одних народов или национальное возрождение — для других — узловой с точки зрения последующих судеб этап развития. Его национально-духовным стержнем, определяющим направленность и специфику всех составляющих эпоху процессов, является формирование современных наций со всеми вытекающими отсюда закономерностями и историческими событиями периода перехода от отношений феодального типа к капиталистическим: зарождение и становление нового — национального — самосознания, борьба за национальную независимость для одних народов и развитие собственной государственности — для других, секуляризация всех сфер общественной деятельности, назревание изменений в социальной структуре и рост новых общественно-политических сил, возникших на волне просветительских устремлений к созданию справедливого мироустройства, где одним из центральных вопросов было раскрепощение крестьянства и установление юридического равноправия в духе буржуазно-демократических идей века. Все это предопределило зарождение и развитие новой — национальной — культуры, связанной в отличие от прешествующих периодов истории, прежде всего со светскими по своему характеру факторами и институтами общественной жизни. Возникает тот тип художественной литературы и искусства, который стал уже непосредственной основой современного развития. Это же относится и к сфере литературного языка. Отсюда то внимание, которое современная славистика уделяет Просвещению и национальному возрождению. В нашей науке следует в этой связи особо выделить исследования, проводимые в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. Именно здесь в течение ряда лет был разработан комплексный подход к изучению данной проблематики, намечены и в значительной степени уже реализованы исследования историков, культурологов, лингвистов, этнографов и фольклористов в рамках решения общей проблемы, связанной с кругом вопросов формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы [1—17].

Эпоха Просвещения привлекает пристальное внимание ученых разных стран Европы. Каждый из периодов, следовавших после века «интеллектуального переворота», по-новому (и по-своему) открывал эту эпоху, что было обусловлено не только особенностями исторически сменяющихся научных методологий, но и каждый раз иначе осознаваемой своей общественно-философской «генеалогией», поисками своих истоков в прошлом. В этом отношении эпоха Просвещения была тем рубиконом, за которым открывалась перспектива нового времени — наше непосредственное прошлое и наше настоящее. «Мы, — писал Поль Азар, — обременены наследием древности, Средневековья, Ренессанса, но непосредственно

ведем свою родословную с XVIII в.» [18].

В истории большинства славянских народов Просвещение было особо важным этапом, связанным прежде всего с возрождением национального самосознания и созданием основ, на которых в течение последующего времени создавалось здание национальной культуры. Особую роль в этом процессе сыграла литература, рассматриваемая просветителями — деятелями и теоретиками, публицистами и художниками — как действенное оружие в борьбе за умы, как наиболее активное средство перевоспитания общества, подавленного инонациональным или социальным гнетом, общества, находящегося в путах предрассудков родом из средневековья. В этой связи представляет интерес коллективный труд ученых ГДР «Литература перелома эпох. Функции европейских литератур XVIII — начала XIX в.» [19]. Основная задача, поставленная авторами, — анализ и оценка идейного наследия литературы и ее общественной роли во времена антифеодальной борьбы, эмансипации и подъема третьего сословия. История литературы рассматривается в ее обусловленности теми социальными сдвигами и общественно-политическими процессами, которые определили общий тип эпохи перехода от феодализма к капитализму. При этом общетеоретические проблемы истории национальных литератур интерпретируются в контексте социально-политической истории Европы.

Общие задачи сборника, направленность поисков и пути их решения, объединяющие авторский коллектив, изложены во «Вступлении» Г. Клотца, который особо подчеркивает актуальность проблемы исследования общественных функций литературы в наши дни, выделяя в связи с этим вопросы национальной специфики, роли литературы в общественной борьбе и те изменения, которые происходят в литературе по мере становления новой эпохи, а также проблему исследования литературы как явления, не отделимого от классового самосознания, а одновременно воздействующего на него. В работе В. Шредера «К вопросу о территориальной и региональной неравномерности перехода от феодализма к капитализму и национальной истории как форме развития всемирной истории» анализируются социально-исторические закономерности данного периода, от которых не отделима история литературы, подчеркивается необходимость конкретно-исторического подхода к выявлению соотношения явлений базиса и надстройки, а в этой связи, постулируется целостный анализ исторической реальности, органичной, а не автономной частью которой является литература. Раздел «Образ индивидуума и общества в романе — импульс борьбы и буржуазной эмансипации» открывается «Введением» Р. Гайслера, который полагает основной задачей истории литературы осмысление художественных свершений с точки зрения их проблематики и общественной значимости. Авторы исследо-

ваний, составивших данный раздел¹, — рассматривают отдельные литературные произведения и жанры (прежде всего роман) как факторы общественного сознания и продукта определенных социально-исторических условий, выявляют их роль в социально-политической жизни периода острой идеологической борьбы, выдвинувшей третье сословие на первый план европейской истории. Раздел «Актуально-политическая функция литературы в классовой борьбе» составили исследования А. Грасхофа, Г. Штольбе, А. Клингенберга, Г. Йонас, привлечших обширный материал, связанный с ролью литературы в общественной борьбе, причем особое внимание наряду с западноевропейскими художественными свершениями уделено польской (Г. Йонас) и русской (А. Грасхоф) литературе. В написанном М. Фонтинусом разделе «Развитие производительных сил и автономия искусства. К смене сословных предпосылок теории литературы» рассматривается развитие немецкой просветительской эстетики во взаимосвязи с общественной эволюцией. Путь от просветительской концепции

гармонии эстетического и этического, теории и практики, искусства и реальности до идеалистической концепции автономии искусства М. Фонтинус рассматривает в контексте социальной истории, видя связь этих философских концепций с такими базисными явлениями, как развитие капиталистических производственных отношений и возрастающее в связи с этим отчуждение духовной сферы человеческого творчества от сферы физической деятельности. Завершает этот коллективный труд исследование П. Вебера «Образование понятия мировой литературы» (начиная с Гете, который ввел это понятие), анализирует идеи Маркса и Энгельса, подчеркивая их актуальность для современного марксистского литературоведения, обращается к высказываниям М. Горького,¹ указывает на необходимость дифференцированного подхода к изучению литературы и культуры прошлого в целях углубления изучения мирового литературного процесса как основной задачи марксистского литературоведения.

¹ В разделе помещены следующие статьи: Г. Клотц — «Литературный образ индивидуума, освободившегося от сословных оков», «Оптимизм и действительность в английском романе»; Р. Гайслер, А. Клингенберг — «Основной конфликт между буржуазными жизненными требованиями и феодальной системой во французском и немецком романе»; А. Грасхоф, Г. Йонас, Э. Беринг — «Борьба за национальную независимость и отмену крепостного строя в литературах Восточной и Юго-Восточной Европы»; Г. Клотц, Р. Гайслер, А. Клингенберг — «Изменение функций одного литературного мотива: к робинзонской теме в литературе XVIII в.»

Этот литературно-социологический труд, изданный Центральным Институтом истории литературы ГДР может представлять интерес для наших специалистов, а его сопоставление с работами Института славяноведения и балканистики АН СССР, посвященными основным закономерностям формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, может привести к выводу, что распространение планов координации и сотрудничества этих двух институтов также и на исследование Просвещения может быть не менее плодотворным, чем уже налаженное сотрудничество в области исследования современных литератур.

Дипатов А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Болгарии. Т. 1, 2. М., 1954, 1955.
2. История Польши. Т. 1, 2. М., 1955, 1956.
3. История Чехословакии. Т. 1, 2. М., 1956, 1959.
4. История Югославии. Т. 1, 2. М., 1963.
5. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
6. Балканские исследования. Т. 6. М., 1980.
7. Освободительные движения народов Австрийской империи. Зарождение и развитие. М., 1980.
8. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
9. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
10. Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв. М., 1959.

11. Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963.
12. История польской литературы. Т. I, М., 1968.
13. История словацкой литературы. М., 1970.
14. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение, национальное возрождение. М., 1982.
15. История славянских литературных языков. М., 1965.
16. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.
17. Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
18. *Hazard P.* La pensée européenne au XVIII-e siècle. T. I, Paris, 1946, p. 1.
19. Literatur im Epochenumbbruch. Funktionen europäischer Literaturen im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert. Berlin und Weimar, 1977.

CONTENTS

<p><i>Zelenin V. V., Karasev V. G.</i> The Problems of Slavonic Studies in the Field of the History in the Light of the Decisions of the XXVI Congress of the Communist Party of the Soviet Union. <i>Kostiushko I.</i> The Activities of the Communist Party of the Soviet Union and the United Polish Working Party for Strengthening the Soviet-Polish Friendship. <i>Mihutina I. V.</i> The Working-Class Movement in the Countries of Central and South-Eastern Europe between the Two World Wars. <i>Bystritski V., Deak L.</i> (CSSR). The States of the Central and South-Eastern Europe and the Security Problem in the 30-ies. <i>Salivon A. M.</i> The Wilts-Lutigs. <i>Varvarina E. E.</i> The Evolution of the Hero-Contemporarian Image in Bulgarian Prose of the 60—70-ies. <i>Soboleva E. B.</i> The Ways of the Noun Determination in the Gospel of Dobromir. <i>Liovochkin I. V.</i> The Oldest Copy of the Vast Life of Constantin the Philosopher. <i>Zelenina E. I.</i> New Works of Bulgarian Scientists on the Problem of the Folk Spiritual Culture. <i>Granchak I. M.</i> The IX-th All-Union Scientific Conference of the Specialists in the History of Slavonic Countries.</p>	3
---	---

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Ulunian A. A. H. T.</i> Сапронова. Великая Октябрьская социалистическая революция и учительское движение в Болгарии (1917—1923). <i>Naumov E. P.</i> The Problems of the Social and Economical Development of the Balkan Countries in the Intercollege Collected-Articles of the Soviet Specialists in the Middle Ages. <i>Bogomolova N. A. Г. Д.</i> Вербес. Максим Рыльский в кругу славянских поэтов. <i>Lipatov A. V.</i> The Enlightenment and the Literature.</p>	104
---	-----

Технический редактор *Е. В. Синуцына*

Сдано в набор 10.12.82.	Подписано к печати 11.02.83 Т-03935	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л 9,8 Усл. кр.-отт. 11,8 тыс.	Уч.-изд. л. 10,9 Бум. л. 3,5
	Тираж 1160 экз.	Зак. 2287

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва. К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

Ж-17
В ОРДНИКА 34/38-40
ТОЛСТОМУ И И
70891

Д